Г. П. ФЕДОТОВ

Собрание
сочинений

«МАРТИС»
SAM & SAM

Г. П. ФЕДОТОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

«МАРТИС»
SAM & SAM
2000

Г. П. ФЕДОТОВ

ТОМ ТРЕТИЙ

Святой Филипп, митрополит Московский.

Приложение: Житие и подвиги Филиппа, митрополита Московского и всея России

«МАРТИС»
SAM & SAM
2000

ББК 87.3
Ф 34

Федотов Г. П.

Ф 34 Собрание сочинений в 12 т. Т. 3: Святой Филипп, митрополит Московский. Приложение: Житие и подвиги Филиппа, митрополита Московского и всея России / Сост., примеч., перевод С.С.Бычков. — М.: Мартис, 2000. — 251 с.

В третий том собрания сочинений Г.П.Федотова вошла его монография 1928 года «Святой Филипп, митрополит Московский». До сегодняшнего дня этот труд остается образцом современной агиографии — в нем органично соединены бережное отношение к первоисточникам, добросовестное изучение сопутствующих исторических свидетельств и глубокое религиозное чувство исследователя. Издание снабжено приложением, в которое вошли церковнославянский текст Жития митрополита Филиппа XVII века, публикуемый впервые, а также его перевод. Исследование Г.П.Федотова не утратило своей актуальности и сегодня, когда вопрос о взаимоотношениях Церкви и власти вновь находится в центре внимания российского общества.

ISBN 5-7248-0037-3

ISBN 5-7248-0068-3, т. 3

Святой Филипп, митрополит Московский

РУССКУЮ ЦЕРКОВЬ часто упрекали в небрежении общественными задачами христианской культуры. Время от времени слышатся и из ее среды голоса, утверждающие исключительность личного пути: личного подвига, личного спасения. Всякая постановка общественных целей для православной церкви отвергается как католический соблазн, отталкиваясь от которого приходят к своеобразному аскетическому протестантизму: царство Божие и царство кесарево остаются навеки разделенными. Эта духовная, метафизическая разделенность не мешает благословению царства кесаря, и тогда уже – именно в си́лу религиозной отрешенности – благословение не знает ограничений. Благословляется всякая власть, все деяния этой власти. Вопрос о правде – общественной правде – не поднимается, считается не подлежащим церковному суду. Покорность неправедной власти может проповедоваться даже как аскетический подвиг.

Для историка ясно, что в этих широко распространенных – по крайней мере, в недавнем прошлом – настроениях мы имеем дело с сочетанием аскетической традиции древне-христианского Востока и последствий протестантской по своим тенденциям церковной реформы Петра. Петровская реформа исказила надолго общественно-национальное лицо русского православия, оставив в неприкосновенности его внутреннюю, духовную жизнь. Святой старец и покорный иерарх сделались двумя полюсами церковной жизни.

Не всегда было так. В древней Руси отношения между церковью и государством складывались по-иному. Конечно, православная церковь – и в этом ее великое преимущество перед западной – никогда не протягивала руку к власти, не хваталась за меч кесаря. Но, в силу кровной сращенности всего обществен-

ного и церковного строя жизни, церковь была вовлечена в дело мирского устроения. Ее не властный, но авторитетный голос выслушивался во всяком важном деле государевом. Царь советовался не только со своими боярами, но и с отцом своим и богомольцем – митрополитом или патриархом. «Освященный собор», т. е. собор духовенства, был непременной, органической частью земского собора, наряду со служилыми и тяглыми земскими людьми. Восходя еще дальше в прошлое, в удельные времена, мы встречаем митрополитов-политиков, указующих мелким московским вотчинникам державный путь собирания и строения Руси, встречаем даже фактических правителей княжества Московского, каким был св. Алексий.

Однако все эти факты – хорошо известные – рисуют только одну сторону церковно-государственных отношений. В своей односторонности они способны даже создать впечатление использования церкви на службе государству, ее почетного порабощения. Мы хотим убедиться в том, что церковь сохранила свою независимость, неподкупность своего морального суда в этом трудном деле государственного служения. Сочетаясь с миром, оставалась ли она выше мира – хранительницей иных законов, зеркалом иной, небесной правды?

Будем остерегаться двух ошибок: чрезмерно идеализировать прошлое – и рисовать его сплошь в черном свете. В прошлом, как и в настоящем, шла извечная борьба добрых и темных сил, правды и кривды, но, как и в настоящем, слабость, малодушие преобладали и над добром, и над злом. Можно отметить, что примеры мужественных уроков церкви государству, частые в удельно-вечевую эпоху русской истории, становятся реже в столетия московского единодержавия. Церкви легко было учить миролюбию и верности крестному слову буйных, но слабых князей, мало связанных с землей и раздираемых взаимными усобицами. Но великий князь, а позже царь московский стал «грозным» государем, не любившим «встреч» и не терпевшим противления своей воле. И голос церкви во дворце государевом стал тише, приглушеннее. Не обличая, не грозя, церковь, в лице митрополита и патриарха, печаловалась за опальных, стараясь смягчать жесткость государственного разума...

Но один раз церковь мужественно возвысила свой голос и перед лицом Грозного царя – в самый трагический момент

русской истории. В годы кровавой революции, произведенной верховной властью, митрополит Филипп восстал против тирана и заплатил жизнью за безбоязненное исповедание правды. Святой Филипп стал мучеником – не за веру Христову, защитником которой мнил себя и царь Иван Васильевич, но за Христову правду, оскорбляемую царем. Он был почти одинок в своем протесте среди современных ему иерархов, одинок и на фоне целых веков. Но его голос спас молчание многих; его подвига достаточно, чтобы выявить для нас новую черту в лике православия. Церковь, канонизировавшая святого, взяла на себя его подвиг, столь редкий – быть может, даже единственный – вплоть до грозных событий наших дней. Подвиг митрополита Филиппа дает настоящий смысл и служению его сопастырей на московской кафедре Успения Богородицы: св. Алексия и св. Гермогена. Один святитель отдал труд всей жизни на укрепление государства московского, другой самую жизнь, обороняя его от внешних врагов. Св. Филипп отдал жизнь в борьбе с этим самым государством в лице царя, показав, что и оно должно подчиниться высшему началу жизни. В свете подвига Филиппова мы понимаем, что не московскому великодержавию служили русские святые, а тому Христову свету, который светился в царстве, – и лишь до тех пор, пока этот свет светился.

Подходя так к образу и делу св. Филиппа, мы убеждены, что не совершаем над ними тенденциозного насилия. Уже древнее житие Филиппа построено на этом плане: обличитель Грозного затеняет в нем соловецкого инока. И для древне-русского церковного сознания св. Филипп жив как митрополит Московский, а не как подвижник с Белого моря. Черты его внутреннего духовного облика даны нам чрезвычайно скупо, и нельзя не пожалеть об этом. Они нам все же даны – настолько, что позволяют видеть тот личный, иноческий путь, на котором ярко вычерчивается общественное его служение. Но все же св. Филипп принадлежит к тем деятелям, личность которых целиком выражена для нас в их подвиге. Вот почему наш биографический опыт будет опытом историка, а не агиографа. Мы постараемся возместить скудость личных черт биографии, вставив ее в историческую оправу. Знакомство с эпохой может пролить свет и на смысл личного подвига. Митрополит Филипп при-

надлежит столько же истории русской церкви, как и русского государства. Недаром Карамзин видел в нем «героя», даже «знаменитейшего из героев древней и новой истории». Мы увидим только, что, как истинный святой, он был героем смиренным, не искавшим подвига, но и не уклонившимся от него, когда мученическое бремя власти упало на его плечи, привыкшие к иным трудам.

Глава I

В московском дворце

Св. ФИЛИПП родился 5 июня 1507 г. Его мирское имя было Федор Степанович Колычов. По рождению он принадлежал к среднему слою московского, не княжеского боярства старого корня, предки которого издавна служили князьям московским. Захарьины (Романовы), Шереметевы, Колычовы вели свои роды от общего предка. Веками они строили вместе с потомками Калиты государство московское и, потеснившись перед удельными князьями, переезжавшими на московскую службу со времени Ивана III, продолжали служить своим государям. Дед Федора Иван Андреевич Колычов-Лобанов при Иване III ездил послом в Крым, бывал наместником в Новгороде, нес и ратную службу: ходил против шведов и ливонцев и даже убит был (в 1502 г.) при нападении ливонцев на Ивангород. Сын его, боярин Степан Иванович, по прозванию Стенстур, отец Федора, был назначен дядькой (воспитателем) великого князя Юрия Васильевича, брата Грозного, а дядя Федора Иван «ведал думу» князя Андрея Ивановича Старицкого, удельного князя из московского дома, – брата Василия III. Служа ему, он все еще служил роду князей московских, и только распря между московским правительством и удельными родственниками поставила его, как мы увидим, в ряды противников Москвы.

Эта семейно-сословная справка не кажется излишней в биографическом очерке митрополита Филиппа. Судьба Колычовых не раз трагически сплеталась с его собственной судьбой. Опала Колычовых совпадает с уходом из мира молодого Федора. Низложение митрополита сопровождается казнями Колычовых. При скудости биографических сведений, иным представлялось возможным ставить в связь оппозицию Филиппа царю с оппозицией гонимого боярства. Мы увидим, что в такой постановке вопроса есть коренная ошибка. Но даже и не считая дело св. Филиппа политическим делом, можно повторить замечание Иловайского [1], что, быть может,

боярское происхождение не было случайностью в биографии святого.

Мы почти ничего не знаем о первых тридцати годах жизни Федора Колычова. Мать его Варвара окончила свои дни в монастыре, но постриглась она уже после своего сына. Ее родовые вотчины лежали в новгородских землях, как, впрочем, и многих из Колычовых. Кроме Федора, у нее было еще трое младших сыновей. Федор рано научился грамоте. Он получил и необходимое для сына боярского воинское воспитание. Посылали его «со отроки на конях ездити». Житие св. Филиппа[2] уверяет, что он «о том не брежаще», подчеркивает отчужденность юноши от игр и обычаев сверстников, любовь к чтению, к житиям «досточудных мужей». Все же оно отмечает, что юноша «вразумлялся и воинской храбрости». Молодой сын боярский не мог не нести государевой службы. Однако житие связывает поступление его на службу лишь с вокняжением Ивана IV. Впрочем, здесь перед нами одна из многочисленных неточностей этого памятника. Трудно думать, что до 26 лет юноша не нес никакой службы. Может быть, указания жития относятся к дворцовой службе Федора. До того он мог нести службу ратную, ходить в походы, но об этом не сохранилось никаких свидетельств. Неизвестно также, действительно ли Федор попал во дворец лишь после смерти великого князя Василия. Его отец и дядя были близки к московскому двору, и вряд ли стоило бы ждать так долго, чтобы устроить молодого Колычова на одну из почетных и многообещающих придворных должностей. Какова могла быть эта придворная служба Федора?

Московский двор совсем недавно, при Иване III, после брака с византийской царевной, порвал с патриархальной простотой удельного двора, чтобы сменить его на пышность, импонирующую и иностранным послам, впервые появившимся в Москве. Расширился состав придворных чинов. При Иване III к старым боярам, окольничим, дворецким присоединились казначей, постельничий и конюший. При Василии III мы встречаем сверх того оружничего, ловчего, крайчего, стряпчего, рынд, подрынд и ясельничих[3]. Мы и должны представлять себе Федора подвигающимся по лестнице этих придворных должностей, приглядывающимся к дворцовым порядкам, к ве-

ликому князю и к людям, его окружающим. Если юноша был одарен чуткой совестью, он должен был оценивать и судить этот мир. Постараемся же восстановить те впечатления, под которыми создавался его характер и его взгляды. Тридцатилетний пробел в его биографии дает нам достаточно досуга и места, чтобы заполнить его беглым очерком политических и церковных отношений, как они складывались в Москве к началу XVI века. Мы представляем эти факты в том освещении, в котором они должны были являться и действительно являлись для наиболее чутких – морально и религиозно – современников из боярской и церковной среды.

Княжение Василия III не принадлежит к самым блестящим или трагически напряженным страницам русской истории. Но оно во всех отношениях достойно занимает свое место между княжениями обоих Грозных Иванов – деда и внука [4]. Оно встает перед нами со страниц летописей как время напряженной борьбы и труда, растущей мощи, подготовки свершений. Зреет русское царство с присущими ему потенциями Империи. Московское великое княжество перерождается в Русию. Именно в княжение Василия III псковский монах Филофей, один из первых московских публицистов, выражает свои взгляды на Москву, как на преемницу Византии и носительницу православного царства – третий Рим. «Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертого не быть».

Читая историков этого времени, поражаешься количеству затраченных усилий, кровавого пота, которым политы все окраины русской земли. Война на рубежах почти не прекращается: с Казанью, Крымом, Литвой. Тяжелые неудачи (под Казанью, под Оршей) чередуются со славными успехами: Смоленск навсегда возвращается в состав государства русского. Видя, какой ценой покупаются успехи, понимаешь, что постройка московского царства должна получить суровый стиль: закрепощения, службы и тягла.

На пути к новой национальной цели стоят последние уделы – вернее, тень былых княжеств и вольных городов: Рязань, Псков и др. Они имеют за собой старое право – следовательно, нравственную правду для старинного русского человека. Москва не стеснялась, во имя национального интереса, попирать сознательно эту правду. Что московскому княжескому дому не

было чуждо сознание национального, общерусского дела, об этом говорят хотя бы записанные у Татищева[5] слова в. князя Ивана III митрополиту, просившему об освобождении его брата, князя Андрея: «Жаль мне очень брата, но освободить его не могу... Когда я умру, то он будет искать великого княжения под внуком моим, и если сам не добудет, то смутит детей моих, и станут они воевать друг с другом, татары будут русскую землю губить, жечь и пленить, и дань опять наложат, и кровь христианская опять будет литься, как прежде, и все мои труды останутся напрасны, и вы будете рабами татар».

И вот, ради национального дела приносились тягчайшие жертвы – не только трудом и кровью, но и совестью. Кажется, будто уроки итальянских дипломатов из школы Макиавелли были усвоены в Москве, вместе с появлением Феррарской дукессы, воспитанной в Риме (Софии)[6], вместе с западными дипломатическими посольствами.

И в тон этим политическим урокам западного Ренессанса вторят угодливые голоса церковной партии «иосифлян» (учеников Иосифа Волоцкого), оправдывающие «богопремудростное коварство» государя.

Как применялись на практике эти уроки «богопремудростного коварства», показывает всего лучше судьба уделов. Последний великий князь Рязанский Иван был посажен в Москве в темницу, откуда во время нашествия на Москву крымского хана Махмет-Гирея, бежал в Литву. В московской же темнице скончался князь Новгород-Северский Василий Иванович Шемячич, внук Шемяки. Псков потерял свои вольности в 1510 г. не в результате восстания или политического столкновения с Москвой. Он был захвачен врасплох, вероломно, в стиле Цезаря Борджиа. Поучительно сравнить правовую и нравственную обоснованность похода Ивана III на Новгород с псковским переворотом его сына. Иван долго медлил, долго терпел новгородские обиды. Национальная измена Новгорода (союз с Литвой) давала ему в 1471 г. прекрасный повод для выступления. С Московским князем было национальное сознание Руси. Василий III обещал псковичам свой государев суд по жалобам их на его наместника, вызвал в Новгород бояр и лучших людей псковских в качестве истцов и неожиданно приказал арестовать их. Бояре московские цинично заявили псковичам: «Вы

пойманы Богом и в. князем Василием Ивановичем всея Руси». Лишенный своих вождей, Псков не сопротивлялся. Коленопреклоненно встретил своего «завоевателя» («Псков вземши без брани»), со слезами спустил вечевой колокол и проводил в Москву своих изгнанников. Затем беззащитный и верный русский город был сознательно отдан на разграбление московских воевод и дьяков.

В деле Шемячича вероломство московской политики компрометирует и достоинство церкви. Этот пограничный с Литвой князь, верный Москве, вызывал ее подозрения. Подозрения эти питал при дворе великого князя исконный соперник Шемяки и сосед, князь Стародубский. Будучи вызван в Москву для объяснений, Шемячич сумел оправдаться во взведенных на него обвинениях. Но когда его вызвали вторично, он, обеспокоенный, потребовал гарантий, «опасной грамоты». Такие «опасные грамоты», обещающие ему беспрепятственное возвращение, были выданы Василием и митрополитом Даниилом. Несмотря на это, Шемячич был арестован в Москве и заключен в одну из башен Кремля, где и умер. Рассказывают, что во время его пребывания в Москве по улицам ходил какой-то юродивый с метлой, приговаривая: «Государева земля еще не совсем очищена: теперь пора вымести последний сор». По-видимому, народное сознание поддерживало московского князя в деле очищения удельного «сора». Но те, кто стоял за кулисами московской политики и сохранил еще старинные предрассудки о святости крестоцелования, не могли не быть оскорблены, особенно соучастием в этом нечистом деле митрополита Даниила. Владыка был посвящен в заговор против Северского князя и сознательно приложил к нему свою руку. Впоследствии он имел даже смелость оправдывать свой поступок в беседе с боярином Берсенем: «Бог его (в. князя) избавил от запазушного врага». – «Кто это запазушный враг?» – «Шемячич». – «А сам позабыл, прибавляет Берсень, как Шемячичу грамоту писал за своею подписью и печатью, клялся ему образом Пречистыя и Чудотворца, да на свою душу».

Не только удельные князья гибли жертвой московской политики. Одинаковая участь с Шемячичем и Рязанским князем постигла и Дмитрия, внука Ивана III, законного наследника престола, впервые венчанного в Москве по торжественному ви-

зантийскому чину, которым впоследствии венчали уже на царство Ивана Грозного. Борьба придворных партий, победа второй супруги государя, знаменитой Софьи Палеолог, привела 8-летнего князя Димитрия в кремлевскую темницу. Он просто должен был уступить место счастливому сопернику Василию, сыну гречанки. Юный узник, подобно императору Иоанну Антоновичу, долго томился в кремлевской башне, и хотя известия о его насильственной смерти, по-видимому, несправедливы, он умер «в нуже», говоря словами летописца (в 1509 г.), бросая мрачную тень на блеск московского двора. Василий III не совершил над собой обряда венчания – не мог совершить, не вызывая в памяти и совести народной того, кому церковный обряд уже дал печать царственного посвящения.

Торжествуя над своими врагами, уничтожая удельный порядок, московский князь ломал те патриархальные традиции своей власти и своего ближайшего окружения, которые казались теперь несовместимыми с самодержавием. Место былой простоты заняла пышность придворного церемониала. Старые бояре, строившие государство московское и горой стоявшие за своего князя, не стеснялись подчас перечить его воле, считали участие в совете княжеском своим правом и устоем правительственного здания. Теперь они осуждены уступать место придворным любимцам. Василий с ними горд и необщителен. Он способен прогнать из своей думы резко возражающего ему советчика: «Пошел, смерд, вон, ты мне не надобен». – «Государь наш упрям, – жалуется один из опальных думных людей, – и встречи против себя не любит: кто ему навстречу говорит, он на того ополчается; а отец его против себя встречу любил и тех жаловал, который против его говорили». – «Государь наш запершись сам-третей у постели всякие дела делает». И в этих отступлениях от старины готовы были видеть опасную для государства ломку. «Которая земля переставливает обычаи свои, и та земля недолго стоит, и здесь у нас старые обычаи князь великий переменил, ино на нас которого добра чаяти?» Так говорит тот же Берсень, а дьяк Жареный ему вторит, указывая уже на личный характер великого князя: «А государь у нас пришелся жестокий и немилостивый». Последнюю черту отметил и иноземный свидетель Максим Грек, для которого Русь стала второй родиной-мачехой: «Пойдет государь к церкви,

вдовицы плачут и за ним идут, и они (свита государева) их бьют». Такие речи велись под шумок в московских теремах, и мы не знаем, конечно, насколько они выражали общественное мнение. Но, принимая во внимание, что они могли стоить неосторожным языка (Жареному), а то и головы (Берсеню), нужно ли удивляться, что они доходят до нас так глухо?

Цесарский (германский) посол Герберштейн, дважды приезжавший в Москву при Василии III, говорит, что московский государь властью своей превосходит всех монархов на свете. «Он пользуется своей властью по отношению к духовным лицам, как и к светским, свободно и по своей воле распоряжается жизнью и имуществом всех; из советников его никто не пользуется таким авторитетом, чтобы смел не соглашаться с ним или в каком-либо деле противоречить ему». Герберштейн поражен теократическим характером этой власти. Она выражается в подслушанных им словечках, пословицах, не отделяющих, как будто, личность государя от Бога. «Воля государя – воля Божия», «про то знает Бог и великий государь». По его словам, русские даже называют великого князя «ключником и спальником Божиим». Иноземец правильно усмотрел юридическую неограниченность княжеской (даже не царской) власти. Но от него, да еще в атмосфере придворной лести, не могла не ускользнуть ее связанность моральным и религиозным законом, нарушения которого – именно при теократическом идеале власти – должны были восприниматься болезненно. Все же и в «Описании Московии» Герберштейна отразился резкий перелом общественных отношений, пережитый в Москве в княжение Ивана III и Василия III.

Нам остается коснуться церковной стороны этого перелома, которая не могла не затронуть будущего инока и святого. Едва ли, впрочем, кто-нибудь в Москве XVI века мог остаться чуждым церковным интересам и злобам дня. В сущности, все внутренние события, вся борьба партий и идей, заполняющих собою Василиево княжение, выражались в борьбе вокруг церковных вопросов. Доживала еще ересь жидовствующих, не добитых казнями и преследованиями времен Ивана III. Это странное движение, отголосок западных реформационных брожений, в обеих своих формах – чистого иудаизма и религиозного рационализма и вольнодумства – заразило, главным образом, верхи московского

общества и церкви. Оно имело своих приверженцев при дворе, в семействе великокняжеском (Елена, невестка Ивана III) и даже на митрополичьей кафедре, в лице Зосимы, сведенного с митрополии в 1494 г. «своея ради немощи». По отношению к ереси – вернее, к мерам борьбы с ней – русская церковь разделилась. Иосиф, игумен Волоколамский, суровый ревнитель, требовал казней, а совесть князя Ивана Васильевича смущалась перед пролитием крови в делах веры. Иосиф настоял на соборе 1504 г. и добился осуждения еретиков, многие из которых были сожжены тогда в Москве и Новгороде. Княгиня Елена скончалась в темнице. Не довольствуясь казнями упорствующих, Иосиф боролся против прощения и возвращения в церковь раскаявшихся. В искренность их раскаяния он не верил и, считая их не просто еретиками, а отступниками от христианства, напоминал о правилах древней церкви, по которым отступники осуждаются на пожизненное покаяние. Помимо многочисленных посланий, Иосиф составил обширный труд против еретиков, под названием «Просветитель». Когда жидовство, оправившись от гонений, начало снова подымать голову, Иосиф пишет Василию III слезное послание (1511–1512 гг.). «Ради Бога и пречистой Богородицы попекись и промысли о божественных церквах и православной вере, и об нас нищих твоих и убогих... Как прежде, боговенчанный владыко, ты поревновал благочестивому князю Константину и вместе с отцом своим до конца низложил скверных новгородских еретиков и отступников: так и теперь, если ты, государь, не позаботишься и не подвигнешься, чтобы подавить их темное еретическое учение, то придется погибнуть от него всему православному христианству. Отец твой, по проклятии еретиков, Захарии чернеца и Дионисия тоже, велел заключить их в темницу, и они там скончались, и не прельстили никого из православных. А которые начали каяться и отец твой покаянию их поверил, те много зла сотворили и многих христиан увлекли в жидовство. Так невозможно никому той беды утолить, кроме тебя, государя и самодержца всей русской земли». И в. князь поревновал: «повелел всех еретиков побросать в темницу и держать там неисходно до конца их жизни – и слыша о том, отец игумен воздал славу Богу, Отцу и Сыну и Святому Духу».

Уже из приведенного письма Иосифа видна высокая оценка им великокняжеской власти. «Божественный князь, самодер-

жец», он, по смыслу всего письма, является наследником царства и дела Константина. Преданность идее самодержавия составляет отличие всех учеников и последователей Иосифа — всей партии иосифлян, которая при Василии III получает преобладающее значение. Религиозный консерватизм, преданность власти соединяется с консерватизмом бытовым и социальным. Иосифляне — горячие защитники церковных имений, права монастырей владеть населенными землями, на которые в начале XVI века ведется натиск со всех сторон: со стороны аскетически настроенных представителей монашества, боярских владельческих кругов и государственной власти, помышляющей о секуляризации монастырских земель.

Вопрос о монастырских имуществах был поднят на соборе 1503 г. «заволжскими старцами» — так назывались пустынножители белозерских и других северных скитов. Нил Сорский, глава этой партии, начал говорить, «чтобы у монастырей сел не было, а жили бы чернецы по пустыням, а кормили бы себя рукоделием». Его отношение к этому вопросу было строго аскетическое. Заволжские старцы были «нестяжатели», противники хозяйственного роста монастырей, в котором видели источник обмирщения и социальной неправды (притеснения крестьян). Своей высокой духовной настроенностью заволжские старцы далеко превосходили иосифлян. Сам св. Нил Сорский в своих подвижнических сочинениях оставил нам — едва ли не единственный в древней Руси — школу духовного делания, «умной молитвы», т. е. чистого молитвенного созерцания.

И вот эти-то заволжские старцы выступили против казней еретиков, отстаивая если не свободу совести, то милосердное отношение к кающимся. Соглашаясь, что «некающихся еретиков и непокоряющихся велено заточать», они доказывали, что «кающихся еретиков и проклинающих свою ересь, церковь Божия приемлет с отверстыми объятиями». Они утверждали даже, что еретиков не следует разыскивать, если они содержат свою ересь в тайне и не распространяют между православными. Свое снисхождение к еретикам старцы простерли до того, что давали им убежище в своих скитах, и противники обвиняли некоторых из них в прямом сочувствии ереси.

Боярские круги, ненавидевшие иосифлян — кн. Курбский не называет их иначе как «презлыми и прелукавыми», — поддер-

живали заволжских старцев в вопросах о церковных имуществах и в отношении к еретикам. Конечно, их сочувствие «нестяжателям» вытекало из своекорыстного мотива зависти к привилегированным вотчинникам, а сочувствие к гонимым еретикам часто основывалось на вольнодумстве. Впрочем, эти две оппозиционные линии — аскетическая и боярская — иногда причудливо переплетаются в тогдашней публицистике. В князе-иноке Вассиане Косом (Патрикееве), знатном боярине, насильственно постриженном при Иване III, трудно отличить, что в его борьбе с иосифлянами от духа «нестяжательства» и что от боярской нелюбви к богатым монахам. Если боярская партия прикрывалась «нестяжательством», то сторонники самодержавия опирались на иосифлян: политические и социальные конфликты сплетались с религиозными в один узел, сообщая этой эпохе, в ее духовной жизни, поразительное напряжение и богатство направлений, свойственные великим историческим переломам.

Иосифлянство победило к концу княжения Василия. Выражением этой победы было соборное осуждение и ссылка Вассиана и связанного с ним личными отношениями Максима Грека (1531). Торжествовала не только партия церковных охранителей, но и новая (на Руси) идея самодержавия.

Самодержавие это, сообразно стилю всей древне-русской жизни, хотело опираться на исконное, стародавнее право. Василий III на смертном одре мог говорить своим боярам: «Ведаете сами, от великого князя Владимира Киевского ведется наше государство Владимирское и Новгородское и Московское; мы вам государи прирожденные, а вы наши извечные бояре». Это не мешало как раз Василию производить коренную ломку не только в отношениях государя к боярству, но и в отношениях его к церкви.

Тот же наблюдательный иностранец, записки которого о Московии мы уже цитировали, свидетельствует: «Прежде митрополиты и архиепископы избирались здесь собором всех архиепископов, епископов, архимандритов и игуменов; отыскивали в монастырях и пустынях мужа наиболее святой жизни и избирали. А нынешний государь, говорят, обыкновенно призывает к себе известных ему лиц и сам из числа их избирает одного по своему усмотрению». И это наблюдение Гербер-

штейна подтверждается историками русской церкви. При Василии были поставлены на кафедру два митрополита: Варлаам (1511) и Даниил (1521). Летописи не упоминают об избрании Варлаама; говорят только, что 27 июля он возведен на митрополичий двор и назначен митрополитом, а 3 августа поставлен на митрополию; только при этом последнем торжественном акте присутствуют епископы. Но, как бы ни ставился Варлаам, не подлежит сомнению, что сведен он был с кафедры насильственно. Летопись свидетельствует, что он «остави митрополию и отиде на Симоново (т. е. в Симонов монастырь), а с Симонова сослан в Вологодский уезд на Камени» (Каменный монастырь на Кубенском озере). Герберштейн пишет, что причиной удаления митрополита было клятвопреступление князя в известном деле Шемячича, в связи с «другими делами, которые казались противными достоинству и власти митрополита». Он сам отдал князю свой пастырский посох, а князь, заковав его будто бы в кандалы, отправил в монастырь. Так как Шемячич был схвачен два года спустя после удаления Варлаама, то рассказ Герберштейна не может быть точным. Если дело Шемячича было одной из причин опалы на митрополита, то, значит, он не пожелал взять на свою совесть грех, которого от него требовали, и на который пошел его покладистый преемник.

В лице Даниила, иосифлянина, великий князь приобрел иерарха себе по вкусу: блестящего проповедника, писателя, строгого к еретикам, но снисходительного к слабостям государя. Герберштейн передает самые нелестные слухи, которые ходили в Москве. Владыка был еще в молодых летах, дороден и красив собой, с румяным лицом. «Чтобы не казаться прилежащим более чреву, чем постам, бдениям и молитвам, он всякий раз перед богослужением окуривал себе лицо серным дымом, чтобы быть бледнее». Это из области слухов и сплетен. Замечательно все же, что св. Иосиф Волоцкий, намечая себе преемника по управлению обителью, назвал великому князю десять имен – среди них не было Даниила. Даниил тем не менее был избран игуменом Иосифова монастыря, откуда князь возвел его на Московскую митрополию.

Уже известный нам Берсень жалуется Максиму Греку: «Не ведаю, митрополит ли он, или просто чернец, учительного слова от него никакого нет и ни о ком не печалуется; а прежние

святители сидели на своих местах и печаловались государям о всех людях». Берсень не совсем справедлив: митрополит Даниил был «учителен» более многих предшественников, как об этом свидетельствуют дошедшие до нас его поучения и обличения. Но трудно представить себе этого угодливого иерарха в роли усердного «печалователя». В древнем обычае печалования церкви за опальных, за осужденных выражалась сильнее всего духовная независимость церкви и высота ее нравственной правды. Поддерживая московских государей в их деле собирания земли русской и не отрицая их прав самодержавно карать ослушников, высшие иерархи брали на себя благородную роль адвокатов милосердия. Милосердием церкви смягчалась жестокость политической необходимости и партийной борьбы. В XVI веке, при остром, повышенном самосознании новых самодержцев, печалование – мы увидим это в эпоху Грозного – делается трудным подвигом для представителей церкви. Весьма правдоподобно, что Даниил не имел охоты обременять таким подвигом свои плечи. Мы видели легкость, с какой он взял на себя грех клятвопреступления в деле Шемячича. Современники ставили ему в вину соучастие и в другом грехе, немаловажном для религиозной совести москвичей: в разводе государя со своей супругой Соломонией. Единственным поводом к разводу была бездетность великой княгини – повод, с которым церковь не считается. Князь оправдывал развод политической необходимостью, недоверием к своим братьям, которым предстояло наследовать после него государство: «Они и своих уделов управить не умеют». Странно, что и историки как будто признают политическую вескость этого наивного соображения. Качества нерожденного наследника неизвестны. Оставляя государство малолетнему сыну, помимо братьев, Василий III вверял его неизбежно в слабые женские руки, за которые держались сильные, но своекорыстные руки бояр – родственников и временщиков.

Смутное время боярщины в малолетство Ивана IV и гибельное влияние его на характер Грозного были последствием «политического» развода Василия III. Церкви было предложено освятить это сомнительное политически и морально деяние. Говорят, что великий князь посылал грамоты всем патриархам Востока и на Афон, желая получить у греческой церкви благо-

словение на свой неканонический акт: греки будто бы ответили решительным отказом. Московский митрополит взял и этот грех на свою ответственность. Соломония была не только разведена со своим супругом, с которым прожила двадцать лет в мире и согласии, но и насильственно пострижена. Рассказывают, что при пострижении в церкви происходили жестокие сцены: княгиня топтала ногами поданный ей митрополитом куколь, кричала, что ее постригают насильно, призывая Бога мстителем. Иван Шигона, представитель в. князя в этом печальном обряде, осмелился будто бы поднять руку на несчастную. Так повествует Герберштейн.

Во всяком случае, истинны или нет эти подробности, самое дело это должно было произвести тяжелое впечатление на Москве – с ее глубокой приверженностью к церковному закону, канонам и уставам. Кощунственные разводы Грозного были подготовлены этим первым беззаконием его отца.

Во всех этих событиях мы видим выражение одного общего исторического явления: умаление независимости духовной власти параллельно с ростом нового самодержавного сознания московских государей. Дело не в личных качествах Василия III и митрополита Даниила. Обозревая события пяти царствований, с середины XV в. до конца XVI, можно констатировать эту растущую тенденцию. Особенно яркое выражение она находит в судьбах митрополичьей власти. Обратим внимание только на один, бросающийся в глаза факт. Насильственное сведение с кафедры митрополита Варлаама было явлением небывалым в русской церковной истории. До середины XV века русские митрополиты или присылались из Константинополя, будучи греками по происхождению, или назначались вселенскими патриархами из кандидатов, предлагавшихся русскими князьями, Московскими и западно-русскими. Не имея права самостоятельно ставить митрополита, великий князь Московский тем менее мог низлагать его. Для этого требовался формальный суд патриаршего собора в Цареграде. Эта независимость от местной власти возвышала первоиерарха русской церкви над всеми политическими силами русской земли. Он занимал по отношению к князьям отеческое положение, хотя и не всегда равно беспристрастное, хотя не чуждое определенной политической линии – покровительства растущему единодержавию Москвы.

Достигши с помощью церкви, своей цели, московские князья начинают тяготиться ее патриархальной опекой. Мы видим трения уже при первом государе — самодержце Иване III. Много лет великий князь враждует с митрополитом Геронтием по чисто церковному вопросу (хождение «посолонь»). Он явно добивается его ухода с кафедры. Когда утомленный борьбой и изнуренный болезнью владыка удалился в монастырь, не слагая с себя сана, великий князь стал добиваться его формального отречения. Однако Геронтий не поддался на уговоры и вернулся на митрополию. Государь должен был уступить ему во всем — и в том, что касалось предмета разделявшего их литургического спора. Не говорим здесь об отречении Зосимы, явного еретика. По отношению к нему была проявлена чрезвычайная бережность. Вместо соборного осуждения, которому подверглись его единомышленники, ему была дана возможность уйти на покой «по немощи».

Василий III мог дерзнуть на то, перед чем остановился его «Грозный» отец. Митрополит Варлаам стал первой жертвой новых отношений. Когда прецедент был создан, пользоваться им стали с чрезвычайной легкостью. Даниил, умевший угождать Василию III, был сведен с кафедры в эпоху боярщины, так же, как и его преемник Иосиф. Гордому и ученому владыке пришлось даже подписать небывало унизительную грамоту при своем отречении.

Если взять 9 иерархов, занимавших московскую кафедру за время Василия III и Ивана IV, то мы увидим, что из них лишь *трое* умерли в своем сане. Остальные были лишены его насильственно или «добровольно» отреклись: один из них (св. Филипп) оставил не только кафедру, но и самую жизнь. Отрешения продолжаются и при кротком Федоре Ивановиче, указывая на прочно установившуюся традицию.

Этим можно закончить очерк политического и церковно-общественного перелома, совершавшегося в Москве Василия III в годы молодости Федора Колычова. Почти все эти события совершались на его глазах, большинство деятелей этого богатого волнениями века, вероятно, были ему знакомы лично. Близкий к великокняжескому дворцу, он должен был принимать к сердцу все, что волновало его современников. Этими соображениями оправдывается наше затянувшееся введение в

биографию. Мы исходим из предположения, что политические и церковные события должны были воспитывать его характер, его убеждения. В каком духе и направлении? Этого мы, конечно, не можем сказать с уверенностью. Но с большой долей вероятия можно предполагать, что как по своему происхождению и принадлежности к боярским кругам, так и по чисто церковным мотивам, возобладавшим в нем впоследствии, он вряд ли мог быть в стане поклонников нового режима. Не принадлежа к узкому кругу любимцев великого князя, он скорее должен быть доступен глухому ропоту против него, доносившемуся и до ушей иностранцев. Впоследствии, обличая его сына, митрополит Филипп ставил ему в пример отца. Время и жестокости Ивана IV могли изгладить в памяти и даже реабилитировать суровость его отца. Так для современников Василия время Ивана III казалось идеальным веком — патриархальности, простоты и правды. Современники Ивана III из боярской среды судили об этом иначе.

Если историк-государственник, зачарованный ростом внешней силы и могущества Москвы, назовет тенденциозной нарисованную нами картину теневой стороны этого великого исторического процесса, то в биографии митрополита Филиппа эта картина вдвойне оправдана: как восприятие той среды, к которой принадлежал молодой Колычов, и как тот фон, на котором может рельефно выступить фигура будущего митрополита.

После смерти Василия Ивановича дела на Москве идут особенно бурно и смутно. В их водоворот оказываются вовлеченными и многие из Колычовых. Так как катастрофа, постигшая этот боярский род, непосредственно связана с важнейшим переломом в судьбе Федора, то мы обязаны подробнее остановиться на пятилетнем регентстве Елены (1531–1538).

Вместе с Еленой Глинской вторично властная иноземка [7] получает влияние на русскую государственную жизнь: великий князь, умирая, ей отказал государство и малолетнего сына. Елена была племянницей знаменитого магната литовского кн. Михаила, одного из крупных авантюристов, оставивших свои следы — следы кондотьера — в политической истории Западной Европы. Кн. Глинский служил многим европейским монархам — в Италии, в Испании, при дворе императора Максимилиана.

В Литве при в. князе Александре «дворный маршалок» владел чуть не половиной государства. По-видимому, он ставил своей целью стать независимым государем западно-русских земель. Потерпев крушение в этих замыслах при короле Сигизмунде, он перешел на службу Московского князя, мечтая для себя о княжестве Смоленском. Когда и эти надежды его не осуществились, он пытался перебежать обратно в Литву, но был схвачен и посажен в кремлевскую темницу. Брак Василия III с его племянницей освободил Глинского из заключения и поставил на первое место в ряду московской знати. В первые годы регентства Елены он был главным лицом в составе боярского правительства.

Вместе с кн. Еленой и ее родней новая струя Ренессанса пробивается в Москву – на этот раз не итальянско-греческая, а польско-западная. Княгиня Елена должна была получить прекрасное образование, за которое, быть может, великий князь и предпочел ее московским боярышням. К сожалению, мы ничего не знаем о положительном культурном влиянии, исходящем от Глинских. Слышим только, что в угоду молодой жене великий князь сбрил себе бороду – западная мода, распространившаяся тогда среди московских щеголей и приводившая в негодование ревнителей старого быта. Кроме брадобрития, Елена принесла с собой, по-видимому, в кремлевский княжеский терем и общую атмосферу имморализма. По крайней мере, ее кратковременное правление богато скандалами и темными событиями. Москва возмущалась ее почти открытой связью с князем Телепневым-Овчиной (Оболенским), который играл роль временщика при дворе. Сам дядя правительницы, кн. Михаил, пал в борьбе с фаворитом. Елена отправила его (1534) в ту же башню «За Неглинной, за Ямским двором», из которой он вышел благодаря племяннице; там он вскоре и умер.

Отъезд в Литву князя Бельского и Ляцкого повлек за собой аресты в среде бояр, заподозренных в соучастии. Трагичнее всего сложилась судьба удельных князей, братьев покойного государя: Юрия и Андрея. 3 декабря (1533) Василий III закрыл глаза, а через восемь дней после его кончины был схвачен кн. Юрий Дмитровский, приехавший в Москву во время предсмертной болезни государя. Его обвинили в том, что он сманивал к себе на службу кн. Андрея Шуйского. За этим обвинением скрывалось другое: в стремлении к московскому престолу. Од-

на из летописей так выражает эту мысль, приписывая ее боярскому окружению правительницы: «Если не схватить князя Юрия Ивановича, то великого князя государству крепку быть нельзя, потому что государь молод, а Юрий совершенный человек, и людей приучить умеет; как люди к нему пойдут, то он станет под великим князем подыскивать государства» (т. е. добиваться великого княжения). Летописец этот явно не сочувствует московскому правительству: «Дьявол вложил боярам мысль недобрую, зная, что, если князь Юрий не будет схвачен, то не так совершится воля его (дьявола) в граблениях, продажах и убийствах». Грабления и убийства рисуются, как неизбежные последствия малолетства государя и правления временщиков. Во всяком случае, народная совесть разделилась в этом конфликте, как разделилась она, если судить по летописям, и при падении князя Андрея. Князь Юрий, арестованный по боярскому слову, был посажен в ту же башню, где кончил свою жизнь несчастный Димитрий, сын Иванов. Через три года он умер в темнице, как пишут, от голода: «страдальческою смертью, гладною нужею» (1536).

Несколько месяцев спустя после смерти князя Юрия решилась судьба и Андрея Старицкого. Младший из братьев Василия, он сохранил с ним лучшие отношения, чем другие. Не обладая политическим честолюбием, он доживал свой век в Старице, окруженный удельным двором, боярами, среди которых, как мы знаем, одно из первых мест занимал Иван Колычов, дядя будущего митрополита. После «сорочин» по покойном брате он стал выпрашивать у правительницы городов к своему уделу. Ему отказали, одарив, по обычаю — в честь покойного — шубами и конями. Отсюда недовольство и размолвка между большим, Московским, и малым, Старицким, дворами. Шептуны и перебежчики будили обоюдную подозрительность. Вызванный в Москву кн. Андрей примирился с Еленой, дав клятвенную запись не принимать отъездчиков от великого князя «на его лихо», но и после этого глухое недовольство не прекращалось.

Смерть брата Юрия должна была ускорить развязку. По случаю казанского похода, Елена велела звать Старицкого князя в Москву на совет. Андрей не поехал, ссылаясь на болезнь. Посланный в Старицу иноземный врач Феофил донес, что у Андрея болезнь легкая. Елена требовала немедленно явиться в Мо-

скву, в каком бы он ни был положении. До нас дошел ответ удельного князя. Называя себя «холопом» великого князя и униженно умоляя о милости, он горько сетовал на обиду: «а прежде, государь, того не бывало, чтоб нас к вам, государям, на носилках волочили».

Между тем до Москвы дошли слухи о том, что старицкий князь замыслил побег. Из Москвы к нему было отправлено посольство из трех духовных лиц от имени митрополита Даниила; они убеждали его «ехать к государю и к государыне без всякого сомнения: и мы тебя благословляем и берем на свои руки». Поручительство Даниила внушало, понятно, мало доверия, тем более, что из Москвы уже двигались к Волоку полки под начальством двух князей Оболенских – Никиты Хромого и любимца Елены Овчины. 2 мая Андрей бежал из Старицы и стал поспешно собирать верных ему людей. В грамотах к новгородским помещикам и детям боярским он писал: «Великий князь молод, держат государство бояре, и вам у кого служить? Я же вас рад жаловать». Многие откликнулись на его призыв. Но кн. Никита уже отправился укреплять Новгород. Овчина, который стал у Волги, сначала отрезал дорогу на Литву, потом перешел в погоню и, нагнав рать кн. Андрея, убедил его сдаться на милость Москвы. От имени правительницы Овчина дал клятву, что в Москве князь не будет схвачен и не подвергнется большой опале. Старицкий князь попался в ловушку. В Москве он ходил на свободе только два дня. Потом правительница объявила, что воевода не был уполномочен давать князю гарантии, и велела заключить Андрея в оковы. Князь не более полугода прожил в неволе. Старая традиция московского вероломства при Елене сочеталась с системой тайных казней. При ней никто не выходил живым из кремлевских башен.

Падение удельного князя привлекло за собой казни и опалу его приверженцев. Жена его и сын Владимир были взяты под стражу. Удельные бояре – князья Пронский, Оболенские, Пенинские, Палецкие, а с ними дети боярские, сидевшие в «избе и думе» князя Андрея, подверглись пытке, торговой казни и заключению. Наконец, тридцать помещиков новгородских, перешедших к князю Андрею, были повешены, и виселицы их расставлены по всей дороге от Москвы до Новгорода. Среди них летопись называет многих Колычовых.

В мае (1537) произошло неудачное восстание кн. Старицкого с последовавшими за ним казнями. 7 июля, по словам жития св. Филиппа, юный Федор был поражен услышанными в церкви евангельскими словами о невозможности служить двум господам и решил покинуть мир. Трудно было бы отрицать связь между этими двумя событиями. Но, утверждая ее, мы не желаем и не имеем права представлять Федора Колычова заговорщиком против московского правительства, бегущим в монастырь, чтобы спасти свою голову. Мы не знаем, угрожала ли ему лично какая-нибудь опасность. Не все Колычовы пострадали. Отец Федора, Степан Иванович, должен был стоять близко к правительнице в качестве дядьки ее младшего сына Юрия. Но трагическая смерть родных и близких переполнила чашу. Трудно было, действительно, служить тогда в Москве двум господам. Федор достаточно насмотрелся на политическую жизнь в Москве, чтобы почувствовать к ней отвращение. Есть одно обстоятельство, которое заставляет предполагать в юноше раннее религиозное призвание. Достигнув 30 лет, Федор все еще не был женат – обстоятельство удивительное на Руси. Мысль об отречении от мира должна была уже давно тайно зреть в нем, и политическая катастрофа только ускорила его решение.

Религиозное «обращение» очень часто совершается не без влияния внешних, мирских мотивов. Разнообразны средства и испытания, которыми ведет Бог душу по пути очищения от страстей. Земные утраты – это вызов, обращенный Богом к душе – падет ли она или возродится? Вся последующая жизнь инока и митрополита дает ответ на вопрос об истинных основаниях его ухода из мира: что здесь было внутренним и что внешним?

Думаем все же, что и внешнее, т. е. тяжелый политический опыт, пережитый им в молодости, не был лишь отрицательным. Не одно отвращение к миру вынес из него будущий монах, но и ясную, трезвую оценку сложных сил, которыми вяжется ткань политических событий. Судьбой он поставлен был на том месте, откуда виднее кулисы исторического театра. Он видел теневые стороны его актеров; их страсти и интриги, которые сливаются у них с идеями народного блага и национальной славы. Исторический излом русской жизни прошел жестоким рубцом через его среду, его семейный круг, раздавив его собст-

венную карьеру. Не озлобленным человеком партии вышел он из кризиса, но зрелым мужем, который зорко видит и по ту и по другую сторону рубежа, знает цену вещей и умеет различать Божеское от человеческого. Для будущего митрополита не могло быть лучшей начальной школы. Только уроки ее должны быть дополнены уроками духовной жизни, в школу которой он стучится, беглец и странник, оставив за собой опасный блеск московского дворца.

Глава II.

Соловки

I

Мы ЗНАЕМ многих опальных бояр XVI века, которые сменили царский двор на монастырь. Знаем, как легко было богатому и влиятельному человеку окружить себя в иной обители достатком и роскошью, привычными его сану. Можно было держать возле себя многочисленную челядь, иметь свои амбары и погреба. Грозный с негодованием рассказывает о такой вельможной и сладкой жизни бояр в Кирилловском монастыре: «Ныне у вас Шереметьев сидит в келье, что царь, а Хабаров к нему приходит с другими чернецами, да едят и пьют, что в миру. А Шереметьев невесть со свадьбы, невесть с родины рассылает по кельям пастилы, коврижки и иные пряные составные овощи, а за монастырем у него двор, на дворе запасы годовые всякие»... О знаменитом князе-иноке Вассиане, избравшем себе московский Симонов монастырь, недоброжелатель его пишет: «Пияше же нестяжатель сей романию, бастр, мушкатель, ренское белое вино».

Не для такой жизни бросил Колычов Москву, и первые шаги его аскетического пути лучше всего покажут разницу между знатным монахом-поневоле и святым по призванию. По словам жития, Федор ушел из Москвы, не открывшись никому, даже отцу с матерью, не взяв на дорогу ничего, кроме одежды — «нужных покрывал». И не какой-либо из богатых подмосковных или «заволжских» — белозерских монастырей избрал он для своего подвига, а далекую Соловецкую обитель на Белом море. Путь в Соловки долог и труден. Федор направился не прямой дорогой из Москвы через Вологду, по Двине, а окольной, через земли Новгородские. Близкие ли родственные связи в новгородских вотчинах отклонили его путь, или не сразу мысль о северной обители встала перед ним, — мы не знаем.

Только находим его на озере Онеге, на полпути от Новгорода к Белому морю. Дороги вели по озерам и болотам, недоступным для пешего в летнее время. Приходилось или плыть в лодке или ждать зимы, когда мороз скует зыбкие трясины. Какие-то неведомые нам причины — быть может, бездорожье, быть может, отсутствие средств — заставили путника остановиться на берегу Онежского озера в деревне Киже (или Хиже). Здесь он живет у местного поселенца Субботы «не мало дней» пастухом. Так будущему пастырю «словесных овец» надо было прежде попасти овец бессловесных, — замечает житие. Боярскому сыну сразу пришлось испить чашу нужды и лишений. Служба деревенским пастухом для вчерашнего придворного была лучшей школой смирения, чем любое монастырское послушание. Но это лишь этап долгого странствия. Настал день, когда перед юношей встали из волн Студеного моря — не многоцветные стены и башни, как ныне, — а скромные главы деревянных церквей Соловецкого острова.

Прошло уже больше ста лет, как Герман, родом из Тотьмы, отшельник с Карельского берега Белого моря, и Савватий, постриженник Кириллова-Белозерского монастыря, побывавший и на Валааме, водрузили крест на необитаемом острове и начали здесь подвижническую жизнь (1429). Впрочем, ни преподобный Савватий, ни Герман не положили начала общежитию. Вокруг них еще не было учеников. Св. Савватий скончался не на острове, а в отлучке, на берегу, и погребен был в часовне на реке Выге (27 сент. 1435 г.). Герман, не вынеся одиночества и трудности пропитания в Соловках, тоже оставил остров, на который вернулся через год вместе с новым подвижником, уроженцем Новгородским (с озера Онеги). Преп. Зосима и был истинным основателем Соловецкой обители. Св. Герман, местно чтимый в Соловках, не оставил своего имени монастырю. Он первый привел сюда, увлекши своими рассказами о морской пустыне, великих пришельцев, но сам не раз оставлял открытый им остров для менее сурового поморского берега. Хотя он пережил и Зосиму, но никогда не был игуменом в созданной и его трудами обители, и не в ней окончил свои дни.

Преп. Зосима явился не только мужественным подвижником, побоповшим и голод, и стужу, и демонские искушения, но и отцом стекавшихся иноков, рачительным хозяином, организато-

ром общежития. Он срубил первую церковь на месте, где имел видение светлого, с небес спускающегося храма, и освятил его во имя Преображения Господня. Русский Север любил посвящать свои скромные деревянные церкви таинственному, духоносному Преображению. Его огнем и светом побеждался холод и мрак стихий; суровость аскетических трудов озарялась обетованием торжества – нетленной, прославленной плоти. Один из приделов Соловецкого храма был освящен во имя чудотворца Николая, властителя морских пучин. Из новгородской дарственной грамоты «в дом святого Спаса и пречистыя его Матери и святого Николы» мы узнаем, что другой придел – или отдельный храм – был посвящен Пресвятой Богородице. Через несколько лет, еще при Зосиме, когда на месте маленькой церковки был построен большой, но все же деревянный храм во имя Преображения, при нем, с восточной стороны, была пристроена церковь Успения Божией Матери. Так на диком острове, среди пустынного полярного моря святая Русь появляется с именами своих излюбленных святынь, символами своего сокрытого от нас (невыраженного в книгах) богомыслия.

Уже происхождение обоих основоположников соловецких указывает на два пути, ведущих из Руси к Белому морю: один с Московского юга, другой с Новгородского юго-запада. Вероятно, и среди первоначальных иноков мы могли бы встретить уроженцев обоих великорусских государств, с численным преобладанием новгородцев. К русским рано начали присоединяться и местные финны-карелы, которые приходили в монастырь еще при жизни св. Зосимы, крестились здесь и иногда принимали монашеский постриг.

Весь поморский север в то время тянул к Великому Новгороду. Среди редкого инородческого населения – карел и самоедов – рубили свои поселки холопы и крестьяне новгородских бояр, осваивая для своих господ островки редкой хлебородной земли, занимаясь звероловством, рыбными и соляными промыслами. Наряду с приказчиками новгородских купцов, на север проникают пустынножители и колонии иноков из южных монастырей, обслуживая религиозные нужды русских насельников. Нередко монашеская пустынь является приходской церковью для обширного района. Но ко времени основания Соловецкого монастыря за сотни верст в округе не было зна-

чительных монастырей. Соловецкие пионеры упредили естественный прилив колонизационного движения и создали единственный по своему значению центр для всего православного Севера.

Соловецкий остров совершенно лишен хлебородной земли. Поверхность его состоит из скал и озер, да холмов, заросших лесом. Климат острова не столь суров, как можно было бы ожидать, судя по его географической широте. Море, незамерзающее круглый год, за исключением прибрежной полосы, умеряет зимнюю стужу: морозы редко превышают 20 градусов. Но земля здесь не может прокормить своих обитателей. Отсюда необходимость заводить промыслы или искать удобную почву на материке. Еще при жизни св. Зосимы монастырь направил свою хозяйственную деятельность по этим двум путям. Вот как описывает его житие монастырское хозяйство: «И дров множество рубили и заготовляли, и воду из моря черпали, и соль варили, и продавали торговцам и получали от них всякие орудия на потребу монастырскую, трудились и в прочих промыслах, ловили рыбу... И так кормились от своих трудов в поте лица». Но рано уже бояре новгородские дают монастырю земельные угодья по побережью Белого моря. Древнейшая из дошедших до нас грамот принадлежит знаменитой Марфе Борецкой, вдове посадника Исака Андреевича. Вместе с сыном своим Федором, боярыня дарит монастырю «на море в Суме реке у часовни два лука земли, где Парфенка да Першица живут, и на той земле деревни страдомыя, и пожни, и лес полешей, и ловища водные и лешие озера». Теми землями «володети игумену и старцам во веки, а поминати им мужа моего Исака, и родителей моих и детей моих, а ставить им обед на Димитриев день».

Не всегда отношения между монастырем и новгородскими засельщиками складывались мирно. Уже рано рыболовы и звероловы, как русские, так и карелы, начали заезжать на самые острова Соловецкие, чиня обиды инокам. Монастырь, заброшенный в пустынном море, не мог уйти от власти Великого Новгорода. Там он должен был искать себе защиты от притеснителей, и нашел ее. Сохранилась грамота за печатями владыки Новгородского Ионы, посадника, тысяцкого и пяти кончанских старост, коею за обителью Соловецкою «с моря Окияна»

признается право владения всей группой островов: Соловки, Анзеры, Муксалмские (Большой и Малый), Заяцкие (Большой и Малый) «и малые островки»... «А бояром ноугороцким ни корельским детем ни иному никому ж в те острова не вступаться... А кто придет на те острова на ловлю или на добыток, на сало или на кожу, ино всем тем давати в дом св. Спаса и св. Николы изо всего десятина». А всякий ослушник «даст великому Новгороду 100 рублев в стену». (Около 8000 рублей в XIX в.).

Завися от Новгорода в хозяйственном и гражданском отношении, Соловецкий монастырь тем более зависел от него в делах церковных. Он лежал в обширной епархии архиепископа Новгородского, и зависимость эта была законна. Но нас удивляют те строгие формы, в которых она первоначально выразилась. Все первые настоятели монастыря присылались в Соловки из Новгорода, из чернецов Новгородских, т. е. не избирались из состава братии. Однако эти пришельцы недолго могли выдерживать суровость северной Фиваиды, и возвращались в город, покинув свою паству. Они оказали большие услуги Соловкам, ходатайствуя за них у городских властей, но духовными отцами монастыря оставались святые основатели его – Герман и Зосима. Наконец, соловчане настойчиво стали домогаться игумена из своей среды, и архиепископ Иона должен был согласиться со справедливостью их требований. Он утвердил Зосиму, избранного братией, четвертым игуменом соловецким, предварительно вызвав его к себе в Новгород. Одной из величайших драгоценностей богатой впоследствии ризницы соловецкой навсегда осталась скромная риза из белого полотна, с шелковым лишь оплечьем, подаренная архиепископом преп. Зосиме при поставлении его во игумена. В этой ризе, по древнему обычаю, служили настоятели в день памяти святого.

В настоятельство св. Зосимы шли усиленные работы по перестройке церкви, келий и служебных зданий. Окончательно установлен устав церковной службы и келейные правила. Устав преп. Зосимы, сохранившийся в библиотеке монастыря, составлен в согласии с Иерусалимским типиконом. Почитая память своего предшественника, Зосима перенес на остров мощи св. Савватия из часовни на реке Выге, где скончался преподобный. Над могилой его уже совершались чудеса. Настоятель Кириллова-Белозерского монастыря, где начал свои подвиги почивший старец, пи-

сал соловецкому игумену, убеждая его не лишать себя дара целебных его мощей. Они были торжественно погребены в обители за алтарем Успенской церкви, и над гробом была уже поставлена первая икона, написанная новгородцем Иваном, знавшим старца лично, свидетелем его кончины.

Среди хозяйственных своих забот Зосима должен был предпринять вторичное путешествие в Новгород, искать управы от насилия боярских людей. Здесь ему пришлось встретить суровый прием у прежней благодетельницы монастыря. Посадница Марфа, люди которой обижали соловчан, с бесчестием прогнала старца со двора, и тогда-то он, рассказывают, предрек судьбу, ожидавшую гордый род: «Се дни грядут, когда дома сего жители не исследят стопами своими двора сего, и затворятся двери дома сего... и будет двор их пуст». Близость великой катастрофы бросает назад свою тень и в другом зловещем видении, о котором повествует житие Зосимы. Раскаявшаяся Марфа пригласила игумена к себе на пир. Во время пира преподобный имел странное видение: шесть пировавших гостей, из числа знатнейших бояр, сидели без голов. Зосима не мог удержаться от слез. Через год видение святого исполнилось; шесть голов слетело по приказу великого князя Ивана Васильевича, после шелонского боя. Преподобный же возвратился на остров с новым пожалованием Борецкой, грамотой на новые земли, писанной рукою ее сына (1470 г.).

Умирая в 1478 г., строитель соловецкий благословил братию и обещал славное будущее обители: «Телом я ухожу от вас, но духом неотступно с вами пребуду; и да будет вам ведомо: если я обрету благодать перед Богом, то обитель моя по отшествии моем наипаче распространится, и соберутся братий множество в духовной любви, и умножится святая сия обитель всяким обилием духовным, и в телесных потребах они не оскудеют». Последние слова прекрасно рисуют дух северного монастыря за все пять столетий его славной истории. Он умел соединить широкую хозяйственную деятельность с неглохнущей и в периоды упадка традицией духовной жизни. Огромные владения не заглушили его призвания. Не в суровом аскетизме, не в мистическом созерцании — смысл соловецкого трудничества, а в разумном сочетании деятельной и созерцательной жизни, в соединении труда и молитвы.

По смерти великого основателя, 18 настоятелей сменили друг друга до игумена Алексея, при котором постригся Федор Колычов. Мы мало знаем о событиях, наполнявших годы их большей частью кратковременного правления. Монастырь продолжал расти, благосостояние его развивалось, подрываемое разве пожарами (1485 г. и 1538 г.). Падение Новгорода не отразилось на его экономическом процветании. Иван III дал монастырю грамоту на владение островами, подтвержденную его сыном. Новгородские владыки продолжали делать в монастырь вклады и наделять его льготными, «тарханными» грамотами. Третий преемник Зосимы, игумен Досифей, составил житие преподобных основателей Зосимы и Савватия. Хотя и подвергшееся, по просьбе скромного автора, риторической обработке под пером митрополита Спиридона (1503 г.), оно довольно богато конкретными чертами, и рисует если не духовный облик святых, то уклад жизни в слагающейся обители. При следующем игумене Исайе в монастырь был перенесен, через 5 лет по преставлении Германа, его гроб и поставлен близ алтаря, рядом с мощами преп. Савватия.

В 1514 г., по повелению великого князя, монастырь был описан московскими дьяками. В писцовой книге сохранились следы какого-то вмешательства московских властей во внутреннюю жизнь обители. Игумен Евфимий, упоминающийся в описи, почему-то устранен от дел. Чиновники приказывают временно ведать монастырем четырем старцам, «докудова им князь великий игумена даст или товожа даст». Возможно, что с этого времени утверждение соловецкого игумена происходило с согласия Москвы. Это, однако, не отменяло прав новгородского владыки, в ведении которого по-прежнему находился монастырь.

Во всяком случае, игумен Алексей (Юренев) принял Соловецкий монастырь в 1534 г. по описи дьяков и по грамоте в. князя Ивана Васильевича (Грозного). Не раз малолетний царь (или его правительство) являются благодетелями обители, в годы иночества Филиппова. После пожара 1538 г. царь вознаграждает монастырь рядом поморских деревень с соляными угодьями и оброком. В 1541 г. он дает монастырю «несудимую» грамоту (подтверждение грамоты Василия III), по которой монахи и крестьяне монастырские освобождались от су-

2*

да светской власти, «опричь разбоя и татьбы с поличным». Суд над всеми зависимыми людьми передавался игумену, в дела которого не должен быть вступаться даже владыка новгородский, кроме дел духовных. Готовясь к Казанскому походу, государь писал в Соловки через бояр, прося молиться о победе, и при этом случае велел раздать монахам щедрую милостыню («семь рублев и восемь денег в московское число»).

Со времени Грозного в Москве не забывают о северном монастыре, хотят как будто заменить былую щедрость оскудевшего Новгорода.

Около времени второго Соловецкого пожара (1538) к игумену Алексею пришел с Онеги тридцатилетний юноша и просил принять его в послушники. Федор не пожелал открыть своего мирского звания — разумеется, ради смирения, а не безопасности от московских властей, — и прошел обычный суровый путь монастырского трудничества: «дрова убо секий и землю копая в ограде (огороде) и каменье пренося, овогда же и гной (навоз) на плещу своею носяще», — работал на огороде, расчищая и удобряя бедную каменистую почву. Приходилось ему переносить испытания и более тяжкие для его смирения: «многожды же уничижаемь и биемь от неразумных», не гневался и с кротостью переносил все. Через полтора года он был пострижен и наречен Филиппом. Но «ангельский образ» не отменил его тяжелых трудов. Филипп нес послушание сначала на поварне, потом в пекарне: рубил дрова, носил воду, топил печь. Эти годы он находился в послушании у иеромонаха Ионы, «дивного старца», который в юности был учеником преп. Александра Свирского, тогда уже прославленного. Иона учил Филиппа всему монастырскому и церковному уставу, пока ученик его, превзойдя литургическую науку, не был поставлен екклисиархом — наблюдающим за чином богослужения. Рассказывают, что старец предрекал о своем ученике: «Сей будет настоятелем во святой обители нашей». Предчувствовал ли он высокий и страшный жребий, его ожидавший? Доселе под папертью церкви св. Зосимы и Савватия, рядом с надгробной плитой митрополита Филиппа, сохранилась в стене и памятная плита его учителя: «Лета 7076 (1568) преставися раб Божий инок Иона Шамин месяца генваря в 10 день». Старец Иона лишь на 2 года упредил в вечности своего духовного сына.

Но трудовые соловецкие послушания не заглушили в иноке вкуса к духовной жизни. На эти годы падает удаление Филиппа из монастыря в лесную пустыню: «тамо к Богу ум возвысив, в молитвах точию упражняшеся». В этом уединении отшельник провел «не мала лета»; потом вернулся к обычным трудам. Запомним эту драгоценную подробность его столь скудной личными чертами биографии. Вместе с пастушеством на Онеге, она спасает образ Филиппа от возможных искушений вложить его в схему обычной духовной карьеры, продолжающей злосчастно оборвавшуюся придворную службу.

Через десять лет соловецкой жизни Филипп был у всех на виду, среди первых по дарованиям и подвигам иноков. Игумен Алексей любил его и уже видел в нем своего возможного заместителя. Было ли в это время известно в Соловках происхождение и мирское богатство Филиппа? Это возможно — по крайней мере, для настоятеля и духовного отца Филиппова. Все равно, имя Колычова должно было открыться в Новгороде при поставлении в игумены. Можно думать, что имя это, вместе с его личными качествами, могло остановить на нем выбор Алексея. Удручаемый старостью и болезнями, он задумал еще при жизни сложить с себя бремя управления на молодые плечи. Несмотря на отказы Филиппа, игумен предложил братии, ссылаясь на свою немощь, выбрать нового настоятеля, и выбор единодушно пал на Филиппа. Филипп не прекословил.

С письмом старого игумена и в сопровождении нескольких иноков он отправился за утверждением в Новгород. Весной пустились соловчане в далекий путь, через болота и озера, чтобы вернуться на остров до зимних льдов. Архиепископ Феодосий принял монахов, привезших письмо игумена, но не увидел среди них Филиппа. «Где же избранный?» — спросил он. Избранный скрылся из скромности. Представ перед владыкой и удовлетворив его разумными ответами на испытующие вопросы, Филипп был рукоположен в священника и получил из рук архиепископа игуменский посох. «Вот отец вам, сказал Феодосий; имейте его во образ Христов и покоряйтесь ему со всяким послушанием».

Здесь в Новгороде Филипп должен был возобновить свои родственные и дружеские связи, и вступить во владение оставленными некогда имуществами. Возвращался он в Соловки уже богатым

человеком, чтобы употребить свое состояние на строительство и украшение обители. Московский беглец искал когда-то смиренной нищеты. Филипп-игумен не был нестяжателем в том смысле, как понимали нестяжательство заволжские старцы.

В середине августа его встречали уже в обители с крестами, иконами и колокольным звоном. Бывший игумен с братией вышли ему навстречу до берега и проводили в церковь на игуменское место. Немного не поспел Филипп ко дню храмового праздника Успения. 17 августа 1548 г. он совершил соборне свою первую литургию в монастыре и сказал свое первое учительное слово.

Здесь житие Филиппово помещает странный эпизод, к сожалению, не разъясняя его в своем скупом изложении. К нашему удивлению, игумен, столь торжественно поставленный в новом сане, не остается в монастыре, а слагает с себя управление. Вот как повествуется об этом: «Преподобный, хотя и принимает старейшинство, но не изменяет своего прежнего нрава. Больше прежнего простираясь на подвиг и предаваясь еще большим телесным трудам, он видел себя хвалимым и почитаемым, и вменил сие в тщету, будучи от юности украшен смирением; сего ради оставил игуменство и отошел опять в пустыню, приходя в монастырь только для причащения пречистого тела и крови Христа Бога нашего. В это время начальствовал старый игумен, который и постриг святого, в течение полутора лет, пока не преставился. И поставили опять Филиппа». Удивительный сам по себе случай отречения только что избранного игумена, становится еще более странным, если обратить внимание на то, что как для возвращения к власти престарелого Алексея, так и для вторичного утверждения Филиппа, потребовались новые путешествия в далекий Новгород. Владыка Феодосий должен был трижды в течение двух лет ставить игумена в Соловки. Этому формальному поставлению соответствует и вторичное избрание Филиппа в игумены на собрании братии по смерти Алексея. Все это указывает на то, что, удаляясь в пустыню, Филипп действительно сложил с себя сан: его отшельничество не было лишь затянувшимся аскетическим уединением. Что-то произошло в Соловках — что-то, перевернувшее временно решение Филиппа. О мотивах его отказа, причинившего столько хлопот монастырю, мы можем только гадать.

Здесь представляются две возможности. Или Филипп с первых же шагов своего игуменства столкнулся с враждебной ему партией, сумевшей вооружить против него (или противопоставить ему) старого игумена. В таком случае мы имели бы в этом эпизоде зародыш того конфликта, который проявился 20 лет спустя во время суда над митрополитом, когда группа соловецких чернецов свидетельствовала против своего бывшего игумена. Составленное в Соловках житие могло обойти неприятную для обители страницу внутренних раздоров.

Но можно признать убедительной и внутреннюю мотивацию, предлагаемую житием. Тогда Филипп слагает с себя бремя власти по аскетическим опасениям. Он сомневается в своих силах, раскаивается в своем согласии, бежит власти. В обоих случаях перед нами не твердый характер, не честолюбивый деятель, знающий меру своих сил и ответственности, — натура скорее робкая, стремящаяся уклониться от власти, в смиренном сознании своей слабости. От себя ли самого или от врагов бежит Филипп, но он бежит. Беглецом мы видели боярского сына, беглецом видим и игумена. *Не борец, а беглец.* Таким мы должны запомнить его, чтобы образ хозяйственного игумена и мужественного исповедника не заслонил в наших глазах его природы, той кроткой и смиренной «немощи», в которой «сила Божия совершается».

II

Если инок Филипп бежал власти по недоверию к своим силам, то эти силы нашлись в нем с избытком, когда бремя власти легло на него. В новом сане Филипп обнаружил редкие административные дарования. Восемнадцать лет его игуменства были эпохой в жизни Соловецкого монастыря. Он по справедливости считается вторым его основателем. До сих пор соловецкие церкви, здания, мастерские, озера и скиты хранят память о кипучей деятельности святого игумена и вместе с сохранившимися документами возмещают отчасти для нас пробелы жития его, особенно скудного в изложении этих лет. Впрочем, самый характер наших источников обуславливает некоторую односторонность сведений. Мы хорошо знаем Филиппа — хо-

зяина и администратора, но совсем не знаем духовного отца обители, не знаем почти ничего и о собственной его религиозной жизни. В эти годы Филипп повертывается к нам новой стороной, не самой важной, конечно, в экономии его духовных сил, но весьма характерной для древне-русского иночества и, в частности, для северного монастыря. Знакомясь с ней, мы перевертываем одну из замечательных страниц русской церковной культуры.

Филипп-игумен прежде всего строитель, «ктитор» монастыря. Не знаем, в какой мере при игумене Алексее монастырь был восстановлен после пожара 1538 г. Службы в храмах, во всяком случае, совершались. Филипп задумал постепенно заменить деревянное строение каменным. Начал он с теплого (зимнего) собора Успения Божией Матери. Новгородские мастера приступили к кладке в 1552 г., и через пять лет, в праздник Успения 1557 г. собор был уже освящен. Наверху, в одной из глав был устроен придел Усекновения главы Иоанна Предтечи, в честь царского ангела. Под церковью находились хлебопекарные службы в подвалах, а сбоку пристроена огромная трапезная, в 19 сажень длиной, и обширная келарская келья. Над трапезной возвышалась колокольня с боевыми часами.

Через год (1558) Филипп заложил уже летний Преображенский собор, который должен был обширностью и красотой превзойти Успенскую церковь. Братия, которая с радостью взирала на начало строительства, теперь пришла в смущение от смелости игумена. «Отче, говорили ему, недостаток в киновии и оскудение великое, ибо нет прилежащих городов. Откуда возьмешь злата на сооружение великой церкви?» Средства нашлись. Много помогал и царь. Сам игумен украшал новый храм, не щадя собственных денег, иконами, сосудами, ризами, подсвечниками и лампадами. В этой церкви, с северной стороны, он избрал место своего погребения. Он хотел, чтобы память его в монастыре навсегда соединилась с поминовением его родителей, и этой цели посвящал свои щедрые вклады. В Летописце Соловецком записано: «Филипп Стефанович Колычов, игумен Соловецкого монастыря, просил всего братства, чтобы написать вечный поминок в литию: отца Стефана, да матерь его инокиню Варсонофию, да брата Бориса, а как он игумен преставится, то написать и его в литию, а поминовение

отправлять месяца ноября в 7-й день, а дача его, что он дал в монастырь, на 171 рублей, да сверх того иные дачи...»

Филиппу не довелось самому освятить дорогой ему Преображенский собор. Освящен он был 6 августа 1566 г., когда его создатель был только что поставлен на митрополичью кафедру в Москве. Преображенский собор, как и Успенский, строен на подклетях, и своды его подпираются двумя огромными столпами. Снаружи высокий столпообразный храм имеет вид крепостной твердыни. Его увенчивает уже московское пятиглавие, но средняя, несравненно большая, глава покрыта новгородским шлемом. В храме 6 приделов; по бокам главного алтаря приделы архангелов и соловецких чудотворцев; в главах собора четыре малых придела; двенадцати и семидесяти апостолов и ангелов детей царских, Иоанна Лествичника и Федора Стратилата.

Соборными церквами не ограничивается строительство Филиппа. Он соорудил каменные здания келий, больницу для монахов и богомольцев, «пустыни» в лесах, скит на Заяцком острове и там же «палату», поварню и каменную пристань. Заяцкий остров служил станцией для судов, задержанных на пути в Соловки противными ветрами. В самой гавани Соловецкой Филипп насыпал холмы и поставил на них высокие кресты, которые являлись маяками для пловцов. Наконец, при нем же построены подворья монастыря в Новгороде и Вологде. К новым церквам, взамен старых каменных клепал и бил, отливались медные колокола. Три из них сохранились от времен Филиппа, весом в 173 с половиной, 80 и 30 пудов. Больший называется преподобническим в память святителя. Надписи на них перечисляют имена царей, владык, жертвователей, игуменов, а также и мастеров литейщиков. Все колокола литы «в преименитом и славном граде Пскове».

Страсть к постройкам нередко является благородной формой расточительности, разоряя общежитие пышными, но не хозяйственными затеями. Для игумена Соловецкого попечение о своих чадах стояло на первом плане. Поучения его к братии не сохранились; не дошел до нас и действовавший при нем устав — вероятно, в основных чертах сохранившийся со времен Зосимы. Дошла лишь часть этого устава, составленная Филиппом (в 1553 г.) книга об одежде иноков. Эта одежда, а еще более продовольствие многочисленной братии должны были

доставлять игумену немало забот. Из грамоты митрополита Филиппа в Соловки (см. Приложение), видно, что в монастыре было 200 человек братии. Кроме монахов, в Соловках жило много «работных людей»; в той же грамоте число их определяется в триста человек; все они «пили, ели и носили монастырское». То же, в еще большей степени, относится к постриженикам. Древняя Русь знала разные типы монастырского общежития; преобладали монастыри «особые», с сохранением частной собственности и даже отдельным столом. Соловки представляли тип строгой киновии, с исключением частного хозяйства. В древнем типике Соловецком монастырский обиход изображен следующим образом: «Игумен и священницы и соборные старцы и вся братья едят и пиют в трапезе; ества всем равна, а по келлиям опричь немощной братии отнюдь столы не бывают. Из трапезы выносу естве и питию не бывает. Одежду всякую и обувь дают всем из казны».

Св. Филипп не был поклонником неумеренной аскезы. Он улучшил и трапезу и одежду монашескую, требуя за то от всех неустанного труда. Тунеядцев он не терпел и принимал в монастырь только тех, кто, подобно ему, готов был есть хлеб в поте лица, по слову апостола: «кто не работает, тот да не ест».

Конечно, скудные соловецкие огороды, на которых он сам трудился послушником, не могли прокормить братии. Филипп завел, или, вернее, расширил молочное хозяйство. Препятствием было завещание св. Зосимы, который запретил разводить вблизи обители плодящихся животных (согласно студийскому уставу). Филипп не остановился перед частичным изменением устава св. Зосимы, с разрешения Новгородского владыки. На одном из островов, Муксальмском, он устроил большой скотный двор, а в леса соловецкие пустил стада северных оленей. Скотный двор давал удобрение для огорода, но сам требовал сена; леса расчищались под «пожни», сенокосные луга. Лес рубился и в других целях: на дрова для кирпичного завода, изготовлявшего материал для построек. Чтобы спасти лес от нерасчетливого истребления, Филипп следил за правильной порубкой. В лесах легли длинные просеки, сеть дорог изрезала остров во всех направлениях. Одновременно шла осушка болот каналами и плотинами. Гидротехнические работы Филиппа более всего вызывают наше изумление.

На Соловецком острове, по счету игумена Досифея (в 1836 г.), 97 озер, имеющих особые названия, не считая мелких, безымянных (при величине о-ва 25×16 верст). Под самым монастырем находится обширное Святое озеро (700×200 сажен). В старину никто из богомольцев не входил в монастырь, не искупавшись или не омывшись в его священных водах. Дважды в год в нем совершались водосвятия, больные получали исцеления. Это озеро представляет искусственный водоем, выкопанный при игумене Филиппе; посредством целой сети каналов он собрал в нем воду из пятидесяти двух озер, а для стока прорыл к морю два других канала, один из которых проходит под самым монастырем. Конечно, неизвестно, в таком ли виде существовала эта водная система при св. Филиппе, как в настоящее время. Вернее всего, она расширена впоследствии. В 1568 г. из Москвы, с митрополичьей кафедры, святитель писал в Соловки о продолжении работ по копанию пруда. Но уже сам Филипп мог поставить на канале внутри монастыря мельницу для помола хлеба. (До него мельницы находились в трех верстах от монастыря). «Летописец Соловецкий» приписывает св. Филиппу даже изобретение каких-то машин или орудий. Кроме мельницы, Филипп завел мастерские для выделки меха и сапожных товаров из кожи собственных оленей. Искусные резчики работали предметы церковного обихода из «рыбьего зуба», т. е. моржовой кости. Это искусство всегда процветало в Соловках, распространяясь оттуда по всему поморскому Северу. Начало его восходит ко временам древнее Филипповых. В Успенской церкви до последнего времени стоял запрестольный крест из моржовых зубов с резным изображением распятия и святых. Крест этот вместе с резным Деисусом упоминается еще в описи монастыря 1514 года.

Но вся эта кипучая промышленная деятельность в Соловках не могла прокормить их обитателей. Остров не мог быть, по естественным условиям, самодовлеющим хозяйственным миром. Соловки – лишь центр обширного вотчинного хозяйства, тело которого разбросано по всему западному поморью, захватывая куски и внутренней России. Ко времени Филиппа Соловецкий монастырь является крупнейшим землевладельцем на русском Севере, с которым лишь кое-где сталкивается колонизационный поток, направляющийся из Кирилло-Белозерского

монастыря. В руки его постепенно перешли, путем вкладов и прикупок, владения старого новгородского боярства и значительные части государственных земель, освоенных свободными колонистами. Не безынтересно бросить беглый взгляд на размеры и характер соловецкого вотчинного хозяйства, которое подверглось как раз при игумене Филиппе административной регламентации.

Владения монастыря, как прежде новгородского боярства, не занимали сплошных территорий, но были разбросаны островками среди болотистой и лесной пустыни. Заимки поселенцев естественно возникают по берегам многочисленных «морских» рек, текущих в Белое море, и по самому морскому побережью. По природе страны это прежде всего промышленные поселки: звероловные, рыболовные, солеварные. Грамоты полны указаниями на «тони и рыбные ловища, леший лес и лешие озера»; пахотная, «страдомая» или «орамая» земля занимает второе место. Деревеньки немноголюдны; иногда они состоят из 1–2 дворов, являясь скорее хуторами. Земледельческая семья, под защитой крупного вотчинника – быть может, с помощью его капитала, т. е. орудий и продовольственных ссуд, – ведет борьбу, один на один, с обступившей суровой, «лешей» природой. Среди поселенцев мы различаем разные группы: крестьян, бобылей, казаков. Последние представляют кочевое, не осевшее поселение – батраков, сидящих на чужой земле. Но все они лично свободны и всегда вольны, если «по грехам» пожелают, покинуть монастырскую землю, очистив ее от тягла и недоимок. Поселения эти группируются в волости, большею частью связанные течением рек: Сумы, Вирмы, Шижни и т. д. Все эти речки текут по Карельскому и Поморскому, т. е. западному побережью Белого моря. В течение XVI века монастырские владения подвигаются на восток к Онеге, не достигая, однако, этой реки. Отдельными привесками в этом хозяйстве являются немногочисленные в XVI веке вотчины в Двинском и Каргопольском уездах, даже в Бежецком (нынешней Тверской губернии), где боярин Ив. Вас. Полев в 50-х годах отказал Соловецкому монастырю свою вотчину.

Отрывочные документы Соловецкого архива, дошедшие до нас, не дают возможности составить полной картины соловецких владений или подвести им цифровые итоги. Судьба неко-

торых волостей, случайно известных нам, свидетельствует о сильном хозяйственном росте в конце XV–XVI вв. По замечанию Ключевского, Соловецкий монастырь вообще обнаружил «стремление вносить свою деятельность в пустоши, от эксплоатации которых отказались местные поселенцы». Другими словами, монастырь проявлял хозяйственную инициативу, не только кормился с земли, но и кормил зависимое население, являлся активным культурным деятелем в крае.

От времен игуменства Филиппа до нас дошли три «уставных грамоты», данные им вотчинному соловецкому населению и представляющие кодификации действующего вотчинного права. Оставляя в стороне грамоту 1561 г. крестьянам села Пузырева Бежецкого Верха, условия быта которых сильно разнятся от поморских деревень, мы имеем грамоту 1548 г. пяти волостям, во главе с Вирмой, и грамоту 1564 г. Сумской волости. Трудно сказать, что в этой грамоте следует отнести на счет старого обычая и что приписать инициативе игумена. Менее всего об этой инициативе может свидетельствовать ранняя грамота, датированная 17 августа 1548 г., то есть самым днем вступления Филиппа в должность игумена. Главное содержание уставной грамоты 1548 г. – фиксация денежных повинностей разных категорий монастырских людей, – повинностей, идущих на корм вотчинной администрации. Общая тенденция – защита крестьян от произвольных поборов администрации: «А от поруки не давать ничего». «Не дают ничего», «не взять ничего»... проходит через всю грамоту. Монастырь, пользующийся правом суда над своими крестьянами, в случае тяжбы их с чужими людьми (и в случае тяжких преступлений) защищает их перед судом царского волостеля в Выгозере. Доводчик должен сопровождать тяжущихся на волостельский суд «и крестьян на суде беречь накрепко, а от того у крестьянина поминки (подарки), на езду, не имати доводчику ничего». Особенно характерно заключение: «Старец наш приказчик, или доводчик, коего крестьянина, или казака изобидит чем-нибудь, или не по сей грамоте что на них возмут, и им от нас быть в ползе и в смиреньи, а кого чем изобидят, и нам на них велети доправити вдвое».

Конечно, монастырское хозяйство не благотворительное учреждение. Оно зорко блюдет свои интересы, ограждая их, например, со стороны текучего, плохо поддающегося учету «ка-

зацкого» населения. Монастырь требует, чтобы каждый поселенец заявлял у властей «казака незнаемого», который станет жить на его земле, и не забывал «отъявить» его при уходе. Как заявка, так и отъявка казака сопряжены с уплатой пошлины.

Но уже не одна строгость рачительного хозяина, а и блюдение доброй нравственности со стороны духовной власти сказывается в строгих мерах против пьянства и игры в кости (зернь). «Какие крестьяне или казаки станут зернью играть, на тех доправить на монастырь полтину, на приказчика 10 алтын, на доводчика 2 гривны, а игроков выбить из волости вон». Этот огромный по тому времени штраф увеличивается вдвое, хотя и без угрозы изгнания, для винопийцев и винокуров. «Какие торговые люди ездят зимой и летом по волостям с вином продажным, прикащику тех людей на подворье не принимать и вина у них не покупать ни прикащику, ни крестьянам, ни казакам, и свово не курить». Чтобы вполне оценить смысл подобной строгости, следует иметь в виду, что, по преданию, св. Зосима совершенно запретил в монастыре употребление вина. Этот запрет был распространен и на монастырских крестьян.

Уставная грамота Сумской волости 1564 г. носит на себе уже несомненную печать личной деятельности игумена Филиппа. Она вводит реформы в управлении и закрепляет другие, имевшие место в предшествующие годы. В 1548 г. пять волостей управляются из одного центра, из Вирмы. Состав администрации не сложен: старец приказчик, келарь и доводчик (судебный пристав), по-видимому, составляют весь административный персонал. В грамоте 1564 г. мы видим уже три административных центра. В Вирме и Колежме живут приказчики (вероятно, с подведомственными им чиновниками), в каждой волости десятские, а в Суме главные надо всеми староста и тиун с бирючем. Другая реформа, которая собственно и санкционируется грамотой 1564 г., состоит в новом порядке обложения. Мы узнаем о недовольстве населения старой произвольной системой «разрубов», т. е. раскладки тягла. Отныне разрубы производятся не вотчинной властью, а выборными от населения: по 2 от «лучших», от «средних», от «меньших» крестьян и от «казаков». Здесь мы наблюдаем начало того самоуправления на монастырских землях, которое для боярских крестьян на Севере наступило уже давно: с тех пор, как «извелись» новгородские

бояре, и бывшие их холопы и «дворяне» сделались «государевыми сиротами», т. е. свободными государственными крестьянами. Вместе с тем это явление нельзя не сопоставить с политикой самоуправления и самообложения городских и уездных миров, проводимой в первую половину царствования Грозного.

Из частных статей Сумской грамоты интересны особенно две. Одна из них стремится привлечь к обложению подростков: «А у которых земских людей дети или племянники, и будут поспели промышлять зверей, и птицу, и рыбу ловити, и ягоду и губы (грибы) брати, и вы бы на тех клали против (наравне) казаков, по рассуждению, кто чего достоин». Другая статья касается крестьянского солеварения. «Во всех наших деревнях цреном (сковородой) варили зимой и летом 160 ночей, а дров к црену сечь к зимней и летней вари на год 600 сажен, запасать дров на один год, а вперед на другие годы не запасать; а кто станет лишние ночи варить и лишние дрова сечь, на того полагать пеню, а лишнюю соль и дрова брать на монастырь». Это ограничение крестьянского солеварения, по всей вероятности, имело целью обеспечение интересов вотчинного промысла.

Уже из содержания отдельных статей уставных грамот можно видеть, что интересы земледелия здесь не на первом плане. Деревни монастыря, как и хозяйство его на островах, преимущественно промысловые. Скудная северная почва производит мало хлеба, да и то лишь овес и ячмень. Прокормить местное население может только торговля с хлебородными южными областями. Важнейшим предметом этой торговли является соль: отсюда солеварение едва ли не главный источник соловецкого богатства. Производство соли и торговля ею в значительной мере централизованы в руках монастыря. Ежегодно караваны судов поднимаются по Двине в Холмогоры, Устюг Великий, Тотьму вплоть до Вологды и возвращаются оттуда, груженые хлебом. Вологда приобрела значение важнейшего складочного пункта в торговле между «Низом» и «Поморьем». Подворье, выстроенное св. Филиппом в Вологде, должно было обслуживать приказчиков и рабочих людей монастыря, занятых соляным торгом. О размерах этой торговли дают понятие следующие цифры. В середине XVI века монастырь продавал 6.000–10.000 пудов соли, в середине XVII века – уже 130.000.

Покупалось монастырем в конце XVI в. до 20 пудов воска и до 8000 четвертей (56000 пудов) ржи. Это количество показывает, что монастырь кормил не только сотни своих иноков и рабочих, но и тысячи крестьян. Кроме хлеба и воска, мы имеем известия, относящиеся как раз ко времени Филиппа, что в монастырь ввозились кожи и сукна. Словом, перед нами вырисовывается картина централизованного хозяйства. Соловецкая вотчина — это не ряд мелких крестьянских хозяйств, объединенных только в целях эксплуатации, как представляет проф. С. Ф. Платонов старинные боярские вотчины новгородские. Если производство остается, в значительной мере, мелким, крестьянским, то хозяйство, несомненно, крепкое и даже построенное на капиталистических началах. Это не простое «кормление» от земли, непосредственная добыча почвенных богатств. Торговля — и при том дальняя, организованная, плановая торговля — является кровеносной системой вотчинного организма. С этим связана денежная форма всех повинностей монастырского населения, исключающая представление о «натуральном» хозяйстве. Но если монастырь вовне выступает с чертами капиталиста, то внутри своих владений он остается вотчинником патриархального типа. Он вносит нравственные начала в отношения к зависимому населению. Оно для него является предметом не эксплуатации, а отеческой опеки и воспитания.

Вся эта система не только легла на плечи игумена Филиппа, но в значительной мере является его созданием. Именно на его время падает огромное увеличение монастырских владений и вызванная им кодификация вотчинного права. Св. Филипп, когда-то уклонявшийся от тягот управления, вырос за несколько лет в образцового администратора, повернувшись к нам новой стороной своей личности. Живи он в конце XVI века, ему пришлось бы с качествами хозяина соединить таланты стратега или, по крайней мере, военного инженера. Но оборона Соловков от «каянских немцев», т. е. шведов, начинается только с 70-х годов. Монастырь обнесен своими циклопическими стенами из дикого камня только при Федоре Ивановиче (1584–1594). С конца XVI века Соловки являются уже первоклассной крепостью, обороняющей северные рубежи московского государства. При игумене Филиппе, по счастью, буйные команды

стрельцов и пушкарей не тревожили тишины келий, внося с собой начала разложения уставной киновийной жизни. Ничто не нарушало еще строгой трудовой дисциплины и молитвенного покоя.

О молитвенных подвигах игумена Филиппа мы, к сожалению, знаем много меньше, чем о его хозяйственных предприятиях. Но это случайное обстоятельство не должно для нас искажать его образа. Закончим наше описание Соловецких лет Филиппа немногими известиями, характеризующими его религиозное настроение. Часть этих известий относится, правда, к внешнему благочестию: мы видели его любовь к постройке и украшению храмов, его вклады в монастырь и пр. Особенно подчеркивается его ревность к памяти святых основателей монастыря. Он нашел чудотворный образ Одигитрии, принесенный на остров преп. Савватием и поставил над гробницей святого, а его каменный крест – в часовне, где покоится его сподвижник, св. Герман. Он исправил пришедшую в ветхость псалтырь, принадлежавшую преп. Зосиме, и любил совершать богослужение в его убогих ризах. Велел дополнить житие угодников описанием чудес, совершившихся в его годы при их гробницах. Драгоценнее для нас другое. Мы слышим, что игумен любил уединяться время от времени в пустынную келью для молитвы и созерцания. Пустынь Филиппова в двух с половиной верстах от обители до сих пор напоминает о месте его уединения. Конечно, только молитва могла восстановить равновесие духовной жизни, нарушаемое постоянной тяжестью административных и хозяйственных забот. За мельницами и соляварнями мы не должны проглядеть скромной деревянной пустыньки, спасавшей Филиппа от власти суеты, сохранившей в хозяине монаха и воспитавшей его для последнего мученического подвига.

Между тем, самое служение игуменское, подъятый им хозяйственный труд неведомыми для него самого путями готовил святому мученический венец. Игумен великой северной обители не мог остаться незнакомым царю. Отсюда начало благоволения к нему Грозного, приведшего к трагическому концу.

Мы уже встречались с крупными земельными пожалованиями Ивана Васильевича монастырю. Некоторые из них были небезвозмездны, являясь вознаграждением за отнятое у мона-

стыря право беспошлинной торговли солью, или связывались с обязательством для монастыря поднять запущенную и необработанную землю. Но все же нельзя отрицать особой щедрости царя к далекой обители. О ней свидетельствуют, помимо земельных пожалований, и личные вклады царя в монастырь. Особенно крупное пожалование (в 1000 рублей) сделал царь на постройку Преображенского собора. Игумен сам неоднократно просил его помощи в своих обширных строительных работах. Известны и дары государя в монастырскую ризницу: в виде утвари, сосудов, крестов. В монастыре до последнего времени сохранялись три напрестольных креста, подаренные Грозным, – все золотые, украшенные яхонтами, жемчугом и другими каменьями, один около трех фунтов весом. Подписи на них указывают время и титул жертвователя. Два из них относятся ко времени Филиппа. Среди подарков царя наше внимание привлекает и одна редкая книга – перевод Иосифа Флавия «Об иудейской войне», показательная, впрочем, не для научных интересов соловецкого игумена, а для «гуманистических» вкусов самого Грозного.

Если Грозный и сохранил с детских лет воспоминание о Федоре Колычове, то соловецкого игумена царь имел случай видеть и оценить в са́мой Москве. Сохранилось известие о том, что соловецкий игумен был в Москве на соборах 1550 и 1551 гг. Из этих поездок Филипп привозил в Соловки и царские подарки: два атласных лазоревых покрова на гроб чудотворцев и два облачения из белой камки, унизанные жемчугом.

Для самого Филиппа пребывание в Москве в эти годы не могло пройти бесследно. После тринадцатилетнего отсутствия он снова погрузился в круг московских общественных дел. За Соловецким монастырем опять встала Русь – в один из напряженнейших моментов ее истории. Москва, казалось, переживала эру полного обновления. Готовясь к победоносному завоеванию Казани, накануне небывалого расширения русской мощи на востоке, царь Иван Васильевич в союзе с «избранной радой», руководимой Сильвестром и Адашевым, лихорадочно проводил земские реформы. Отмена кормлений, широкое самоуправление волостей, пересмотр Судебника, реформа финансов и военно-поместной системы следовали одно за другим. Эта напряженная реформаторская работа была проникнута

высоким моральным пафосом. Царь «бил челом и с бояры своими о своем согрешении». Каясь сам, он требовал покаяния от всей земли, примирения сословий, забвения старых обид, особенно боярских, за время своего малолетства. И, наконец, царь задумал и провел на Стоглавом соборе всестороннюю церковную реформу. Вопросы церковного управления и обряда, всевозможные нестроения в церковной жизни, особенно монастырской, – были поставлены перед собором в вопросных пунктах царя. Ему же царь представил для оценки новый Судебник и Уставные грамоты земского самоуправления. Иван еще не делал разницы между мирским и духовным, царским и святительским. «Рассудите и утвердите по правилам св. апостолов и по прежним законам прародителей наших, чтобы всякие обычаи строились по Боге в нашем царствии». Церковь призывалась освятить дело всенародного обновления.

Соловецкий игумен должен был участвовать в работах Стоглавого собора в 1551 г. в числе других настоятелей, «духовных отцов» и даже «пустынников», собранных царем. Филипп уезжал из Москвы, несомненно обогащенный государственным и церковно-общественным опытом, пройдя краткую, но серьезную школу архипастырства. Будущее представляется безоблачным для современников этой великой эпохи. Ничто не предвещало грозы.

Как ни далек был от Москвы Соловецкий монастырь «на студеном море, край Корельска языка, в Лопи дикой» (слова Курбского), но он находился, как мы уже видели, в постоянных сношениях со столицей. Сюда должны были доходить, хотя с некоторым запозданием, вести о московских делах. Приносили их богомольцы, постриженики, торговые люди монастырские, и, наконец, опальные, заточенные в монастырь по царскому или соборному указу. Из этих ссыльных соловчан нам известны двое лиц в настоятельство Филиппа: Артемий, игумен у Троицы-Сергия, и знаменитый священник Сильвестр.

Игумен Артемий был запутан в дело о ересях Матфея Башкина и осужден на соборе 1554 г. вместе с другими единомышленниками последнего. Это одна из последних волн того религиозного рационализма, который поднят был на Руси в конце XV века ересью жидовствующих. Артемий, собственно, не был уличен в ереси. Ему удалось опровергнуть показания многих

свидетелей; в вину ему поставлены только нарушения постов и критические суждения, резавшие благочестивые уши. «Артемий говорил о Троице: во Иосифове деи книге Волоцкого написано негораздо, что послал Бога в Содом двух ангелов, сиречь Сына и Святого Духа; да Артемий же для еретиков ноугородских не проклинает, а латын хвалит, и поста не хранит, во всю четыредесятницу рыбу ел, да на Воздвиженье деи у царя великого князя за столом рыбу ел же», и т. д. За все эти грехи Артемий был лишен сана и сослан в Соловки под надзор «духовного настоятеля игумена Филиппа». Его велено держать в строгом заключении, «в некоей келье молчальне», ни с кем не сообщается, кроме духовника и игумена, который должен его «наказывать и поучать от божественного писания». Обо всем сообщать в Новгород владыке Пимену, который должен отписывать в Москву. Подробная грамота собора соловецкому игумену, содержащая приговор и его мотивы, с показаниями всех свидетелей, сохранилась до нашего времени.

Мы не знаем, как отнесся св. Филипп к ссыльному игумену. Среди иерархов собора был один (Кассиан рязанский), который держал сторону обвиняемых. Среди осужденных и сосланных собором «еретиков» был Феодорит, просветитель лопарей, постриженик Соловецкого монастыря, вскоре прощенный. Один из старцев соловецких Асаф Белобаев дал на соборе показание в пользу Артемия.

Как бы то ни было, охрана соловецкого узника была не слишком строгой. Вскоре ему удалось бежать. Пробравшись в Литву, он выступал в литературе как защитник православия, особенно против Феодосия Косого, тоже московского беглеца, осужденного в связи с тем же процессом Башкина. Это доказывает, что ереси Артемия в Москве были, по меньшей мере, преувеличены.

Лет через шесть после Артемия один из обвинителей его должен был разделить его участь — заточение в Соловецком монастыре. То был знаменитый священник Сильвестр, о котором «Царственная книга» (официальная летопись) пишет, отражая раздражение царя на бывшего любимца: «всем он владел, обеими властями, и святительской и царской, точно царь и святитель, только имени и престола не имел царских, но поповские». Игумен Филипп должен был хорошо знать его в Москве,

как истинного вдохновителя правительства в годы великих реформ. Ссылка его означала крушение столь торжественно ознаменованного единения царя, церкви и земли. Трещина в отношениях между царем и его любимцами, Сильвестром и Адашевым и их «избранной радой» возникла уже давно. Вскоре после завоевания Казани царь во время своей тяжелой болезни с горечью убедился, что его любимцы поддерживают князя Владимира Андреевича, а не его сына, – боясь повторения боярских смут при малолетнем царе. Нелады Сильвестра с царицей, с ее родней, Романовыми, углубили охлаждение. Царь все больше тяготился моральной опекой строгого протопопа. Ему казалось, что «избранная рада» (она же «собацкое собрание») снимает с него всю власть. С бесхарактерностью слабых натур он долго терпел окружение неугодных ему лиц. Коренное расхождение во взглядах на Ливонскую войну (1558) делало сотрудничество невозможным. Царя мучили странные подозрения: бояре вместе с Сильвестром извели жену, «разлучили его с голубицей». Начались опалы, казни: Адашева спасла от палачей его смерть, Сильвестра, по-видимому, судили на соборе, ставя ему в вину отравление царицы. Самая легкость наказания, ссылка в монастырь, показывает, что этим обвинениям никто не верил.

В лице Сильвестра св. Филипп увидел в Соловках человека, который, как никто другой, мог осведомить его о московских делах. Мы можем догадываться, что они едва ли расходились в оценке положения. Филипп должен был вместе с Сильвестром оплакивать нравственное падение царя: разврат, бесчинства, казни, принимавшие характер кровавых оргий. В годы, предшествующие учреждению опричнины, 1560–1564, казни были не часты, но впечатление их на современников было тяжелое. Жертвами падали иногда люди достойные (кн. Репнин), или ни в чем неповинные (родственники Адашева).

Со времени учреждения опричнины (январь 1565 г.) казни принимают массовый характер. О многих убиенных ходили рассказы, рисовавшие их мучениками, почти святыми. Говорили, что Дмитрий Шевырев, посаженный на кол, «воспевал канон из уст Господу нашему Иисусу Христу и пречистой Богородице и акафисты»; молодой Горбачев перед казнью, взяв в руки уже отрубленную голову отца, молился, благодаря Бога, «иже сподобил еси нас неповинным убиенным быти».

Отношение Соловецкого игумена к новому страшному институту было вполне определенным. Скоро предстояло ему защищать свое убеждение всенародно, в самой Москве. Весной 1566 г., когда митрополит Афанасий оставил кафедру, св. Филипп получил царскую грамоту с приглашением в Москву «для духовного совета». Догадывался ли он, что царь предназначает его в преемники ушедшему владыке? Грамота царя могла быть простым приглашением на земский собор, который, как известно, созывался летом 1566 г. К этому вопросу мы вернемся в следующей главе.

Игумен простился с плачущей братией. Впрочем, слезы не у всех были искренними. Кое-кто без сожаления расставался со святым игуменом. В Москву Филипп ехал опять через Новгород, той же дорогой, как пришел в Соловки. Вероятно, он хотел встретиться с архиепископом Пименом, но не застал его в епархии: Пимен был уже в Москве. Говорят, что граждане новгородские вышли ему навстречу за три версты, с хлебом, солью, умоляя его ходатайствовать перед царем за «свое отечество», за великий Новгород, над которым уже навис царский гнев. Возможно, что житие здесь предвосхищает и высокий жребий Филиппа и трагическую участь города, родного ему по крови предков.

Слушая стоны земли и готовясь мужественно предстательствовать за нее перед царем, ехал Филипп в Москву, где ждали его белый клобук и венец мученика.

Глава III

Царь и святитель

1. Св. Филипп – митрополит

Как складывались в Москве отношения между царем и первопрестольным святителем, кафедру которого было предназначено занять Филиппу? Мы оставили дела московской митрополии в тот момент, когда юный Колычов оставил Москву: при митрополите Данииле, учительном и книжном, но угодливом иерархе, правившем из рук великого князя. В малолетство Грозного боярские партии обнаружили еще меньше уважения к церковной власти, чем государи. Даниил был сведен Шуйскими в 1539 г. и сослан в Волоколамский монастырь, где прежде был игуменом. Задним числом его заставили подписать грамоту, в которой он отрекался от кафедры, «рассмотрев разумения свои немощна к таковому делу и мысль свою погрешительну», – унижение, от которого в свое время избавили даже заведомого еретика Зосиму, сведенного с митрополии «по болезни». Та же участь постигла преемника Даниила Иоасафа, поставленного из игуменов Троицко-Сергиева монастыря. О соборном избрании его историк русской церкви, митрополит Макарий, замечает: «Святители немало погрешили в том, что, вероятно, уступая давлению мирской власти, избрали и поставили нового митрополита прежде, нежели прежний отрекся от кафедры». Поставленный Шуйскими, Иоасаф навлек их гнев, перейдя на сторону Бельских. Во время последовавшего переворота, организованного Шуйскими, митрополит подвергся тяжким унижениям и насилиям. Заговорщики окружили его келью, бросая в нее камнями, преследовали его во дворце, оборвали на нем его мантию, едва не убили. Сверженный митрополит скончался в Троицком монастыре.

Время митрополита Макария (1542–1564) в печальной истории церковно-государственных отношений XVI в. является

эпохой счастливой реакции. Давно уже духовная власть на Руси не стояла на такой высоте. Хотя и обязанный своим избранием мятежу Шуйских, испытавший в первые годы немало обид от боярского самовластия, Макарий сумел удержаться, не гнувшись перед сильными и выступая миротворцем в дворцовых смутах. Заступничая перед боярами за лиц, имевших несчастье возбудить их ненависть (Воронцова), он с равным беспристрастием печаловался за опальных бояр перед государем, который уже свергнул с себя боярскую опеку. Влияние Макария на молодого царя было велико и благотворно. Митрополит был учененейшим книжником своего времени, десятки лет работавшим над своим огромным трудом, Минеями-Четьями, в которых он задумал собрать все «чтомыя книги, яже в русской земле обретаются». Близкому общению с ним Грозный, без сомнения, обязан своим блестящим образованием, своими широкими историческими идеями. Других учителей у него не было. Моральное и общественное влияние Макария впоследствии было подкреплено несравненно более энергичным и властным влиянием Сильвестра. Достойно замечания, что Сильвестр был одним из новгородских сотрудников Макария, вместе с ним пришедшим в Москву. В лице их, как впоследствии в лице св. Филиппа, культурное и свободное влияние Новгорода благотворно сказалось в деморализованной Москве. Но митрополит Макарий, в отличие от «избранной рады», был не политиком, а человеком кабинетного, или келейного, труда. Он не навязывал царю своих взглядов, а потому сумел сохранить свой моральный авторитет и после падения рады. Его заступничество за опального Сильвестра не имело успеха, но царь до конца его жизни сохранял уважение к владыке. Случалось, что он принимал его ходатайства и оказывал милость своим действительным или мнимым врагам «для отца своего митрополита Макария». В 1556 г. Иван писал казанскому архиепископу Гурию: «О Боже, как бы счастлива была русская земля, если бы владыки были таковы, как преосвященный Макарий да ты». Впрочем, с годами эта благодарная роль ходатая перед потерявшим нравственное равновесие государем становилась все труднее. Люди нетерпеливые, вроде князя Курбского, упрекали митрополита в слабости. Макарий неоднократно помышлял об уходе, как свидетельствует сам в своем духовном завещании, но

оставался, склоняясь на просьбы государя и церкви. Наконец, смерть освободила старца от его трудного служения (31 дек. 1563).

Преемником ему был избран инок Чудовского монастыря Афанасий, духовник государя. Перед избранием его царь пожелал украсить новой честью престол московской митрополии, и собор в феврале 1564 г. определил будущему митрополиту носить белый клобук (вместо черного) «с рясами и херувимом» и печатать грамоты красной печатью, по примеру архиепископа новгородского. Эти внешние отличия были плохим вознаграждением за то падение духовного авторитета, которым отмечено кратковременное (2 г.) правление Афанасия. Раздраженный изменой Курбского, замышляя небывалую расправу с боярством, царь хотел решительно и принципиально сбросить с себя религиозно-моральную узду церкви, прежде всего в лице митрополита. Такой смысл имела трагикомедия отъезда царя в Александровскую слободу, предшествовавшая учреждению опричнины. В грамоте, которую царь прислал из слободы в Москву с изложением причин своего гнева на всю «землю», на все правящие круги, духовенство стоит на первом плане: «Царь и великий князь гнев свой положил на своих богомольцев, на архиепископов, и епископов, и на архимандритов, и на игуменов, на бояр своих, и на их дьяков, и на детей боярских, и на всех приказных людей»... Охарактеризовав своеволие и своекорыстие бояр, царь продолжает: «И в чем он государь бояр своих, и всех приказных людей, также и служилых князей и детей боярских похочет и понаказати и посмотрити; и архиепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены, сложась с бояры и с дворяны, и с дьяки, и со всеми приказными людьми, почали по них же государю и великому князю покрывати». Ввиду всего этого царь объявлял, что он «оставил свое государство и поехал, где вселитися, идеже его государя Бог наставит».

Церковь была единственной силой, которая могла ограничить произвол царя. Со стороны правящего класса, тем более со стороны народных масс, Грозный не мог ждать противодействия своим кровавым мероприятиям. Право на «опалу», право на казни признавалось за царем всеми. Только церковь если не оспаривала *право*, то указывала царю его долг или взывала к милосердию, которое выше права. Именно для того, чтобы сбросить

с себя эту последнюю докучную узду, Ивану понадобилась комедия с отречением от царства, которая кончилась формальным подтверждением за ним неограниченного права казней.

Епископы во главе с Новгородским Пименом (митрополит остался стеречь Москву) и бояре, от имени всего народа, умолили государя вернуться и править по всей его воле. Это было со стороны церкви отказом от древнего права печалования. Впрочем, мы имеем от следующих лет две записи с подписью митрополита Афанасия и других епископов и бояр за двух опальных вельмож: Ив. Петр. Яковлева и кн. Мих. Ив. Воротынского. Царь жалует, «отдает вины» своих провинившихся слуг «для прошения отца своего Афанасия» (1565–1566 гг.) Это показывает, что и Афанасий не остался вполне равнодушным к разгулу опричнины. Но его добрая воля была сломлена уже капитуляцией в Александровской слободе. Возвращение царя в Москву было ознаменовано небывалыми и утонченными казнями. Церковь безмолвствовала. Но через год силы владыки иссякли. Он оставил митрополию 19 мая 1566 г. «за немощию велиею», чтобы вернуться в свой Чудов монастырь. Тогда-то царь призвал Филиппа.

Впрочем, быть может, он сделал еще один опыт. По крайней мере, Курбский сообщает, что ранее Филиппа царь обратился к Герману, архиепископу Казанскому, впоследствии причисленному к лику святых, и умолял его принять избрание. Курбский уверяет даже, что Герман был «собором принужден к сему», т. е. что выбор его уже был проведен в соборе. Нареченный митрополит жил, «как говорят», уже два дня на митрополичьем дворе, все еще не решаясь принять тяжелое бремя, когда между ним и царем произошел разрыв – как раз по поводу опричнины. В беседе с царем наедине святитель «тихими и кроткими словесы» напоминал царю о страшном суде Божьем, взыскующем со всех, «царей яко и простых». Иван вернулся к своим «ласкателям», передал им об этой беседе и встретил с их стороны общее негодование: «Боже сохрани тебя от такого совета. Опять ли хочешь, царь, быть в неволе у того епископа, еще горшей, нежели был ты у Алексея и Сильвестра столько лет?» Алексей Басманов с сыном обнимали даже его колена, умоляя царя не поддаваться на внушения митрополита. Намек на опеку Сильвестра, тягостный для самолюбия царя, возымел

свое действие. Иван велел прогнать Германа из церковных палат со словами: «Еще и на митрополию не возведен, а уж связываешь меня неволей». Курбский заканчивает свой рассказ сообщением о том, что через два дня казанский архиепископ был найден во дворе своем мертвым – одни говорят от яда, другие – от удушения. Здесь Курбский явно ошибается. Архиепископ Герман участвовал 25 июля в поставлении митрополита Филиппа и скончался 6 ноября 1567 г. Эта ошибка набрасывает тень на рассказ Курбского. Впрочем, все русские историки принимают самый факт избрания Германа. Речи «ласкателей» и Грозного психологически очень метки; если и вымышлены, то прекрасно рисуют больное место царя, на котором играют опричники. Переписка Грозного с Курбским говорит о необычайной его чувствительности к попыткам морально «связать» его. Наконец, избрание Филиппа дало место для аналогичных сцен, закрепленных даже в официальном акте.

Летом того же 1566 г. в Москве заседал «земский собор» по вопросу о продолжении Ливонской войны в связи с предложенными польским королем условиями перемирия. В приговоре, поданном 2 июля на первом месте идут имена многочисленных духовных особ, 9 епископов и многих игуменов, даже простых монахов. Первыми подписались Пимен Новгородский и Герман Казанский. Среди игуменов отдаленных, Новгородских и Псковских, монастырей мы встречаем подписи игумена Соловецкого. В это время он должен был находиться по пути к Москве. Духовенство, участвующее в этом земском соборе, совещаясь и подавая свой голос отдельно, всегда могло конституироваться в настоящий церковный собор для избрания митрополита. В это именно время, до или после политического совещания, собор мог избрать Германа. Соображения времени заставляют думать, что игумен Филипп получил приглашение в Москву тогда, когда еще не выдвигалась его кандидатура на митрополичью кафедру. Опоздав на политическое совещание, он прибыл в Москву как раз вовремя, чтобы царь, после ссоры с Германом, остановил на нем свой выбор. Таково наиболее вероятное толкование событий, если мы не желаем совершенно отбросить рассказ Курбского. Принимая его, мы стоим еще перед одной трудностью, на этот раз психологической. Что заставило Грозного обратиться именно к Филиппу, после не-

удачной попытки с Германом? В лице Германа он звал на митрополию святого. Требования, поставленные этим святым, оказались для царя неприемлемыми. Неужели он ожидал, что Филипп будет покладистее? И как мог он столь жестоко обмануться в новом своем избраннике?

Думается, мы совершим несправедливость по отношению к сложному характеру Грозного, объясняя его поступки одними низменными побуждениями. Противоречия внутренних мотивов необычайно характерны для царя, который всегда соединял свои злодеяния со страстной набожностью. Грозный, несомненно, ревновал о чистоте и благолепии церковном – внешнем и внутреннем. Его обличения современных монахов, в своей недоброй иронии, продиктованы тою же ревностью. Он хотел видеть святого пастыря на кафедре Успения Богоматери. Это несомненно. Но столь же несомненно, что он желал сохранить для себя полную свободу действий; желал иметь в святом молитвенника, не судью своей совести. Вот почему после опыта с Германом он не обращается ни к Пимену, ни к одному из покладистых иерархов, а ищет достойнейшего – и находит его в лице давно знакомого ему игумена Соловецкого.

Избрания митрополитов при Грозном совершались на соборах, т. е. внешне канонически, и, однако, определялись всецело волею царя. Эта царская воля выдвигается на первый план и в необычном официальном акте, составленном при избрании Филиппа. Ввиду исключительной важности этого документа, позволяем себе привести его целиком:

«Лета 7074 (1566) Июля 20, понуждал царь и великий князь Иван Васильевич всея России со архиепископы и епископы и с архимандриты и со всем собором боголепного Преображения Господа нашего Иисуса Христа и великих чудотворцев Зосима и Савватия Соловецких игумена Филиппа на митрополию. И игумен Филипп о том говорил, чтобы царь и великий князь *оставил опришнину*; а не оставит царь и великий князь опришнины, и ему в митрополитах быти невозможно; и хотя его и поставят в митрополиты, и ему затем митрополию оставити; а *соединил бы воедино, как прежде было.* И царю великому князю с архиепископы и епископы в том было слово, архиепископы и епископы царю и великому князю о том били челом о его *царском гневу*; и царь и великий князь гнев свой отложил, а игумену

Филиппу велел молвити свое слово архиепископом и епископом, чтобы игумен Филипп то отложил, а в опришнину и в царский *домовой обиход* не вступался, а на митрополью бы ставился; а по поставленьи бы, что царь и великий князь опришнины не оставил, и в домовой ему царский обиход вступаться не велел, и за то бы игумен Филипп митропольи не отставливал, а советовал бы с царем и великим князем, как прежние митрополиты советовали с отцом его великим князем Иваном. И игумен Филипп по царьскому слову дал свое слово архиепископом и епископом, что он, по царскому слову и по их благословению на волю дается стати на митрополью, и в опришнину ему и в царский домовой обиход не вступатися, а по поставленьи за опришнину и за царский домовой обиход митропольи не отставливати. А на утверждение к сему приговору нареченный на митрополью Соловецкий игумен Филипп и архиепископы и епископы руки свои приложили» (Следуют подписи).

Из этой официальной записи видно, что избрание Филиппа сопровождалось бурными сценами. «Царский гнев» вызван тем, что Филипп обусловил свое согласие определенным требованием: отмены опричнины. Мотивировка его показывает прекрасную осведомленность соловецкого игумена в событиях русской жизни последних лет. «Если его и поставят на митрополию, ему придется все равно ее оставить». В этих словах говорит опыт двух или трех последних митрополитов. При опричнине не может быть нормальных отношений между властью святительской и царской; митрополит не сможет нести своего церковно-общественного служения. Царь этого условия не принял, но сделал уступку, скрытую в авторитетной форме «веления»: он разрешил Филиппу «советовать», как прежние митрополиты «советовались с его отцом и дедом». Этим восстановилось право печалования, уничтоженное в 1565 г. со введением опричнины. На таких условиях св. Филипп позволил уговаривать себя иерархам – принял избрание, дав слово «не вступаться в опришнину». Самое составление дошедшего до нас протокола, скрепленного подписями членов собора и нареченного митрополита, имело, конечно, целью закрепить обязательство митрополита перед царем. Этим актом Иван хотел обезопасить себя на будущее от возможных вторжений святителя в ту область, на которую он смотрел как на свой «домо-

вой обиход». Надо думать, что на Филиппа было оказано сильное давление со стороны иерархов, и он уступил ему. Нельзя не обратить, однако же, внимания на то, что среди подписей владык отсутствуют имена двух, которые, по всей вероятности, были в Москве, потому что в начале июля подписались под определением земского собора, а через пять дней, после избрания Филиппа, участвовали в торжественном его поставлении. Эти отсутствующие подписи — Германа Казанского и Елевферия Суздальского. Имя св. Германа, только что мужественно обличавшего царя, позволяет догадываться, что не все епископы склонны были благословить эту капитуляцию избранного митрополита перед царем. Для них, как и для Филиппа, опричнина, вероятно, представлялась слишком серьезным препятствием к миру в царстве и в церкви.

Уступчивость Филиппа можно объяснить, конечно, влиянием большинства иерархов, в которых скромный соловецкий игумен должен был видеть голос русской церкви. Можно объяснять ее и уступчивостью царя. Филипп отказался бороться против опричнины как института, но не отказался бороться против ее злоупотреблений. Возвращенное церкви право печалования давало ему некоторую надежду на смягчение ужасов опричного режима. Так мы вправе истолковать его избирательную капитуляцию.

Но, толкуя ее так, относясь с благоговением к чистоте одушевляющих его намерений, нельзя не остановиться перед этим фактом колебаний, уступок, как бы некоторой слабости, проявленной святителем на пороге его нового служения. Июльские дни его жизни поразительно напоминают первые дни его игуменства в Соловках. Эти драгоценные черточки столь бледно вырисовывающегося его портрета, говорят все о том же: в природе Филиппа не было энергичной властности, уверенности в себе, твердого знания своих целей и средств... Его первое движение — бежать от тяжкого бремени. Но раз приняв его, он несет мужественно и верно. Его силы растут под тяжестью ноши, раскрываются новые, не подозреваемые нами стороны личности: Филипп — хозяин соловецкий кажется совсем другим человеком, чем Филипп — страдалец за всю русскую землю. Но он все тот же. Сила Божия совершилась в немощах и благодать восполнила естественную скудость.

Через четыре дня после подписания избирательной грамоты, 24 июля, состоялось официальное избрание Филиппа царем, со всем освященным собором. «И возведоша его того дня на митрополичь двор». А еще через день, 25 июля, совершилось торжественное поставление нового митрополита в Успенском соборе. До нас дошел чин этого торжественного действия, как оно совершалось в Москве в XVI столетии. Заимствуем подробности в изложении митр. Макария:

«В день, назначенный для поставления митрополита, устрояли в Успенском соборе впереди амвона особое возвышение и на нем ставили два седалища, с правой стороны для государя, а с левой для архиепископа (Новгородского, старейшего в русской церкви. – *Г. Ф.*) и по обе стороны, несколько пониже, ставили длинные седалища для епископов, а перед возвышением на полу начертывали большого орла с распростертыми крыльями. Перед литургией выводили нареченного из алтаря в полном облачении и ставили на орла. По окончании трисвятой песни, рукополагали его в епископа-митрополита, и он уже сам продолжал и оканчивал литургию... По окончании литургии, святители брали нового первосвятителя под руки, вели на возвышение среди церкви и там три раза сажали его на место, произнося: „ис полла эти, деспота“, – после чего митрополит разоблачался, и на него возлагали святители панагию, мантию с источниками и белый клобук и отводили его на его митрополичье место каменное. Тогда приближался к митрополиту государь и вручал ему архипастырский посох (принадлежавший некогда св. Петру Московскому. – *Г. Ф.*), со словами: „всемогущая и животворящая св. Троица, дарующая нам всея Руси самодержство Российского царствия, подает тебе сей св. великий престол великого чудотворца Петра архиерейства, митропольью всея России, Российского царства, рукоположением св. отец, архиепископов и епископов русского нашего самодержавного Российского царствия. И жезл пастырства, отче, восприими, и на седалище старейшинства взыди и моли Бога и всех святых о нас и о наших детях и о всем православии, и яже на пользу и всему православному христианству душевне и телесне; и подаст ти Господь Бог здравие и долголетствие во веки века, аминь“. Митрополит отвечает государю так: „Всемогущая и вседержавная десница Вышнего да сохранит Господь Бог по-

ставленное твое Российское царство, самодержавный царю и владыко. Мирно да будет и многолетнее твое государство, и победно со всеми повинующимися тебе пребывает во веки и в век века... Здрав, здрав, здрав, добро творя, животоносен владыко самодержец, многолетен".

По выходе из храма, митрополит, облаченный в мантию, принимал от протоиерея воздвизальный крест животворящего древа, садился на приготовленное осля и ехал во двор великого князя, чтобы преподать ему благословение; а осля под митрополитом вели конюший великого князя и боярин митрополичий; перед ними шли два хора певчих – певчие государевы и митрополичьи, и пели стихи, пред певчими же шли четыре свещеносца с пальмами. От государя, точно таким же образом, ехал митрополит в собственный двор, где благословлял святителей и духовенство, потом ехал вокруг кремля и благословлял народ и весь город, снова заезжал к государю и возвращался в свои палаты, где и предлагал трапезу всем участникам торжества; иногда же трапеза эта предлагалась самим государем в его собственных палатах».

Такое торжество происходило в Москве 25 июля 1566 года. Девять архиереев участвовало в нем; на этот раз ни Герман, ни Елевферий не уклонились. Первоприсутствовал Пимен. Св. Филиппу суждено было принять омофор из рук епископа, который сделался его предателем, и посох из рук царя, который убил его. Житие влагает в уста Филиппа назидательную речь к царю, произнесенную им в этот день. Так как она не носит характера подлинности, то мы рассмотрим ее ниже, вместе с другими, в которых можно искать отражения его взглядов.

Торжества окончились, и для св. Филиппа начались труды его нового служения. Казалось, что мрачные предчувствия, владевшие им во время избрания, рассеиваются. Провидению угодно было отсрочить на время его исповедническую жертву. Ужасы опричнины смолкли; в течение полутора лет мы не слышим о казнях в Москве. Конечно, разрушительное учреждение продолжало действовать, отравляя и разлагая все народное тело, но наверху, в непосредственной близости к царю, отдыхали от крови. Несомненно, мужественное выступление одного за другим двух иерархов, двух святых, не могло пройти бесследно на впечатлительную душу царя. Была и другая при-

чина его сдержанности. На земском соборе только что все сословия выразили одинаковое понимание национальных интересов, одинаковую готовность принести все жертвы для государства. Ливонская война была одним из самых кровных дел Грозного. Из-за нее он рассорился окончательно с избранной радой. Единение в этом вопросе с народом — или с правящими, руководящими кругами народа — должно было успокоить подозрительность царя и смягчить его недоверие к «земщине». В Московском посольстве, которое повезло Сигизмунду-Августу неприемлемые требования царя, на первом месте называется боярин Федор Иванович Умного-Колычов, двоюродный брат митрополита. Назначение его состоялось за несколько дней до поставления Филиппа.

Сохранилось очень мало сведений об административной деятельности св. Филиппа как митрополита Московского. Давая общую оценку ее, житие св. Филиппа замечает, что он во всем старался подражать митрополиту Макарию, своему достойному предшественнику. По всему, что мы знаем о круге дел митрополичьего управления, можно сказать с уверенностью, что св. Филипп взял на себя бремя власти не только в Московской епархии, но и во всей русской церкви. Митрополит XV–XVI веков соответствовал патриарху XVII века. Он должен был ставить епископов во все епархии, наблюдать за деятельностью их, увещевать и исправлять путем посланий, вызывая их в случае надобности в Москву. Он не мог лишь судить епископов — право, принадлежащее собору. Но на митрополите лежала обязанность созыва соборов, и в XVI в. они созывались весьма часто — как правило, раз в год, иногда и чаще.

Земельные вотчины митрополита еще в начале XVI века были разбросаны в пятнадцати уездах. В семи из них числилось 531 сел и деревень, 1818 душ крестьян. К середине XVI века владения эти сильно увеличились. Доходы их в конце века Поссевин определяет в 22000 талеров, а Флетчер в 3000 рублей (180.000 – 210.000 р. на деньги XIX века). Впрочем, владения и доходы Новгородского архиепископа намного превосходили доходы митрополита.

Если управление церковными имуществами требовало хозяйственного внимания, то немало времени поглощал и митрополичий суд. Круг его компетенции обнимал и духовные и свет-

ские дела. Как у простых епископов, у митрополита были свои бояре, свои дьяки, дворецкие и десятинники — словом, целый аппарат управления, построенный по типу удельного княжества.

До нас дошли отрывочные свидетельства о некоторых повседневных актах административной деятельности митрополита Филиппа. Мы видим его посвящающим епископов (Полоцкого, Ростовского), освящающим храмы. Первые месяцы святительства Филиппова были омрачены страшным народным бедствием — чумой. От западных границ, охваченных войной, из армии, эпидемия приближалась к московским уездам. Люди во множестве умирали «от лихого поветрия». Потребовалось вмешательство митрополита для замещения беспоповных приходов: «где попы померли и не было кому и мертвых погребати». 1 сентября болезнь объявилась в Можайске, угрожая самой Москве. Царь установил карантин, «заставу и сторожу» в чумной зоне, не велев никого пропускать оттуда в Москву и обратно. Весною 1567 г. поветрие на время прекратилось. Москву удалось спасти благодаря энергичным мерам правительства.

Едва ли не единственным памятником хозяйственно-административных забот митрополита Филиппа остается жалованная грамота князя Владимира Андреевича Старицкого на имя митрополита. Грамотой этой все митрополичьи села и монастыри, лежащие в уделе князя, освобождались от пошлин и кормов на удельный двор и от удельного суда, «опричь душегубства и татьбы с поличным». «А судит их отец наш Филипп митрополит всея Русии, или его бояре». Может быть, в этом акте позволительно видеть след старой близости, связывавшей Старицких князей с Колычовыми. Отец Филиппа был верным слугой князя Андрея. Сын Андрея, влачащий свою жизнь под угрозой царских подозрений, проводивший мать в монастырь накануне собственной гибели, в этой грамоте выразил свою благодарность митрополиту за службу его отца.

Если так скудны памятники административной деятельности митрополита Филиппа, зато мы имеем свидетельства, показывающие, что он в кремлевских своих палатах не забыл о далекой северной обители, воспитавшей его духовную жизнь. Он должен был часто возвращаться мыслью к счастливым трудовым годам в Соловках и молить угодников соловецких о помо-

щи и заступе среди тревог московской жизни. В митрополичьем доме он устроил домовую церковь во имя св. Зосимы и Савватия, которую его далекий преемник и почитатель, патриарх Никон, посвятил апостолу Филиппу, ангелу своего великого предшественника.

В Соловецком архиве сохранились четыре грамоты-письма митрополита Филиппа – три в Соловки, а одна в Новгородское подворье монастыря. Они полны хозяйственных забот и указаний и дышат отеческим чувством игумена к оставленной обители. В первом письме Филипп извещает братию о своем избрании на престол всея Руси и предлагает им избрать игумена по своей воле, об утверждении которого он будет просить царя. Во втором перечисляет посылаемые в монастырь подарки. Тут и иконы, и кресты, и деньги, и «зелье»: перец, шафран и имбирь. Оба эти послания адресованы братии, из которой по имени названы старцы Иона и Паисий. В одном из них имеем право видеть старого учителя и духовника Филиппова, другой – его преемник во игуменстве. Третье письмо в Новгород, старцу Исааку, посвящено условиям передачи в собственность монастыря усадьбы новгородца Тучки с обещанием просить у государя «тот двор и с садом обелити», т. е. освободить от податей. Все эти письма отправлены в первые дни святительства Филиппа. Четвертое письмо – 30 января 1568 г., в тяжелое время начинающейся борьбы с царем. И содержание его тревожно: видимо, добрые отношения между митрополитом и Соловками затуманились. Монахи на владыку «навели скорбь великую на Москве». Он выговаривает им за то, что они, ослушавшись его, посылали ему в «поминки» рыбу... Да и рыба-то оказалась «мелка, а средней мало»: т. е. святителю оказали явное невнимание, подчеркивающее официальный характер и без того запрещенных им «поминок». Другое, что огорчает митрополита, это судьба неоконченных при нем на Соловках работ. Он убеждает Паисия с братией очистить выкопанный при нем пруд («святое озеро»). Не надеясь, что братия по собственной охоте будет продолжать начатое им дело, он обещает кормить своим хлебом работников: «а не пожалуете не дадите и так делати, и вы бы ко мне известно ж учинили». Все письмо проникнуто горечью, которой не смягчают и присланные денежные подарки на стол братии. Мы не знаем причин охлаж-

дения к бывшему игумену митрополита: одной ли хозяйственной нерадивостью заслужил он укор Филиппа? Как бы то ни было, письмо святителя должно было уязвить его. Скоро ему представился случай отомстить своему отцу.

Кроме этих писем, единственно дошедшая до нас грамота св. Филиппа адресована в Кириллов-Белозерский монастырь и, вероятно, представляет образчик писем, разосланных во все важнейшие монастыри осенью 1567 г., во время царского похода против Литвы. В нем говорит уже не бывший игумен, а глава русской церкви, в ее неразрывной связи с православным царством. Митрополит просит у иноков молиться за царя с его семейством и за успех литовского похода. «Грех ради наших безбожный крымский хан Девлет-Кирей, со всем своим бесерманством и латинством, и литовский король Жигимонт-Август и поганые немцы во многие различные ереси впали, наипаче в лютерову прелесть, и святые христианские церкви разорили, и святым и честным иконам поругались... И слышав таковая, боговенчанный царь и государь великий князь Иван Васильевич, всея Руси самодержец, зело оскорбился и опечалился за святые церкви и за святые честные иконы... и по нашему благословению и всего священного собора пошел со всем своим воинством на своих недругов, за святые церкви, и за святые честные иконы, и за нашу святую благочестивую христианскую веру греческого закона, и за свое царское отечество и обиду, Богом порученное ему российское царство отстоять не токмо до крови, но и до смерти».

Стиль этого послания митрополита вполне соответствует официальной идеологии военных предприятий Грозного. Царь любил облекать свои политические акты – напр., взятие Полоцка, – в форму священной войны против врагов веры и церкви, во имя торжества православия. Правительственная летопись сохранила нам яркие свидетельства этих настроений. Но начавшийся в столь торжественной обстановке поход Грозного осенью 1567 г. протекал вяло и окончился ничем. Царь, лично принявший в нем участие, вернулся в Александровскую слободу без побед и без славы. Моральная помощь «земщины», декларирования в июле 1566 года, не принесла реальных результатов, на которые царь рассчитывал. Он искал теперь, на ком сорвать свое раздражение.

Опричный террор при Грозном имел свой ритм повышений и понижений. Карамзин насчитывал шесть «эпох казней». Иногда можно установить связь возрастающей волны террора с неудачами внешней политики. Бегство Курбского в Литву и его опустошительный набег на Великолуцкую область были прологом самого учреждения опричнины – «второй эпохи казней» (1565 г.). Неудачная кампания 1567 г. предшествует новой, еще более страшной волне, против которой пытался бороться св. Филипп, и которая улеглась нескоро после его кончины (1568–1571). Эта волна была самой кровавой из всех. Но прежде, чем перейти к событиям, повлекшим трагическое столкновение святителя с царем, уместно нарисовать в самых общих чертах характер опричнины в действии, в ее бытовой обстановке и в ее принципах. Оппозиция св. Филиппа была направлена, как мы увидим, не только против эксцессов этого учреждения, но и против самой системы. Необходимо отдать себе отчет в том, является ли св. Филипп, в своей борьбе против опричнины, выразителем христианской совести и голосом русской земли или, как думают многие в наше время, выразителем «реакционных» стремлений побежденного боярства [8].

2. Опричнина

В наше время вопрос об опричнине сделался одной из актуальных тем исторической науки. Последнее поколение русских историков заново пересмотрело его с новой точки зрения, отчасти по новым материалам, и, кажется, удовлетворительно решило загадку, мучившую людей XVI–XVII века.

Теперь мы знаем, что это не только система террора, но и система управления. При самом учреждении этого института, в январе 1565 г., Грозный требовал себе от москвичей права «опала своя класти, а иных казнити и животы их и статки (имущества) имати, и учинити ему на своем государстве опричнину: двор ему себе и на весь свой обиход учинити особной». По возвращении царя сейчас же начинается эта огромная работа по построению «особого царского обихода». В опричнину берутся сперва 1000, потом до 6000 служилых людей, из низов этого класса, не связанных родством с княжескими и боярскими верхами. Для поселения им отводятся уезды в центре и на севере

государства. Старые помещики выселяются на окраины. Эта переборка и переброска служилых людей длится много лет, составляя постоянный социальный фон для кровавых узоров террора. В Москве в опричнину берется ряд кварталов (на Арбате и соседних улицах) с выселением прежних владельцев. Сам царь оставляет Кремль и переезжает в новый опричный дворец, «у Ризоположенских ворот» на Арбате. Все, не вошедшее в опричнину, официально называется земщиной. Опричная Россия, как и земская, возглавляется своими центральными учреждениями, приказами, имеет свою казну. Государство оказалось разрубленным на две части. Опричная часть, первоначально небольшая, неуклонно росла и охватила половину государства. Во главе земщины осталась старая боярская дума, в том же личном составе, с князьями Бельским и Мстиславским, во главе опричнины – царский двор, с его худородными дворянами (Вяземский здесь единственный князь). Государственный дуализм достиг своего завершения, когда Грозный поставил во главе земщины (1575–7 гг.) крещеного татарского хана Симеона Бекбулатовича с титулом «великого князя всея Руси», а за собой оставил скромное звание «князя Московского». Этот маскарад, правда, длился недолго, но он знаменательно вскрывает политическую идею, лежавшую в основе опричнины.

Ясно, что политический смысл опричнины сводится к созданию нового управления и нового служилого класса, чуждых старым земским традициям, независимых от влияния боярства. Царь чувствует себя бессильным пересоздать старый порядок путем реформ или смены личного состава правящего класса. Он строит новую параллельную государственную организацию на новом месте, из новых людей. Парадокс этой революции в том, что, направленная против остатков удельной традиции, она сама облекается в удельные формы. Самое слово «опричнина» взято из удельного быта, означая в древности вдовью долю, отказываемую князем в духовном завещании своей вдове-княгине. Грозный настойчиво, хотя и лицемерно, подчеркивал фикцию, что опричнина есть лишь его «домовой обиход», организация его двора, что в государстве, в «земщине», сохраняется старый порядок. «Ивашка», удельный князь Московский, пишет униженные челобития «великому князю всея Русии», прося его «милость ему оказать», «людишек перебрать»...

За мрачным шутовством здесь скрывается психология бессилия: бессилия перед силами традиции, перед вековым укладом, за которым стоят моральные силы народной совести и церкви. В духовном завещании Грозного 1572 г. это ощущение бессилия носит уже маниакальный характер. Царь изображает себя «изгнанным боярами и скитающимся по странам». Его сыновьям как будто бы предстоит еще «доступить свое государство». Словом, Грозный живет если не в обстановке, то в психологии гражданской войны.

Политической задаче опричнины соответствовало и ее социальное содержание. Перемещение больших масс служилых людей из центра на окраины и обратно должно было разорвать хозяйственные и моральные связи между народом, крестьянским людом и потомками удельных «княжат». В старое время, присоединяя уделы и вольные русские земли, московское правительство «выводило» на Москву сотни лучших людей, разрушая аристократическую верхушку местного общества. Эта система «вывода» была применена Грозным почти ко всему составу служилого класса: не к одним лишь «княжатам» и боярам, а к целым уездам московского центра. Это был социальный переворот, захвативший все слои русского общества до самого дна.

Современники свидетельствуют, что операция «вывода» сопровождалась административными жестокостями, придававшими ей характер народного бедствия. Сгоняемым со старых гнезд помещикам «не позволялось брать ничего из движимого имущества». Их просто «выгоняли с женами и детьми на большую дорогу, и они принуждены были иногда брести пешком на новые места, питаясь подаянием». Разорение тысячи помещичьих хозяйств влекло за собой и разорение крестьянства. Новые помещики из бедноты, которые «теперь должны были выезжать в поле с 50, 100 и более коней и не имели в кошельках ни полушки, отнимали у бедных крестьян, отданных им, все, что у них было, в один год столько, сколько бедному крестьянину раньше не приходилось платить и в десять лет. По этой причине столько прекрасных имений было так быстро запущено и разорено, словно через них прошел неприятель».

В общей катастрофе всплыли наверх хищные, бессовестные люди из низов общества, нередко из инородцев, немцев, особенно татар, которые занимали места старого боярства. В этом

заключался «демократический» смысл царской революции, не укрывшийся от современников. «Было много таких, — пишут немцы Таубе и Крузе, сами служившие в опричнине, — что раньше могли выезжать в поле с 200–300 коней, имели состояние во много тысяч гульденов, а теперь бродили по стране с нищенской клюкой, а другие, их бывшие холопы, не имевшие ни гульдена, теперь посажены на их места, в их поместья». И им вторит другой опричник Штаден: «Теперь с в. князем ходят новодельные господа, которые должны бы быть холопами тем — прежним».

Словом, перед нами настоящая социальная революция — произведенная верховной властью. Впрочем, цель ее только политическая: замена боярства новым служилым классом. Ради этой цели страна была подвергнута на десятилетия режиму террора, разорения, захватившего все слои общества. Хотя царь Иван и объявлял в январе 1565г., что на гостей и купцов и все христианство никакой опалы нет, то на деле борьба с боярством в самом же начале выродилась в борьбу с земщиной. Следует помнить, что в понятие земщины входили все классы общества, вся старая, взятая под подозрение, Русь. До нас дошел (в немецком переводе) текст присяги, которую давал каждый, вступающий в опричный корпус. В ней он клянется «не есть, не пить, и не водить дружбы с земщиной». А немец опричник свидетельствует: «Часто бывало, что, ежели найдут двух таких (т. е. опричника с земским) в разговоре, — убивали обоих, какое бы положение они не занимали». Царь Иван психологически находился в состоянии войны со всей русской землей. Только этой психологией можно объяснить разгром Новгорода, Твери и множества других городов. Все своеобразие этой гражданской войны в том, что она односторонняя: завоевательные походы опричнины почти не встречают сопротивления; война сводится к резне и погромам.

Остановимся на обстановке и деталях этой гражданской войны, как она рисуется современниками. За последние годы русская наука обогатилась новым источником по опричнине, только что найденными записками опричника Генриха Штадена. В общем, эти записки подтверждают давно известные — Таубе и Крузе — в том, что касается функционирования опричной системы. Штаден был одним из палачей русской земли, и

его наивно-циничные повествования о собственных подвигах не могут вызвать подозрений в пристрастности.

По свидетельству этих лиц, земщина получила от государя приказ в делах между земскими и опричными решать в пользу последних: «Судите праведно, наши виноваты не были бы». Существовал ли или нет такой приказ, но так, очевидно, понимали дело в Москве и по всей России. Это была отмена правосудия для половины страны и узаконение разбоя для другой. «Тогда-то из-за этого приказа земские и пали духом. Любой из опричников мог, например, обвинить любого из земских в том, что этот должен ему будто бы некую сумму денег. И хотя бы до того опричник совсем не знал и не видел обвиняемого им земского, земский все же должен был уплатить опричнику, иначе его ежедневно били публично на торгу кнутом или батогами до тех пор, пока не заплатит». Сам Штаден рассказывает, как он применял эту систему вымогательства к своему врагу-немцу, к соседке-торговке, к зажиточному крестьянину. Способ, которым он разоряет женщину, является классическим, по описанию Таубе и Крузе. Его слуга отдает рубашку на хранение в соседний дом и подсовывает золоченый кубок. Потом, в присутствии целовальника, производится обыск, находят рубашку и тащат хозяйку в Судный двор. «Мне стало стыдно, что я поклепал напрасно эту женщину: в земщине она была моей близкой соседкой; ее первый муж был иконописец» (второй — торговец).

Этот пример уже показывает, что не одни бояре страдали от опричнины. В рассказах Штадена, как и Таубе, купцы постоянно фигурируют в числе жертв. Иначе и быть не могло, т. к., судя по самому автору, грабеж и накопление были главным бытовым интересом опричника. Штаден мало говорит о казнях, о законном разбое — на каждом шагу. Читая его, можно думать, что даже поход Грозного на Новгород не имел другой цели, кроме исполинского грабежа. Стоит привести его рассказ о новгородской экспедиции. Он показывает, что творилось во время опричного режима во всех уголках страны.

«Когда великий князь со своими опричниками грабил свою собственную землю, города и деревни, душил и побивал на смерть пленных и врагов — вот как это происходило. Было приставлено множество возчиков с лошадьми и санями — сво-

зить в один монастырь, расположенный за городом, все добро, все сундуки и лари из Великого Новгорода. Здесь все сваливалось в кучу и охранялось, чтобы никто не мог унести. Все это должно было быть разделено *по справедливости*, но этого не было. И, когда я это увидел, я решил больше с великим князем не ездить...

Тут начал я брать к себе всякого рода слуг, особенно же тех, которые были наги и босы; одел их. Им это пришлось по вкусу. А дальше я начал свои *собственные походы* и повел своих людей назад, внутрь страны, по другой дороге. За это мои люди остались верны мне. Всякий раз, когда они забирали кого-нибудь в *полон*, то расспрашивали честью, где — по монастырям, церквам или подворьям — можно было бы забрать денег и добра, а особенно добрых коней. Если же взятый в плен не хотел добром отвечать, то они пытали его, пока он не признавался. Так добывали они мне деньги и добро.

Как-то однажды мы подошли в одном месте к церкви. Люди мои устремились вовнутрь и начали грабить, забирая иконы и тому подобные глупости. А было это неподалеку от двора одного из земских князей („князь" у Штадена нередко вместо дворянина. — *Г. Ф.*), и земских собралось там около 300 человек вооруженных. Эти триста человек гнались за шестью всадниками — те шестеро были опричники, которых гнали земские. Они просили меня о помощи, и я пустился на земских.

Когда те увидели, что из церкви двинулось так много народа, они повернули обратно ко двору. Одного из них я тотчас уложил одним выстрелом наповал; потом прорвался через их толпу и проскочил в ворота. Из окон женской половины на нас посыпались каменья. Кликнув с собой моего слугу Тешату, я быстро взбежал вверх по лестнице с топором в руке.

Наверху меня встретила княгиня, хотевшая броситься мне в ноги. Но, испугавшись моего грозного вида, она бросилась назад в палаты, я же всадил ей топор в спину, и она упала на порог. А я перешагнул через труп и познакомился с их девичьей...

Затем мы проехали всю ночь и подошли к большому, незащищенному городу. Здесь я не обижал никого. Я отдыхал...

Когда я выехал с великим князем, у меня была одна лошадь, вернулся же я с 49-ю, из них 28 были запряжены в сани, полные всякого добра».

Рассказ опричника о новгородском походе кончается царским смотром в Старице, во время которого Генриху Штадену было пожаловано право называться «Андреем Володимировичем». «Частица „вич“ означает благородный титул. С этих пор я был уравнен с князьями и боярами. Иначе говоря, этими словами великий князь дал мне понять, что это – рыцарство. В этой стране всякий иноземец занимает лучшее место, если он в течение известного времени умеет держать себя согласно с местными обычаями». Немец Штаден, несомненно, проявил это умение в полной мере.

Многие из опричных подвигов следует отнести на счет своеволия нового «рыцарства». Сам Штаден свидетельствует, что грабеж земщины происходил «без согласия» царя. Многие переодевались опричниками для покрытия разбоя. Разнуздав свою армию [стихией] гражданской войны, царь Иван, естественно, не мог поддержать в ней дисциплину. К тому же, навстречу алчности и жестокости сверху шла классовая злоба и алчность с низов. Еще раз обратимся к перу опричника: «Из-за денег земских оговаривали все: и их слуги, работники и служанки, и простолюдины из опричнины – посадский или крестьянин. Я умалчиваю о том, что позволяли себе слуги и служанки опричных князей и дворян. *В силу указа все считалось правильным*».

Последние слова показывают, что все эксцессы низового террора и простой разбой были санкционированы волей царя – всем духом созданной им системы. Рассказывают же Таубе и Крузе, что простое снисхождение, проявленное опричником к земскому в его личном деле, рассматривалось как измена и могло стоить ему головы.

В этой гражданской войне царя с земщиной наше внимание останавливается на церкви. Монастыри и храмы, по-видимому, особенно привлекали алчность опричнины – и самого царя. Секуляризации церковных имуществ, – в которой правительство могло испытывать потребность во время разорительных войн, – Грозный предпочитал прямой грабеж и разгром храмов. Вот некоторые примеры, заимствованные из того же Штадена: «Великий князь пришел в Тверь и приказал грабить все – и церкви и монастыри. – То же было и в Торжке; здесь не было пощады ни одному монастырю, ни одной церкви».

Особенно ярко эта алчность к церковному имуществу, в соединении со злобой царя к духовенству, сказались во время погрома Великого Новгорода (1571), описанного в местной летописи. Еще до прихода царя опричники из «передового полка» делают все нужные приготовления: «А иные бояре и дети боярские повелением государя разъехашася по монастырям иже около Великого Новгорода, запечаташа монастырския церковные казны, а игуменов и черных попов и дьяков и соборных старцев из всех новгородских монастырей взяша с собою в Великий Новгород, числом до пятисот человек старцев и болши, и всех поставиша на правеж до государева приезда». То же было сделано и с белым городским духовенством. «Повелеша их бити на правежи от утра до вечера, а правити на них числом по 20 рублей новгородских». Аресты были произведены и среди новгородского боярства и купечества, но этих на правеж не ставили. На другой день по приезде своем в Новгород, 7 января, государь повелел всех поставленных на правеж монахов «избивать палицами на смерть, и бив их повел когождо во свой монастырь развозити и погребати». Общий грабеж и казни в Новгороде начались лишь на следующий день. Среди монахов царь ищет свои первые жертвы.

Кн. Курбский посвящает в своей «Истории» особую главу (VIII) «страданию священномучеников». Она, как и другие его главы, не свободна от неточностей. Но многие факты подтверждаются летописями и Синодиком самого Грозного, т. е. помянником его жертв, рассылавшимся царем по разным монастырям. Таков рассказ Курбского об убиении Корнилия, игумена Псковского Печерского монастыря, вместе с его учеником Вассианом Муромцевым: «И глаголют их вкупе во един день орудием мучительским некаким раздавленных: вкупе и телеса их преподобно мученическия погребены». Курбский глухо упоминает, не называя его имени, об убиении Леонида арх. Новгородского, преемника Пимена: «повелел убити со двема... игумены великими, або архимандриты». Псковская летопись сообщает подробности неслыханной казни архиепископа: «Опалися царь Иван Васильевич на архиепископа Новгородского Леонида и взя к Москве и сан на нем оборвал и в медведко ошив, собаками затравил». Мы, как и Курбский, не можем проверить известия об убийстве Иваном знаменитого просве-

тителя лопарей Феодорита. По одним слухам, царь утопил его за то, что он ходатайствовал о прощении Курбского, бывшего некогда его духовным сыном. Синодик царя дает нам и другие имена «иноков», «священноиереев» и даже «стариц», которые, вероятно, никогда не будут отождествлены. Но и Синодик далек от полноты: достаточно сказать, что в нем нет имени св. Филиппа.

Казни духовенства могли вызываться алчностью царя или подозрением в соучастии представителей церкви во мнимых преступлениях земщины: в таком случае они составляли подробность опричного режима. Но могли они явиться и местью тирана, раздраженного словом увещания, моральной уздой, которую он встречал со стороны хотя бы немногих пастырей. Конечно, в них нельзя видеть выражение антихристианских или антицерковных идей царя. Иван умел совмещать казни священников и даже ненависть к попам с самосознанием ревнителя православия. Он любил богословские прения, особенно с иностранцами, был начетчиком в Св. Писании, уставщиком, ревнителем не только веры, но и благочестия. Однако это благочестие выражалось у него в таких формах, которые были отвратительнее зверств. Иван находил, по-видимому, острую приправу к человеческой крови в литургической красоте, как находил ее иногда в сладострастии. Так как в столкновении митрополита с царем играет некоторую – может показаться, непомерно большую роль – вопрос об опричных скуфьях и одежде самого царя, то мы считаем нужным остановиться на той кощунственной пародии монашеского братства, которую царь создал в недрах опричнины.

Двор царя – он же отборный корпус палачей в Александровской слободе – состоял из 300 человек «братии», во главе которой стоял сам царь в сане игумена, кн. Вяземский – келаря, Малюта Скуратов – экклисиарха. Опричники носили поверх кафтанов черные плащи, а на головах шлыки, напоминая внешним видом монахов: своеобразная идея духовно-полицейского ордена! Церковные службы в слободе занимали не менее 9 часов. Игумен будил братию даже по ночам, заставляя простаивать в церкви от 12 до 3 час. утра. За обедом, довольно роскошным, царь сам читал жития святых. Приказы о казнях, вместе с подробностями пыток, отдаются нередко в церкви.

Встав из-за стола, царь «не пропускает почти ни одного дня, чтобы не пойти в застенок». Зрелище пыток «доставляло ему, по самой природе, особую радость и утешение; никогда он не бывал так весел лицом и в речах, как будучи при пытках и казнях. Казнит он до колокола в восемь часов», который сзывает на вечернюю молитву. Эта строгая упорядоченность церковно-застеночного быта разрушает обычное понимание религиозности Грозного, как состояния резких колебаний между грехом и раскаянием. Не отрицая покаянных настроений царя, нельзя не видеть, что он умел в налаженных бытовых формах совмещать зверство с церковной набожностью, оскверняя самую идею православного царства.

Сказанного достаточно, чтобы убедиться, насколько ошибочно видеть в опричнине целесообразный государственный институт, направленный лишь против мятежного боярства, а в борьбе св. Филиппа против него — голос той же боярской оппозиции.

Русские люди, писавшие об опричнине при Грозном и после него, единодушны в своем возмущении. Не нашлось ни одного голоса в ее защиту. Известный Иван Пересветов, в котором видели идеолога опричнины, писал задолго до нее, и трудно сказать, был ли он доволен формой воплощения своей идеи, если дожил до кровавых лет. Из многих голосов летописцев и хроникеров приведем лишь некоторые свидетельства:

«Попущением Божиим за грехи наши возъярился царь Иван Васильевич *на все православие* по злых людей совету... учинише опричнину, разделение земли и градов... и бысть туга и ненависть на царя в миру и кровопролитие и казни учинишася многия» («Сокращенный Временник»).

Кн. Катырев-Ростовский в «Повести о смутном времени» дает яркую и точную характеристику опричнины: «За умножение грехов всего православного христианства царь Иван Васильевич *сопротивник* обретеся и исполнися гнева и ярости, нача подвластных своих сущих рабов зле и немилосердно гонити и кровь их пролияти и царство свое, порученное ему от Бога, раздели на две части... и заповеда своей части оную часть насиловати и смерти предавати и домы их грабити и воевод, данных ему от Бога, без вины убивати повеле, не устрашися же и святительского чина, оных убивая, оных заточению предавая и

грады краснейшие Новгород и Псков разрушати, и в них православных христиан зле и немилостиве убивати, даже и до ссущих младенцев повеле».

Даже дьяк Иван Тимофеев, автор «Временника», который старается пройти молчанием «царское безобразие жития» и лишь «в прикосновении словес» решается обнажить «студ венца», выражается об опричнине резко и решительно: «Царь возненавидел грады земли своея», во гневе разделил их и «яко двоеверны сотворил». Все современники, как видим, особенно удручены «разделением» царства – тем, что составляет самую сущность опричнины и против чего еще накануне своего избрания возвысил голос митрополит Филипп.

3. Подвиг св. Филиппа

Зимой 1567–8 гг. царь возвратился из неудачного литовского похода. Над Москвой собиралась гроза. Поводом к казням послужили перехваченные правительством грамоты к московским боярам от короля Сигизмунда и гетмана Хоткевича. Грамоты были адресованы князьям Бельскому, Мстиславскому, Воротынскому и конюшему боярину Ивану Петровичу Челяднину. Бояре приглашались оставить государя-тирана и перейти в Литву. Успеха это предложение к измене не имело. Бояре – вероятно, под диктовку царя – составили оскорбительные ответы в Литву, дошедшие до нас. Челяднин пишет королю: «Я уже человек при старости; зрадивши (изменивши) мне государя своего и душу свою зломивши, не много жити; а у тебя будучи, в войсках твоих ходити уже не могу... и машкарством потешать тебя в старости не учен есмы». В письме к гетману он так отзывается о русском государе и своей службе: «А што писал еси, што государь мой хотел надо мною кровопролитство вчинити: ни есть того коли бывало, а ни быти может, што царскому величеству без вины кого карати. Также и того не бывало, што Литве Москва судити».

Эти письма не спасли боярина. Не знаем, почему из всех лиц, которым писал Сигизмунд, казнен был один Челяднин. То, что Бельского и других не тронули, говорит об отсутствии заговора. Челяднину царь, может быть, мстил за старые грехи: за участие в мятеже против Глинских, 21 год тому назад (предполо-

жение Соловьева). Он был уже в преклонных летах и, по словам опричника Штадена, лично знакомого с ним, пользовался репутацией единственного честного судьи в Москве. Один современник-иностранец рассказывает о трагически-шутовской обстановке его убийства. Иван будто бы надел на боярина царскую одежду и венец, посадил на трон и поклонился, величая царем земли Русской. Потом ударил его ножом в сердце. Опричники дорезали старика и выволокли тело из дворца, бросив на площади. Штаден отмечает коротко: «он был убит и брошен у речки Неглинной в навозную яму».

Вместе с Челядниным погибла и жена его. Ненависть царя к Челядниным была так велика, что, по единогласным свидетельствам, он перебил их слуг и скот, выжег их усадьбы, стараясь не оставить в них ничего живого. Это было началом новой вспышки террора. Вокруг Челяднина, очевидно, было состряпано изменническое дело, к которому привлечены многие из боярских родов. Тогда погибли князья И. А. Куракин-Булгаков, Д. Ряполовский, трое князей Ростовских. Об одном из них, воеводствовавшем в Нижнем Новгороде, рассказывают, что посланные от царя опричники схватили его в церкви и обезглавили по дороге в Москву. Голова его была доставлена царю. Некоторые из жертв царской опалы думали спасти жизнь, отрекаясь от мира: кн. Щенятев, кн. Турунтай-Пронский. Но монашеская ряса не спасла их. По одному известию, они были забиты батогами до смерти. Курбский пишет, что Пронского царь велел утопить, а Щенятева подвергнуть в монастыре страшным пыткам: «на железной сковороде огнем разженной жещи и за ногти иглы бити. И в сицевых муках скончался». Вместе с боярами погиб и казначей Х. Ю. Тютин, рассеченный на части, если верить немцам-опричникам, самим царским шурином Михаилом Темрюковичем, вместе с женой, двумя малолетними сыновьями и двумя дочерьми. Если не все подробности казней достоверны, то они не заключают в себе ничего невероятного. Политические казни уже превращались в резню.

Одни ли представители знатных родов трепетали в то время царского гнева? Таубе и Крузе описывают эти месяцы террора: «То было жалостное, горестное зрелище резни и убийств. Каждый день опричники, по 10, по 20 человек и более, в панцирях под плащами, с большими топорами, разъезжали по ули-

цам и переулкам. Каждый отряд имел свои списки бояр, дьяков, князей и видных купцов; никто не знал ни о какой своей вине, ни о часе смерти, ни о том, что он осужден. Всякий шел, как ни в чем не бывало, по своим обычным делам, в суд или в приказы. Тотчас налетала на них банда убийц на улице, у ворот или на рынке, рубили и душили их без всякой вины и суда и бросали их трупы, и ни один человек не смел их хоронить». Опускаем другие кошмарные и, может быть, преувеличенные подробности этих кровавых дней. Что трупы убитых по несколько дней валялись на улицах, подтверждает и Штаден.

Этот разгул опричного террора падает на зиму и весну 1568 г. Более точная хронология событий невозможна. Тогда-то впервые раздался перед царем укоризненный голос Филиппа.

Житие его повествует, что «неции от первых вельмож и народ» пришли к своему пастырю со слезами, моля его о заступничестве: «смерть пред очима имуще и глаголати не могуще, токмо показующе ему мучение». Святитель не мог дольше молчать при виде стольких злодейств и страданий. Он воспользовался своим правом печалования, признанного самим царем. Первые его беседы с Грозным и увещания царя происходили втайне. Житие Филиппа приводит одну из его бесед с царем. Она драгоценна для нас не как точная запись слов святителя, но как идеальный диалог между святым кормчим церкви и нечестивым царем, закрепленный церковным сознанием московских людей XVI века.

«— О державный, — сказал Филипп, — имея на себе сан превыше всякой чести, почти Господа, давшего тебе сие достоинство, ибо скипетр земной есть только подобие небесного, дабы научил ты человеков хранить правду. Соблюдай данный тебе от Бога закон, управляй в мире и законно. Земного обладание богатства речным водам уподобляется и мало-помалу иждивается; сохраняется только одно небесное сокровище правды. Если и высок ты саном, но естеством телесным подобен всякому человеку, ибо, хотя и почтен образом Божьим, но и персти причастен. Тот поистине может называться властелином, кто обладает сам собою, не работает страстям и побеждает любовию. Слышно ли когда-либо, чтобы благочестивые цари сами возмущали свою державу? — и в иноплеменниках никогда подобного не бывало.

– Что тебе, чернецу, до наших царских советов? Или не знаешь, что мои же хотят меня поглотить.

– Не обманывай себя напрасным страхом. По избранию священного собора и по твоему изволению пастырь я Христовой Церкви, и мы все за одно с тобой, чтобы иметь попечение о благочестии и спасении всего православного христианства.

– Одно лишь повторяю тебе, честный отче, молчи, а нас благослови по нашему изволению.

– Наше молчание налагает грех на твою душу и всенародную наносит смерть. Если один из служителей корабля впадает в искушение, небольшую делает он беду плавающим, но если сам кормчий, то всему кораблю наносит он погибель. Если мы будем следовать воле человеческой, то каким образом скажем в день пришествия Господня: се аз и дети, яже ми дал еси? Не сам ли Господь заповедал в Евангелии: больше сия любви никто же имать, да кто душу свою положит за други своя, и аще в любви моей пребудете, воистину ученицы мои будете; так мы мудрствуем и держим сие крепко.

– Владыко святой, восстали на меня други мои и искренние мои, как некогда скорбел св. Давид, ближние мои отдалече мене сташа и нуждахуся ищущии душу мою.

– Государь, есть люди, говорящие тебе лукавое; приемли благие советы, а не ласкательства; не разделяй свою державу, ибо ты поставлен от Бога судить в правде людей Божиих, а не образ мучителя воспринять на себя; все преходит в мире сем, и слава и честь, бессмертно только одно житие по Боге; обнаженные от всего житейского, воздаем мы слово за свою жизнь; отжени от себя, как гнилые члены, всех клеветников и устрой воедино народ свой, ибо там лишь пребывает Бог, где единодушие и нелицемерная любовь.

– Филипп, не прекословь державе нашей, да не постигнет тебя гнев мой, или остави сан сей.

– Ни моления не простирал я к тебе, ни ходатаев не посылал, ни чьей-либо руки не исполнял мздою, чтобы восприять власть сию; зачем лишил меня пустыни и св. отцов? Если дерзаешь чрез каноны, твори, что хочешь; когда наступит время подвига, не должен я ослабевать».

Таковы были эти беседы с царем наедине.

Они не имели успеха. Можно думать, что Филипп не пользо-

вался большим влиянием на царя после споров об опричнине, имевших место во время его избрания. Царь явно удалялся от владыки, избегая встреч с ним. В увещаниях митрополита ему почудился все тот же ненавистный голос крамольного боярства. Митрополит постепенно увеличивал энергию и строгость своих слов. По словам Курбского, он «начал первее *молити благовременно,* яко апостол великий рече, и *безвременно належати;* потом претити страшным судом Христовым, заклинающе по данной ему от Бога епископской власти».

Только убедившись в бесплодности тайных увещаний, св. Филипп выносит свой великий спор с царем на всенародный суд. Его первое столкновение с Иваном в Успенском соборе произвело такое впечатление на современников, что далекий новгородский летописец отметил в своих скудных записях: «Марта 22 дня, на самое середокрестное недели, учал митрополит Филипп с государем на Москве враждовати о опришнине». Об этом знаменитом диалоге святителя с царем в храме мы имеем несколько свидетельств: жития Филипповы и рассказ немцев-опричников, писавших четыре года спустя после событий. Замечательно, что эти источники, столь далекие и независимые друг от друга, столь отличные по стилю и характеру, одинаково передают смысл речей Филиппа: доказательство глубокого впечатления этих речей на московское общество, хранившее их целые десятилетия в устном предании. Карамзин без труда мог слить в своем изложении славянские фразы житий с переводно-немецкими – Таубе-Крузе, и в своей искусной амальгаме создал классическую страницу нашей национальной истории. Все мы помним ее с детства наизусть. К сожалению, слишком многое в этих памятных словах принадлежит красноречивому перу историка. Мы поступим осторожнее, если передадим отдельно оба варианта.

По рассказу жития, царь пришел в воскресенье в собор, «в черны ризы оболчен», вместе со своей опричной свитой; на головах они носили высокие шлыки, «яко же халдеи». Святой Филипп обрадовался царскому приходу, «исполнися Божественного света». Три раза подходил царь к митрополичьему месту, но святитель не говорил ни слова. Бояре сказали: «Владыко святый! Царь Иван Васильевич требует от тебя благословения». Блаженный же, взглянув на царя, сказал: «Благочести-

вый, кому поревновал ты, изменив так красоту своего лица? Отколь солнце начало сиять на небесах, не слыхано, чтобы благочестивые цари возмущали свою державу. Убойся Божия суда и постыдись своей багряницы. Полагая законы другим, для чего сам делаешь достойное осуждения? Истину сказал богодухновенный летописец: отвращайся льстивых словес, ибо хищнее вранов нравы ласкателей; враны исторгают только телесные очи, они же ослепляют душевные мысли, похваляя достойное хулы и осуждая достойное похвалы. Престань от такого начинания; благочестивой твоей державе не свойственны такие дела. Сколько страждут православные христиане! Мы, о государь, приносим здесь Господу жертву чистую, бескровную о спасении людей, а за алтарем проливается кровь христианская, и напрасно умирают люди. Или забыл, что и сам ты причастен персти земной и прощения грехов требуешь? Прощай, да и тебе прощено будет, ибо только чрез прощение клевретов наших избегнем мы владычного гнева. Глубоко изучил ты божественное писание; отчего же не поревновать ему? Всякий, не творяй правды и не любяй брата своего, несть от Бога».

Царь вскипел гневом:

«— Филипп, наше ли благодушие хочешь ты испытывать? Лучше бы тебе быть единомышленным с нами.

— Тогда, о государь, тщетна будет для нас вера наша, тщетно и проповедание апостольское, и всуе божественное предание святых отец и все благие дела христианского учения и самое вочеловечение Господа ради нашего спасения, если мы сами ныне рассыплем то, что даровал Господь для того, чтобы мы непорочно сие соблюли: — да не будет! — Все сие взыщет Господь от руки твоей, ибо все произошло от разделения царства. Не о тех скорблю, которые неповинно проливают кровь свою и кончаются мученически, ибо нынешние временные страдания, по слову апостольскому, ничто в сравнении с тою славою, которая имеет открыться в нас, но я имею попечение о твоем спасении.

Иван ударил жезлом о помост храма и произнес с угрозой:

— Нашей ли державе являешься супротивником? Увидим крепость твою.

— Не могу, государь, повиноваться повелению твоему паче, нежели Божьему. Господня земля и исполнение ея. Я только

пришлец на ней и пресельник, как и отцы мои. Подвизаюсь за истину благочестия, хотя бы и лишился сана и лютейшее пострадал».

Немецкие авторы передают речь митрополита следующим образом: «Всемилостивейший царь и великий князь, доколе ты хочешь лить неповинную кровь твоих верных людей и христиан? Доколе неправда будет царить в русском царстве? Татары и язычники, весь свет говорит, что у всех народов есть закон и правда, а на Руси их нет; во всем свете преступники, которые ищут милосердия у властей, находят его, а на Руси нет милосердия и для невинных и праведных. Подумай о том, что, хотя Бог возвысил тебя в мире, ты все же смертный человек, и Бог взыщет с рук твоих невинную кровь. Камни под ногами твоими, если не живые души, возопиют и будут обвинять тебя и судить; я должен сказать это тебе, по повелению Божию, хотя бы меня за это постигла смерть».

Эти слова, продолжают те же авторы, привели царя в страшный гнев. Он ударил об пол своим жезлом и отвечал: «Доселе я был кроток с тобой, митрополит, с твоими приверженцами и с моим царством. Теперь вы узнаете меня!». И с этой угрозой вышел из церкви.

На следующий день возобновились казни. На этот раз гнев царя упал на бояр и служилых людей митрополичьего двора. Многих из них схватили и подвергли страшным пыткам – вероятно, ища улик против владыки. Клевета, подстрекаемая страхом, уже пыталась жалить святителя. Но об этом позже.

Лето 1568 года Москва жила в страхе. Все современники рассказывают о дикой карательной экспедиции царя по подмосковным селам. Таубе и Крузе указывают день отъезда (9 или 19 июня) и продолжительность (шесть недель) этого похода. Были ли жертвой его поместья одного Челяднина или и других бояр, но опричная рать жгла все постройки, истребляя людей и скот, подвергая женщин неслыханным надругательствам. Если верить немецким авторам, царь захватил в этот поход женщин из домов московских бояр, дьяков и купцов. Надругавшись над ними вместе со своим войском, он велел развозить их по домам к их мужьям. Многие из них лишали себя жизни. Одна подробность этого рассказа, повторяясь в скупых словах Штадена, сообщает и остальному характер вероятности. Все авто-

ры говорят о женщинах и девушках, которых раздевали до нага, заставляя ловить кур на потеху царя и опричников.

Князь Курбский с этим летним походом связывает гибель одного из Колычовых, Ивана Борисовича, племянника митрополита. Рассказ этот способен вызвать недоверие, — сам Курбский говорит о «чуде», но прибавляет, что слышал о нем «от самовидца, притом зрящего». Когда царь палил деревни Ивана Петровича (Челяднина), он велел привязать молодого Колычова «в самых верхних каморах» одного дома. Весь дом, как и другие по соседству, были набиты людьми; под них подкатили несколько бочек пороху и взорвали. Ивана Колычова нашли далеко в поле, с рукой, привязанной к бревну, но живого. Один из опричников отрубил ему голову саблей. Царь приказал зашить ее в кожаный мех и послал к дяде — митрополиту, «заточенному в темнице», со словами: «Се сродного твоего глава. Не помогли ему твои чары». Упоминание о темнице здесь явный анахронизм, Филипп был еще на свободе; в начале своей открытой распри с царем он переехал из митрополичьего дома (в Кремле) в монастырь «Николы Старого». Если не разуметь под темницей этого монастыря, то знаменитую сцену с пересылкой головы Колычова придется отнести, согласно с житием, на несколько месяцев позже, к дням, следующим за отрешением митрополита (8 ноября). Но, может быть, казни Колычовых начались, действительно, уже с лета. Курбский говорит, что их было около десяти — конечно, взрослых и служилых: «и погублени суть всеродне». В Синодике Грозного упоминается четверо Колычовых. Что не все они погибли при опале митрополита, видно из боярского списка, где под 7079 (1571) годом записано: «Выбыл окольничий Михайло Иванович Колычов».

На время летних неистовств царя падает второе публичное столкновение его с митрополитом, отмеченное в житии. Это было 28 июля, в день апостолов Прохора и Никанора. В тот день Филипп служил в Новодевичьем. Пришел и царь со своими боярами. Совершая крестный ход по стенам монастыря, митрополит дошел до Святых врат, где должен был читать Евангелие. Оглянувшись назад, он увидел одного из приближенных царя, стоявшего в «тафье». Как и в Успенском соборе, эта деталь опричного костюма дает повод к обличению. «Державный царь, — сказал Филипп, — так ли подобает благочести-

вому агарянский закон держать?» т. е. стоять на молитве в шапках, как мусульмане. Царь сказал: «Как так?» Митрополит отвечал: «Вот он, один из ополчения твоего, с тобою пришедший, словно от лика сатанинского». Царь оглянулся, но виновный уже снял шапку. Несмотря на вопросы царя, никто не выдал опричника. Иван пришел в гнев, поносил святителя, ругал его лжецом, мятежником, злодеем.

Эти столкновения были не единственными. По словам жития, ни одна встреча царя с митрополитом не обходилась без пререканий: «где убо ни сошедшимся, слова мирна не глаголющим». Тогда-то Грозный решил избавиться от непокорного митрополита. Он не смел расправиться с ним так, как расправлялся с боярами. Ему еще не случалось до сих пор убивать епископов. Он искал легального оправдания задуманного насилия. При отце его и при нем самом неугодные царю иерархи сами слагали с себя власть и сан, удаляясь в монастырь. Мужественный Филипп не считал возможным бросить свою паству и возложенное на него служение. Не обязался ли он даже перед царем земным (в 1566 г.) «митропольи не оставливати»? Да, может быть, и раздражение царя теперь было настолько велико, что не могло удовлетвориться добровольным уходом святителя. Царь задумал созвать собор для суда над митрополитом, т. е. облечь насилие в канонические формы. Ему без труда удалось найти среди высшей иерархии людей, которые пошли ему навстречу. Деморализующее действие террора сказалось в этой готовности иерархов покрыть именем церкви готовящееся беззаконие. Настроение церковных оппортунистов, с самого начала недовольных смелыми обличениями Филиппа, ярко характеризует его житие, влагая в уста «угодников» царевых такие речи: «Добро было во всем царя слушати и всяко дело *благословляти без рассуждения*, и волю его творити и не гневати, где было гнев царев утоляти и пременяти на милосердие». Из жития св. Филиппа мы узнаем, что среди духовенства была целая партия, враждебная ему: «Злобы пособницы Пимен Новгородский, Пафнутий Суздальский, Филофей Рязанский, сиггел Благовещенский Евстафий». О последнем нам сообщают и причины его вражды к святому. Он подвергся от него запрещению «в духовных винах, духовник бе царев». Можно догадываться, что вина Благовещенского протопопа состояла в преступной снис-

ходительности к грехам его духовного сына. Он и сделался главным подстрекателем и нашептывателем против Филиппа перед царем: «испрестанно яве и тайно нося речи неподобныя царю на св. Филиппа». О причинах вражды епископов к Филиппу мы ничего не знаем. Только об одном Пимене житие говорит, что честолюбивый архиепископ, первый по митрополите иерарх русской церкви, мечтал «восхитить его престол». О большинстве, запуганном и раболепном, можно сказать словами жития «Прочии же ни по Филиппе поборающи, ни по царю, но яко царь восхощет, тако и они».

Какие обвинения были выдвинуты против святого? Таубе и Крузе, хорошо осведомленные о деле Филиппа, говорят, что царь «вызвал ложных свидетелей против папы» (так они называют митрополита), «что он будто бы ведет неподобаюшую, порочную жизнь». С этим намеком согласуется сцена в Успенском соборе, описываемая житием непосредственно в связи с первой обличительной речью Филиппа. Царь и *епископы* еще были в церкви, когда «анагност» (чтец) соборной церкви, наученный врагами его, начал «износити на блаженного скверная словеса». Епископы же, царю угождающие, Пимен Новгородский и прочие, говорили: «Как ты царя наставляешь, а сам неистовая творишь?» Святой же сказал Пимену: «Хотя ты и творишь человекоугодие и тщишься престол чужой восхитить, но вскоре и со своего низвержен будешь». Чтецу же сказал: «Буди тебе милостив Христос, о любезне».

В поисках лжесвидетелей обратились и в Соловецкий монастырь. На остров была послана следственная комиссия из трех лиц: Суздальского епископа Пафнутия, архимандрита Андрониковского Феодосия и князя Василия Темкина. Комиссия действовала застращиванием и соблазнами. Мы можем поверить житию, которое, защищая доброе имя монастыря, свидетельствует, что большинство не давало себя ни соблазнить, ни запугать. Но нашлась группа предателей, во главе с самим игуменом Паисием, который недавно еще посылал в Москву митрополиту подарки. Говорят, что Паисию обещали епископский сан. О чем могли показывать соловецкие «свидетели», мы не знаем, но на соборе они сыграли главную роль.

По некоторым намекам Курбского, по словам, которые он влагает в уста Ивану, можно думать, что и здесь не обошлось

без обвинений в чародействе, обычных в политических процессах того времени. Что касается чисто политических обвинений, соучастия в боярских заговорах, напр., то о них мы ничего не слышим: вероятно, ограничились винами церковного характера.

Собор собрался для комедии суда в Москве в начале ноября. По словам Курбского, он происходил в «великой церкви», т. е. в Успенском соборе. Праведного святителя Казанского уже не было в живых. Вместе с Германом ушел из жизни и Елевферий Суздальский, не подписавший когда-то записи Филиппа об опричнине. Ни с чьей стороны нельзя было ждать слова правды. Святому исповеднику выпало испить свою чашу горечи: быть осужденным не произволом тирана, а собором русской церкви и оклеветанным своими духовными детьми. Паисий с соловчанами представили «свитки» своих показаний, которые были прочтены перед собором. Св. Филипп кротко сказал клеветнику: «Благодать Божия да будет на устах твоих, чадо, ибо льстивыя уста против меня отверзлись. Не слышал ли Божие слово: аще кто речет брату своему „юроде“, повинен есть геенне огненной? Вспомни и другое изречение Святого Писания: что сеет человек, то пожнет; это слово не мое, а Господне». Последние слова его царю были: «Престань, о государь, от столь нечестивых деяний; вспомяни прежде бывших царей: как творившие добро ублажаемы по смерти, а зло содержавшие царство свое, ныне не с благоговением поминаются. Потщися и ты подражать благим нравам, ибо светлостию сана не умоляется смерть, во все вонзающая несокрушимые свои зубы. Итак, прежде ея немилостивого пришествия, принеси плоды добродетели и собери себе сокровища на небесах, ибо все собранное в мире сем остается на земле, и каждый воздает слово о житии своем». Так передает его речь житие.

По словам Таубе и Крузе, закончив свое слово, Филипп хотел сложить с себя одежды святительские и удалиться. Но царь заставил его снова надеть их и не слагать сана до приговора суда. Завтра, в Михайлов день, он должен, как законный еще митрополит, служить литургию в соборе. Филипп подчинился. Повидимому, приговор против митрополита был вынесен заочно. Те же авторы пишут, что царь настаивал на смертной казни (сожжении) митрополита, но что духовенство вымолило его

жизнь. Казнь через сожжение опять указывает на обвинение в чародействе. Святитель был осужден на извержение из сана и заточение в монастыре. Ни приговор собора, ни мотивы его не сохранились. Царь — может быть, против воли уступивший жизнь Филиппу — сумел создать для исполнения приговора жестокую и драматическую обстановку.

8 ноября, в праздник Архистратига, св. Филипп стоял перед алтарем, готовясь совершить свою последнюю литургию. В это время в храм вошел Алексей Басманов с толпой опричников. В руках у него был свиток. Он громко прочел соборное определение, лишающее Филиппа епископского сана. Опричники бросились на святителя и принялись срывать с него ризы. Житие приводит его прощальные пророческие слова потрясенному народу: «О чада, скорбно сие разлучение, но я радуюсь, что сие приобрел ради церкви; настало время ее вдовства, ибо пастыри, как наемники, презираемы будут. Не удержат они здесь своей кафедры и не будут погребены в своей соборной церкви Матери Божией». Между тем опричники одели святителя в грубое монашеское платье, «многошвенное и раздранное», и, посадив на дровни, повезли из Кремля с бесчестием, ругаясь и ударяя метлами. Народ в слезах провожал своего пастыря. Святой благословлял на обе стороны. Его привезли в Богоявленский монастырь, «за ветошным торгом», предназначенный быть его первой темницей. Утешая верную паству, он преподал ей последнее назидание: «Все сие восприял я ради вашего блага, чтобы умиротворилось смятение ваше. Если бы не любовь к вам, ни одного бы дня не хотел я здесь оставаться, но удержало меня слово Божие: пастырь добрый полагает душу свою за овцы своя. Не смущайтесь: вся сия смута от лукавого, но Господь, сие попустивший, нам помощник. Христос с нами, кого убоимся? — Готов я пострадать за вас, и любовь ваша соплетет мне венец в будущем веке; с болезнями сопряжена победа, но молю вас, не теряйте упования: с любовию наказует нас Господь для нашего искупления. Не от чужих раны, но от своих; с радостию переносите от них скорби, ибо Господь велел добро творити ненавидящим нас и за них молиться. Бог же мира да устроит все на пользу по Своей благости».

Из Богоявленского монастыря святителя вызывали еще раз на собор для торжественного объявления приговора. Через два

дня после низвержения Филиппа, 11 ноября, на митрополичий престол был возведен архимандрит Троице-Сергиева монастыря Кирилл. Честолюбивые надежды Пимена, если он действительно питал их, были обмануты. Спустя еще несколько дней св. Филиппа перевели в Никольский монастырь, где он сидел, как узник, в оковах. Кн. Курбский, рисуя мрачную обстановку его заточения, рассказывает о попытках Грозного погубить святого в первые же дни после суда: «Повелевает его по рукам и ногам и по чреслам тягчашими веригами сковати и вврещи в узкую и мрачную темницу, и оную твердыми заклепы и замки заключить, и к темнице сторожей приставил. Потом аки день или два спустя, советников своих посылает в темницу видети, аще уже умер, и глаголают нецыи, аки бы обрели митрополита от тех тяжких оков избавлена, на псалмопениях воздевше руки стояща, а оковы все кроме (возле) него лежаща. Посланные же плачуще и припадающе к коленам его... и кровоядцу оному (царю) поведаша. Он же рече: „чары, чары сотворил мой изменник"... и медведя лютого, заморивши гладом, повелел к митрополиту в темницу пустити и затворити (сие воистину слышах от самовидца) и наутрие сам прииде и повелел отомкнути темницу – и обретоша его цела, на молитве стояща: зверя же, в кротость овчу преложившись, во едином угле лежаща». Житие Филиппа ничего не сообщает об этих покушениях и чудесах. Таубе-Крузе пишут, что царь велел давать на содержание узника по 4 алтына в день.

В противоречие с Курбским, житие приурочивает к этим дням московского заточения трагический эпизод с присылкой святому отрубленной головы одного из Колычовых. Царь велел сказать страдальцу: «Се твой любимый сродник, не помогли ему твои чары». Филипп взял голову, поклонился ей до земли и, поцеловав, сказал: «Блажени яже избрал и приял еси Господи, память их в род и род». Житие ошибается только, называя ее головой брата Филиппова, Михаила Ивановича. Окольничий М. И. Колычов был казнен только в 1571 г.

Гонимый царем, преданный пастырями, святой страдалец мог находить утешение в любви народной. От ворот Никольского монастыря, места его заточения, не отходила толпа: старались взглянуть на келью узника, передавали друг другу его последние слова. Царь решил убрать своего все еще опасного

врага подальше от Москвы. Местом ссылки был избран Отрочь монастырь в Твери. Переезд в Тверь постарались сделать для старца как можно более тягостным. По словам жития, «святой на пути многу пакость и унижение прият, на мсках (мулах) везения и нужного лишения». Много пришлось потерпеть страдальцу и от приставленного стеречь его «пристава неблагодарна», имя которого история сохранила нам: его звали Степан Кобылин.

Здесь, в Твери, для святого потянулись дни тесного келейного заключения, согреваемые молитвой. Монах, настоятель обители, пастырь и печальник всей русской земли – во всяком сане и поприще он явил себя верным рабом Христовым, и скоро должен был раздаться призывающий голос: «Вниди в радость Господа твоего». Еще год безмолвия был дарован ему для последнего очищения. Все земное и страстное сгорало в непрестанной молитве. Тайну его молитвенного предстояния Богу пытается осветить его житие словами Св. Писания: «Кто ны разлучит от любве Божия, скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч? Яко Тебе ради умерщвляеми есмы весь день, вменихомся яко же овцы заколения. Буди имя Господне благословенно от ныне и до века».

Между тем над Русью продолжала бушевать гроза. Освобожденный от всякой моральной сдержки со стороны церкви, Иван решился на преступление, политически, может быть, давно для него соблазнительное: убийство двоюродного брата князя Владимира Андреевича Старицкого, с родом которого не раз в XVI столетии сплеталась судьба Колычовых. Князь погиб (был отравлен) с женой и со всем семейством, всего через два месяца после низложения Филиппа (6 января 1569). Новый митрополит безмолвствовал. В довершение бедствий опричнины и войны снова усилилась моровая язва. Народ разбегался из насиженных мест, разоренных опричниной. Села и города пустели. В это время гражданская война царя с народом приняла новые формы. Разгрому и резне предавались целые города. Мы слышим это о Торжке и Коломне. В декабре 1569 г. погрому подверглись все города между Москвой и Новгородом. Это было настоящее военное завоевание в жестокой военной обстановке XVI века, завоевание собственной земли, не помышлявшей ни о восстании, ни о сопротивлении. Повод был дан

доносом на новгородских властей, которые будто бы собирались передаться польскому королю. Но чем провинились Клин, Тверь, Вышний Волочек и другие города на пути царской рати? Выше мы дали описание некоторых сцен этого похода с точки зрения участвовавшего в нем опричника. Грабительские цели выступают здесь на первый план. Для царя, быть может, дороже была месть неведомым врагам.

Убийства начались уже в Клину. Таубе и Крузе пишут, что в этом городе Иван встретил большую партию — 470 семейств — псковичей, которых гнали по его приказанию в Москву для заселения опустошенных мором местностей. Все они были перебиты заодно с клинчанами. Громящая орда приблизилась к Твери. Иван не вошел в город, а остановился в одном из ближайших монастырей. Войско грабило город по приказу царя, начав с духовенства. Жгли то, чего не могли взять, мучили и убивали людей. Иностранцы особенно отмечают трагическую судьбу литовских пленников, которые были заперты в башнях крепости. Все они были перебиты или утоплены в проруби. В этом кровавом чаду царь вспомнил о тверском узнике и послал к нему в келью Малюту Скуратова: опричник должен был просить у святого благословения на новгородский поход! Естественно предположить, что Малюта имел другой тайный приказ или хорошо угадал царскую мысль. Иначе он, вероятно, не осмелился бы совершить того, что совершил, или не мог остаться безнаказанным.

Рассказывают, что мученик уже три дня предчувствовал свою кончину и предсказал о ней окружающим: «Приблизилось время моего подвига». В самый день смерти он причастился Св. Таин.

23 декабря в его келью вошел царский посланец. Никто не был свидетелем того, что произошло между ними. Житие святого так описывает его кончину. Малюта обратился к нему со словами: «Владыко святый, подай благословение царю идти в великий Новгород». Филипп, прозревая его тайную мысль, ответил: «Делай, как хочешь, друг, за чем пришел», — и простер руки к Богу со словами последней молитвы: «Владыко Господи, Вседержитель, приими с миром дух мой и пошли ангела мирна, от пресвятой славы Твоей, наставляющего меня к Богу, да не будет мне возбранен восход от начальника тьмы; не посрами

меня перед ангелами Твоими и сопричти к лику избранных Твоих, яко благословен еси во веки». Тут бросился к нему «каменносердный» мучитель и задушил подушкой («подглавием»). Выйдя из кельи, он сказал настоятелю и приставникам, что их небрежением умер митрополит – от чрезвычайного угара в келье. На глазах Малюты вырыли могилу за алтарем церкви, где и похоронили мученика.

Житие св. Филиппа заканчивается Божиим отмщением его гонителям. Ранее других кара постигла архиепископа Пимена. О новгородской резне и погроме мы уже имели случай говорить. Пимену царь пощадил жизнь. Надругавшись над ним в его палатах, он сослал его в Веневский монастырь. Эта ссылка, всего лишь несколькими днями отделенная от мученической смерти святого, не стояла в видимой связи с нею. Но житие свидетельствует о позднем раскаянии царя. Иван убедился, «яко лукавством належаша на святого», и подверг клеветников опале. Соловецкий игумен Паисий был заточен на Валаамский остров, десять других соловецких монахов разосланы в разные монастыри, епископ Рязанский Филофей – извержен из сана. Жестокий пристав Филиппов Степан Кобылин пострижен в монахи и сослан в Спасо-Каменный монастырь (на Кубенском озере).

Из опричников старик Басманов, совлекший ризы с Филиппа в Успенском соборе, погиб еще раньше митрополита. Обвиненный в заговоре в пользу князя Владимира Андреевича, он, если верить Курбскому, был, по приказу царя, убит собственным сыном (1569 г.). Другие видные опричники сложили свои головы на плахе в 70-е годы, когда, после татарского сожжения Москвы, произошел перелом во внутренней политике Грозного (с 1572 года). Непосредственному убийце святого суждено было спастись от плахи. Он погиб в Ливонии при осаде одной из крепостей в 1572 г.

Быть может, самая жестокая кара выпала на долю царя. Он видел крушение всех великих дел столь славно начавшегося царствования. Разбитый Стефаном Баторием, он должен был отказаться от Ливонии – самой дорогой своей политической мечты. Россия, разоренная и измученная опричниной, была бессильна продолжать войну. Внутри страны Грозный видел всеобщее обезлюдение и оскудение. Наконец, убийством кн. Владимира Андреевича и старшего сына Ивана он сам подготовил гибель

династии. Терзаемый то бесплодным раскаянием, то припадками звериной жестокости и сладострастия, преждевременно одряхлевший, казалось, он вкусил ад при жизни.

Но был еще один виновный, и наказание его было тяжко. Весь русский народ был не только жертвой царя Ивана, но и соучастником его преступлений. Один из древних историков смуты видел общую народную вину в «безумном молчании» перед царем. Но молчанием не ограничивалось потворство злу. Всеобщая деморализация была последствием опричного режима. На ложных доносах люди строили свое благополучие, обогащаясь имуществом казненных и опальных. Выгоды опричной службы были соблазнительны не только для проходимцев, но и для представителей старого дворянства, даже княжат (Вяземский). И монастыри старались приписываться к опричнине ради материальных благ. Мы видели интриганов-епископов и монахов в деле св. Филиппа. То были преступления отдельных лиц. Но уже вся русская церковь и вся русская земля несла ответственность за собор епископов, осудивший святителя. Вся земля и понесла кару — в годину смуты.

В исторических событиях чрезвычайно редко причинная связь получает нравственное значение. Было бы близоруко смотреть на историю как на судебный и притом непогрешимый процесс. Но иногда моральная оценка событий совпадает — или приближается — к прагматической. Тогда погружение в историю дает нравственное очищение, подобное действию трагедии.

Связь между опричниной и смутой несомненна. Смута была народной революцией, ответившей на революцию Грозного. И хозяйственная, и моральная расшатанность народа при смерти Грозного были таковы, что проницательные иностранцы (Флетчер) прямо предсказывали грядущие потрясения. Такова внешняя прагматика событий.

Для религиозного сознания ясно было и другое. В теократической монархии, какой была или стремилась быть древняя Русь, грех царя падал на весь народ и требовал всенародного искупления.

Но теократический характер московского царства ставит перед нами один важный вопрос. Православный царь, убивающий святителя, стоит ли с ним на одной общей почве? Другими

словами: было ли убиение митрополита личным грехом Грозного или вытекало из его идеи власти, несовместимой с идеей Филиппа? Мы должны выяснить, какой принципиальный, религиозно-общественный конфликт стоял за столкновением исторических лиц. Если бы св. Филипп пал жертвою безумца, ослепленного страстью, подвиг мученика, конечно, не утратил бы своего высокого нравственного значения. Но он становится вдвойне драгоценным для нас, если в нем мы расслышим предостерегающий голос Церкви, направленный против извращения теократической идеи православного царства.

4. Православное царство

Конфликт между церковью и государством в лице царя и митрополита, мы видели, назревал в Москве задолго до Грозного. Вместе с ростом самодержавия великих князей умалялась святительская власть митрополитов всея Руси. Царь Иван Васильевич сумел лишь сообщить трагическую остроту не им впервые созданному противоречию. Царь пролил кровь святителя и этим поколебал самые основы теократического царства.

Царь Иван был не только «мужем кровей», но и ученым книжником, блестящим писателем, умевшим постоять за себя и пером. Потребность в самооправдании была в нем, может быть, сильнее и порывов к раскаянию. Рано, с детских лет, он начал задумываться над божественным характером своей власти. Первый из князей московских, еще в отроческие годы, возложил он на себя царский венец и принял сознательно наследство порфирородных. Когда впоследствии письмо Курбского уязвило его, он взялся за перо и в страстной полемической отповеди дал целую теорию своей богоустановленной власти. Конечно, Грозный не первый в Москве рассуждал о природе самодержавия. Но никто в такой полноте и в такой заостренности не выразил его идеи. Политическая философия Грозного не свободна от противоречий. Голос страсти слишком часто заглушает голос разума. Но ударные, смелые парадоксы его драгоценны: они вскрывают тенденции целой эпохи.

Не будем останавливаться на том, что роднит Грозного со всеми людьми его времени: на идее божественного происхождения царской власти. «Народился есми Божиим изволением

на царство». Это божественное происхождение совпадает с историческим преемственным правом. В разрез с историей, Грозный видит начало «самодержавства» на Руси при Владимире Святом, а отдаленные корни его не только в империи Константина, но и Августа. Свою власть Грозный отказывается отличать от власти Божией. Известный апостольский текст о подчинении властям у него получает такую интерпретацию: «противляйся власти Богу противится; и аще кто Богу противится, сии отступник именуется, еже убо горчайшее согрешение». Вот почему Курбский, изменив ему, «не на человеки возъярился, но на Бога восстал».

Власть эта, по самой природе своей, не терпит ограничений. «Камо и самодержец наречется, аще не сам строит?» В иных царствах, «у безбожных человеков», иное дело: там подданные, рабы повелевают государем; «а российское самодержавство изначала сами владеют всеми царствами, а не бояре и вельможи». В полемике с Курбским Грозный естественно заострил анти-боярское, анти-аристократическое острие самодержавия. По его исторической теории, гибель греческого царства произошла от засилия вельмож – «епархов и синклитов». Для нас интереснее другое: самодержавная идея Грозного вторым острием направлена против священства: точнее, против вмешательства священства в дела царства. Этот своеобразный антиклерикализм царя питается горькими воспоминаниями юности. Он не может забыть, как Сильвестр с боярской радой пытался умалить его власть: «с попом положисте совет, дабы аз словом был государь, а вы бы с попом владели». Об этих временах он говорит с раздражением. Или в том «светлость благочестивая», чтобы «обладатися царству от попа невежи»? Смехотворно – «смеху быти» – «попу повиноватися». И опять у Грозного готова историческая теория: всякое царство разоряется, «еже от попов владомое». Это они, эти попы, «во грецех царствие погубили и туркам повинуются». Теперь уже гибель Византии ставится в вину не епархам, а попам, ограничившим власть императора. Так классическая православная теократия Востока, образец теократии русской, не находит оправдания в глазах царя. Он и в Библии, закрывая глаза на основную идею ветхозаветной теократии, ищет подтверждения своей антиклерикальной идеи. Когда Бог выводил Израиля из Египта, Он

4 – 1384

не священника поставил владеть людьми «или многих рядников», «но единого Моисея, яко царя». Священство при Моисее было представлено Аароном. Моисею было запрещено священствовать, Аарону же «творити людское строение». Когда же Аарон пытался взять в свои руки это мирское строение, «тогда и от Бога люди отведе». То же было и во дни Илия, первосвященника, который «взя на ся священство и царство». Он сам и сыновья его погибли злою смертью, и весь Израиль побежден был до дней Давида царя. «Видишь ли, яко священство... не прилично царским владети?»

Читая у Грозного о разделении священства и людского строения между Моисеем и Аароном, можно подумать, что он был сторонником дуалистического разделения властей: священству духовное, царству мирское. Тем самым подрывались бы самые основы теократии. Но эта мысль как нельзя более чужда Грозному. Он сознает себя от Бога поставленным стражем веры и благочестия. «Тщуся со усердием люди на истину и на свет наставити, да познают единого истинного Бога, в Троице славимого, и от Бога данного им государя». Как власть царя догматизируется, поднимаясь до высоты таинственной жизни Божества, так сам царь является здесь апостолом догматов. В этом учительном самосознании Грозный защищал православие в прениях о вере с инославными, с Поссевином и Рокитой, слал гневные послания об упадке строгой жизни в Кириллов монастырь и писал арх. Гурию Казанскому о «данной тебе от Бога и от нас пастве». Пародия монашеской жизни в опричнине могла находиться в связи и с этим церковным сознанием царя. Он притязал на всю полноту власти в государстве и церкви, кроме чисто сакраментальной, отказывая в то же время церкви в праве участия в делах государственных. В этом первая особенность его идеи православного царства.

Отрицая за церковью власть в царстве, признает ли он за нею право морального и религиозного суда над царем? Царь, как сын церкви, должен ли слушать ее голос? Грозный молчит об этом, но все заставляет думать, что он не хотел иметь посредников между собой и Богом. «Божий суд восхищаешь, и прежь Божия суда своим злолукавым самохотным изложением... осуждаешь», пишет он Курбскому, но за ним метит и в Сильвестра: «яко же с своими начальники попом и Алексеем

(Адашевым) изложили есте»... Грозный умышленно обходит вопрос об учительной власти церкви над собой, ограничиваясь гордым заявлением: «Кто убо постави судию и властителя над нами?» С этим вопросом или утверждением прекрасно согласуется его требование, обращенное св. Филиппу в Успенском соборе: «Молчи, а нас благослови по нашему изволению»... «Доселе русские владетели неистязуемы были ни от кого же». Единственное ограничение всевластия царя — в православии, понимаемом в узком смысле правоверия. Только отпадение царя от веры освобождает подданных от повиновения: «Вся божественная писания исповедуют, яко не повелевают чадом отцем противитися и рабом господем, *кроме веры*».

Грозный не закрывает глаза на возможность падений и грехов для царя. Но они его не пугают. Он дерзновенно указывает Курбскому на примере святых: «много бо в них обрящешь падших и восстающих». Это сравнение настолько пришлось ему по вкусу, что он развивает его и в других подробностях: «И яко они тогда от бесов пострадаша, таковая и аз от вас пострадах». Словом, Грозный, равняясь со святыми в своем теократическом сознании, не признает над собой никакого суда на земле. В этом вторая личная черта его теократических воззрений.

Третья — в самом содержании, в самых приемах и задачах царского служения. Грозному не чуждо нравственное понимание своего служения: «Людей на истину наставить... от междоусобных браней и строптивого жития да престанут, которыми царство растлевается». — «Царем подобает обозрительным (рассудительным) быти: овогда кротчайшим, овогда же ярым; ко благим убо милость и кротость, к злым же ярость и мучение». Но характерно, что слово «правда» не приходит ему на ум в определении царского служения. Он имеет в виду не столько нравственную, сколько воспитательно-полицейскую цель: покровительства добрым и обуздания злых. И отрицательная задача — воспитание страхом — всецело заслоняет положительную. Грозный — пессимист в оценке человеческой природы. Признание естественной свободы («самовольства») человека, в чем он уличает Курбского, для него равносильно возвращению к обрезанию. Все подданные для него, без исключения, рабы. Слово «раб» не сходит у него с языка, говорит ли он о боярах, о «раде» или о попе Сильвестре. Патриархальное отношение ца-

ря к народу, как к детям, «сиротам государевым», уступает место суровому праву рабовладельца над холопами.

Грозный искусно и остроумно доказывает необходимость карающей, принудительной власти государства, ее отличие от власти духовной, необходимость для правителя считаться с суровыми требованиями жизни – с тем, что он называет: «по настоящему времени жити». Но эта практическая государственная мудрость чрезвычайно односторонняя. «Царское правление (требует) страха и запрещения, и обуздания, и конечного запрещения, по безумию злобных человек лукавых». Такие уроки он вычитывает и в Св. Писании, и в истории. «Апостол повелевает страхом спасати. Тако же и во благочестивых царей временах много обрящется злейшее мучение». И образцы этого «злейшего мучения» он выискивает с бесовской зоркостью в преступлениях святых государей. «Воспомни же и в царях великого Константина: како, царства ради, сына своего, рожденного от себя, убил есть? Князь Феодор Ростиславич, прародитель наш, в Смоленске на пасху колико крови пролиял есть? И во святых причитаются». Даже царь Давид импонирует ему тем, что «на немощной чади силу свою и гнев показа».

До известных пределов эта грозность царской власти оправдывается если не служением добру, то одолением зла. Но часто преступается и эта тонкая черта (как в примере Константина), и сила становится на место правды, власть приобретает самодовлеющий, языческий характер. «Добрые» превращаются в царских «доброхотов». «Доброхотных своих жалуем великим всяким жалованием, а иже обрящутся в супротивных, то по своей вине и казнь приемлют». Безнаказанно не проходит и слово «раб», беспрестанно срывающееся с языка. Оно звучит уже не библейски-патриархально, а вотчинно-самовластно, заменяясь привычным бытовым образом «холопа». Тут же нравственное отношение оканчивается, уступая место жестокому юридическому факту. «А жаловати есмя своих холопов вольны, а и казнити вольны же есмя». Нельзя и спрашивать о мотивах господского каприза. Христианская теократическая идея срывается и тонет (как и государственная реформа Грозного) в мелком самодурном обиходе удельного, «опричного» двора.

И, наконец, последнее, с этим связанное: нечувствительная секуляризация в самом обосновании идеи. Идеалом власти

Грозного является язычник – Август, при котором Империя еще не знала разделения. Он заслоняет в его глазах и православных византийских царей, от него, чрез легендарного Пруса, выводит он и свой род Рюриковичей. На современном ему «безбожном» Западе и магометанском Востоке Грозный ищет уроков тирании и без труда находит их в век Ренессанса и зачинающегося абсолютизма: «А в иных землях сам узришь, елико содевается злым злая: там не по здешнему!.. В иных землях изрядец (изменников) не любят: казнят их, да тем утверждаются».

Напрасно исследователь политических идей Грозного (М. А. Дьяконов) находил, что его мнения «слагались по готовым образцам, и ему не пришлось прибавить ничего нового к готовым теориям». Верно то, что эти идеи коренятся в традиционной русско-византийской православной почве. Но Грозный доводит их до абсурда, чеканя их в неправославную и нехристианскую форму. Этому извращению русской теократической идеи противостоял идеал власти св. Филиппа, который воплощал лучшие традиции русской церкви.

Мы сожалеем, что св. Филипп не оставил нам, подобно своему гонителю, начертания того идеала Христовой правды в православном государстве, которому он отдал свою жизнь. Слова жития, влагаемые в его уста несколько десятков лет после его мученической кончины, не могут притязать на подлинность. Однако они показывают, как церковный мир в следующем поколении представлял себе этот идеал царства, под непосредственным впечатлением подвига святителя.

Приведем здесь опущенное нами слово Филиппа, которое он говорит в соборе, только что получив из рук царя митрополичий посох св. Петра: «О благочестивый царь, Богом сотворенное вместилище благой веры, поскольку большей сподобился ты благодати, постольку и должен Ему воздать. Бог просит от нас благотворений, не одной лишь благой беседы, но и приношения благих дел. Поставленный над людьми, высоты ради земного твоего царствия, будь *кроток* к требующим твоей помощи, памятуя высшую над тобой державу горней власти. Отверзай уши твои к нищете страждущей, да и сам обрящешь слух Божий к твоим прошениям, ибо каковы мы бываем к нашим клевретам, таковым обрящем к себе и своего Владыку. Как всегда бодрствует кормчий, так и царский многоочитый ум дол-

жен твердо содержать *правила доброго закона*, иссушая потоки беззакония, да не погрязнет в волнах неправды корабль всемирной жизни. Принимай хотящих *советовать тебе* благое, а не домогающихся только ласкательств, ибо одни радеют воистину о пользе, другие же заботятся только о угождении власти. Паче всякой славы царствия земного, украшает царя венец благочестия; славно показывать силу свою супостатам, покорным же человеколюбие и, побеждая врагов силой оружия, невооруженною любовью быть побежденным от своих. Не возбранять согрешающим есть только грех, ибо если кто и живет законно, но прилепляется к беззаконным, тот бывает осужден от Бога, как соучастник в злых делах; почитай творящих добро и запрещай делающим зло; твердо и непоколебимо стой за православную веру, отрясая гнилыя еретическия учения, чтобы содержать то, чему научили нас апостолы, и что предали нам божественные отцы. Так подобает тебе мудрствовать и к той же истине руководить подчиненных тебе людей, не почитая ничего выше и богоугоднее сей царственной заботы».

Легко видеть, что святитель не ограничивает здесь теократической власти царя. Как и Грозный, он видит в царе вместилище веры, сосуд особой благодати, признает за ним вероучительную власть. Но по-иному ставятся здесь все ударения. Чем выше благодать, тем выше и ответственность. Царь не выше правды, но сам подчинен «правилу доброго закона» — конечно, нравственного и религиозного. Он облечен силой на врагов (Грозный любит говорить не о силе, а о «страхе» и «ярости»), но первое слово к нему о кротости и сострадании. Наставление о добрых советниках, конечно, имеет в виду частный вопрос об опричнине и разрыве с боярством, но оно связано с идеалом правды. И здесь за Филиппом, как мы увидим, стоит церковный голос прошлого.

В своих обличительных беседах с царем Филипп не раз имел случай подчеркнуть эти разделяющие их черты. «Соблюдай данный тебе от Бога закон... Ты поставлен от Бога судить в правде людей Божиих, а не образ мучителя восприять на себя... Не разделяй свою державу... и устрой воедино народ свой, ибо там лишь пребывает Бог, где единодушие и нелицемерная любовь... Прощай, да и тебе прощено будет... Всякий не творяй правды, и не любяй брата своего, несть от Бога». Правда, о ко-

торой учит святитель, не только право и справедливость, но и любовь. Заповедь прощения, очевидно, может относиться только к виновным – по терминологии Грозного, к злым. Даже злым, вместо ярости, царь должен показать лик любви. Между царем и святителем мы видим противоречие в понимании самых задач государственной власти.

Не менее решительно отрицает святитель и мнимую неподсудность царя наказующему голосу церкви. В этом весь смысл его исповедничества. Об этом он говорит с потрясающей силой. «Наше молчание налагает грех на твою душу и всенародную наносит смерть». На требование царя быть единомышленным с ним, отказавшись от обличения, святой восклицает: «Тогда, о государь, тщетна будет для нас вера наша, – и самое вочеловечение Господа... Я имею попечение о твоем спасении... Если умолчу о истине, да не почтуся в чине епископа».

В словах св. Филиппа, переданных нам его житием, нет особого учения и праве священства на светскую власть. Но если говорить не о власти, а о влиянии или о власти слова, меча духовного, то самый подвиг Филиппа свидетельствует о нераздельности для него царства правды: в государстве, как и в церкви, осуществляется та же правда Христова, и на страже ее поставлен он, епископ, который не смеет «молчать об истине».

Так во всех трех основных пунктах оригинальные идеи Грозного осуждены св. Филиппом, как грех, как неправда, как теократическая ересь. Нам остается показать, что точка зрения Филиппа была не столь «оригинальна», как мысль царя: что она представляла добрую традицию русской церкви.

Здесь мы встречаемся со следующей трудностью. Исследователи церковно-политических идей в древней Руси различают несколько оттенков в понимании православной теократии у русских духовных писателей и святых. При желании, эти оттенки можно свести к нескольким точкам зрения: преобладания церкви, преобладания государства, гармонии властей. Особенно богата развитием политических идей эпоха Ивана III и Василия III, пора ликвидации удельного строя и укрепления самодержавия. В какой же школе, у каких авторов искать канонического ответа?

Эта трудность отчасти рассеивается, когда мы подходим к эпохе Грозного. Она создала ряд светских публицистов, далеко

удаляющихся от традиции. Но не у них, не у Курбского, не у Ивана Пересветова будем мы искать голоса русской церкви. Голос этот звучит не особенно громко, но явственно в устах митрополита Макария, наложившего отпечаток своей личности на целую эпоху, в соборных постановлениях (в «Стоглаве»), в литургическом чине. И здесь этот голос звучит однозначно. Получается впечатление, что борьба взглядов, волновавшая предшествующее поколение, улеглась. Победа досталась Иосифу Волоцкому и его ученикам, поборникам московского самодержавия. Сам Макарий может считаться учеником Иосифа. Но острые формулировки начала века смягчились. Теперь уже можно говорить о церковном каноне, облекшемся даже в литургическую форму. Исходя из него, мы можем возвращаться и к более радикальным основоположникам доктрины: к св. Иосифу и митрополиту Даниилу. В стороне останутся памятники одиночных воззрений: бояро-фильская «Беседа Валаамских чудотворцев» или католическое «Слово кратко», иначе именуемое «О свободе церкви».

Митрополит Макарий с большой вероятностью считается составителем чина царского венчания 1547 г. и вдохновителем Стоглавого собора. В этих памятниках, как и в посланиях самого митрополита, живет одна идея – «симфонии», т. е. согласия властей, царской и священнической, хотя она обычно усвояется во многом отличному от русских книжников Максиму Греку. Нигде ни в чем не ограничивается власть царя в делах церкви, для которой он является «опасным хранителем», «исправителем и утвердителем» веры христианской. Обратной стороной церковной власти царя является участие церкви в делах государства. Тот же Грозный, который отрицал это право церкви в письмах к Курбскому, сам предлагает на рассмотрение и утверждение собора уставные грамоты земского самоуправления, «чтобы *всякое дело* и всякие обычаи строилися по Бозе в нашем царствии... И мы вашего святительского совета и дела требуем и советовати с вами желаем о Бозе». У русских пастырей нет вкуса к делам мирским. Они не считают участие в государственном деле своим правом, но иногда – своим долгом, как это выражено в одном политическом письме митрополита Макария в Литву. Начав с того, что «мы люди церковные, и нам до того дела нет» (т. е. до посольских дел государевых), владыка

продолжает: «А мы, как пастыри христианские, боговенчанному самодержцу напоминаем, чтоб он с пограничными своими соседями имел мир и тишину».

Это участие церкви в делах мирских естественно потому, что и мир подвластен Христовой правде. В поучении царя в обряде венчания митрополит внушает ему «управити люди в правду», любить «правду и милость и суд правый», и «бояться серпа небесного». С этой идеей правды связана неразрывно идея милости и даже совета: «бояр же своих и вельмож жалуй и береги по их отечеству, и ко всем же князьям и княжатам, и детям боярским и к всему христолюбивому воинству буди приступен и милостив и приветен по царьскому своему сану и чину». В полном согласии с этим идеал царя у Максима Грека: «Царь есть образ живой и видимый Царя небесного, но Царь небесный весь естеством благ, весь правда, весь милость, щедр ко всем». Тому же Максиму принадлежит и удачная формула «правды и благозакония», по которым царь должен устроять свое царство. В отличие от Грозного, придавая самодержавию внутренний смысл, он готов считать «истинна и самодержца» только того царя, «который во еже правдою и благозаконием устрояти житейская подручников (подданных) прилежит». Конечно, правда царева требует кар для виновных, и Стоглав упоминает о «царской грозе», но эта гроза в концепции идеального царства решительно стоит на втором плане.

Указывать царю на правый путь его служения, обличать его, как и всех мирян, долг пастырей, прежде всего епископов, которые дают обет соблюдать его, не боясь смерти. Митрополит Макарий сознавал это столь же ясно, как и св. Филипп: «Егда рукополагахся... тогда... пред всем народом кляхся судбы и законы и оправдание наше хранити, елика наша сила, и пред цари за правду не стыдитись; аще и нужа будет ми от самого царя, или от вельмож его, что повелят ми говорити, кроме божественных правил, не послушати ми их, но аще и смертью претят, то никакож ни послушати их». Так пишет Макарий в своем ответе на предложение Грозного об ограничении церковного землевладения, выступая против казавшегося ему неправедным царского желания. И царь в своей речи пред собором напоминает владыкам эту их архиерейскую клятву, умоляя и сам их противодействовать всякому нарушению «божественных правил»: «Вы о сем не умолкните, аще преслушник буду, воспрети-

те ми без всякого страха, да будет жива душа моя и вси под властию нашею». Внушая царю о его долге, пастыри не только облегчали свою совесть; они рассчитывали, что слова их не окажутся тщетными. В чине венчания митрополит требует от царя, чтобы он оказывал «к нашему смирению, ко всем своим богомольцам о святом Дусе царское свое духовное повиновение». Вопрос о пределах этого повиновения царя не ставился, но вряд ли оно ограничивалось кругом чисто духовных дел.

Священник Сильвестр в поучении Шуйскому, говоря не столько об отношении митрополита к царю, сколько вообще священнического чина к мирскому, так излагает обязанность пастырства: «печаловати, молити и всячески увещевати земных властей о победных и повинных и о обидимых, аще не послушают, ино обличити и запретити».

Принято считать св. Иосифа Волоцкого самым последовательным поборником московского самодержавия. Действительно, Иосифу принадлежит наиболее высокая концепция священной власти царя. Можно условно говорить о подчинении Церкви государству в учении Иосифа. Известно всем его определение: «Царь убо естеством подобен есть всем человекам, властью же подобен вышнему Богу». Но этой высоте власти соответствует и тяжесть ответственности. «Крепких же и сильных крепко истязание ждет». И церковь не может оставить царя под тяжестью грехов перед лицом Бога, «занже за царское согрешение Бог всю землю казнит». Вот почему и повиновение царям имеет границы и служение им отлично от служения Богу: «Подобает тем поклонитеся и служити телесне, а не душевне, и воздавати им царскую честь, а не божественную». Как же поступать, если в лице царя восстает грешник и мучитель и потребует повиновения себе? Иосиф смело ставит этот вопрос в 7 слове «Просветителя» и отвечает на него: «Аще ли же есть царь, над человеки царьствуя, над собою же имать царьствующа скверны страсти и грехи, сребролюбие же и гнев, лукавство и неправду, гордость и ярость, злейши же всех неверие и хулу, *таковой царь не Божий слуга, но диавола*, и не царь, но мучитель. И ты убо таковаго царя, или князя да не послушаеши, на нечестие и лукавство приводяща тя, аще мучить, аще смертью претит. Сему свидетельствуют пророци и апостоли и вси мученици, иже от нечестивых царей убиени быша и повелению их не по-

коришася». Так Иосиф, создавший учение о богоподобной власти царя, создает и учение о царе-тиране и о законном тираноборстве, давая некоторый повод сопоставлять его с учением западных монархомахов XVI века.

Замечательны указываемые св. Иосифом признаки тирана и законные поводы неповиновения. Для Грозного, мы видели, этот повод только один, выраженный им в словах: «кроме веры». Для Иосифа – весь необъятный круг нравственных преступлений: «нечестие и лукавство». Верный своему учителю, и митр. Даниил, при всем своем практическом оппортунизме, также кладет моральные границы произволу царя: «Князи и владыки над телом имут власть точию, а не над душею... Тем же аще или на убийство или на некая безместная и душевредная дела повелевают нам, не подобает повиноваться им, аще и тело до смерти мучат, Бог бо душу свободну и самовластну сотвори, о ихже аще делает добро и зло».

Если так писал Даниил, то можно смело сказать, так должны были думать все иерархи русской церкви. По человеческой слабости они редко имели мужество следовать этим опасным путем – «до смерти». Св. Филипп сделал то, чему учили св. Иосиф и Макарий. Именно он выразил в жертве своей жизни идею православной теократии. Он не был ни новатором, ниспровергающим традицию самодержавия, ни отсталым поклонником удельно-боярской старины, хотя личные нравственные связи с ней, быть может, воспитали его чуткость и независимость. Он погиб не за умирающий быт, но за живую идею – Христовой правды, которой держалось все русское теократическое царство. Оно жестоко попирало на практике эту идею, но не могло отказаться от нее, не отрекаясь от себя. Столетие, в котором жил св. Филипп, непрестанно расшатывало эту идею, все более удаляясь от идеала заданной «симфонии» мира и Церкви. Смерть мученика могла бы быть искупительной жертвой, спасающей родину, если бы родина приняла ее, участвовала в ней. Этого не случилось. И кровь св. Филиппа переполнила до краев уже полную чашу грехов русской земли. Ее падение сделалось духовно и морально неотвратимо. Каковы бы ни были социальные причины катастрофы, но не может жить общество, повседневно убивающее идею своей жизни. Православное царство без правды есть труп, от которого отлетела душа. «Где труп, там соберутся орлы».

Глава IV

Прославление св. Филиппа

Если убиение митрополита Филиппа было грехом царя и всей русской земли, то прославление его должно быть связано с актом всенародного покаяния. Первыми принесли это покаяние, задолго до всероссийской смуты, монахи Соловецкого монастыря, предавшие своего отца, и сын царя, его убившего.

В 1590 г., через 21 год по кончине святого, соловецкий игумен Иаков явился к царю Федору Ивановичу с просьбой от лица всей братии: «Даруй нам, — сказал он, — пустынного нашего гражданина Филиппа, наветами ученика изгнанного из своего престола и в чуждом ему месте погребенного. От юности своей понес он труды вместе с отцами киновии, и ныне на нас висит клятва за то, что причинили ему ученики. Твое царское разрешение дарует нам опять благословение, которого мы лишились». Царь дал игумену грамоту к тверскому епископу Захарии. Когда раскопали могилу мученика во дворе Отроча монастыря, обрели его мощи нетленными. Тверитяне стекались поклониться угоднику, оставлявшему их город. Игумен Иаков с благоговением перевез речными путями доверенную ему святыню в северный монастырь.

Торжественно встретила братия своего великого святителя, и погребли его под папертью церкви св. Зосимы и Савватия, в месте, избранном для себя при жизни св. Филиппом. Вскоре начали совершаться исцеления и чудеса.

Первое чудо совершено было св. Филиппом над плотником Василием, «пришельцем страны восточной», приготовлявшим бревна для обновления храма. В лесу придавило его упавшим деревом, и три года лежал он калекой, прося об исцелении св. Филиппа. Однажды, в день Рождества, когда близкие ушли в церковь, оставив его одного, он увидел во сне, что стоит в церкви за всенощной и перед ним св. Филипп в епископском облачении с кадилом в руках, весь осиянный светом. Угодник приблизился к больному и сказал: «Возстань, Василий», и, под-

няв его за руку, прибавил: «Будь здрав именем Господним и ходи». Проснувшись, Василий увидел себя здоровым, и сам пришел в церковь благодарить святого.

Вскоре затем расслабленный инок Исаия, начальствовавший на поварне, был исцелен у гроба Филиппа. Третьим был кузнец Иван с берега, с реки Варзуги. Долго болея, он увидел однажды во сне святолепного мужа в святительской одежде, который спросил его: «Чем болезнуешь?» Когда больной показал на живот, явившийся перекрестил его и сказал: «Не знаешь ли меня? Я митрополит, что в Соловках». Выздоровевший кузнец пришел в Соловки и рассказал о случившемся с ним. Так распространилась слава о чудотворениях св. Филиппа, и жители Приморья стекались на остров для поклонения ему. В эти же годы неизвестным нам иноком соловецким было составлено и житие святого. Автор не был, по-видимому, очевидцем соловецкой жизни Филиппа. О себе он говорит: «Тем же и аз от инех достоверно поведающих о нем слышах». Зато о московской деятельности митрополита он пишет: «Не от иного слышах, но сам видех». Когда-то, вероятно, уже в начале XVII в. было составлено в Соловках и другое житие св. Филиппа, более подробно изображающее хозяйственные труды Соловецкого игумена и муки его заточения со слов бывшего пристава Кобылина, позже старца Симеона, «заточену ему бывшу на Соловках».

При патриархе Иоасафе I, который сам был из постриженииков соловецких, служба св. Филиппу внесена в печатную Минею 1636 г., и день памяти его праздновался повсеместно 23 декабря. Но только 10 лет спустя были торжественно открыты и перенесены в Преображенский собор мощи святителя. Сохранилось донесение соловецкого игумена Илии патриарху Иоасафу о состоявшемся торжестве.

Через пять лет этот самый Илия был возведен в сан архимандрита, с тех пор оставшийся за настоятелем Соловецкого монастыря, а еще через год (в 1652) состоялось новое перенесение мощей св. Филиппа – в Москву. Это событие произошло в последний год жизни патр. Иосифа, человека слабого и не пользовавшегося большим влиянием на царя Алексея Михайловича. Естественно поэтому видеть инициатора необычайного торжества 1652 г. в Никоне, любимце царском, тогда ми-

трополите Новгородском. Постриженик Анзерского скита в Соловках, Никон, подобно патриарху Иоасафу, имел особое усердие к св. Филиппу, личное желание его прославления. Но то, как были задуманы московские торжества 1652 г., показывает, что у Никона была своя церковно-национальная идея – и именно та, что легла в основание и нашего очерка. Соборным постановлением было определено перенести для погребения в Успенском соборе останки трех московских иерархов: митрополита Филиппа, патриарха Иова, сосланного Лжедимитрием в Старицу и скончавшегося там, и патриарха Гермогена, замученного поляками в Чудовом монастыре. Все три святителя были подвижниками за народное, национальное дело, и пали жертвой тиранической власти. Возвращая святителей в дом Богородицы, в их престольный храм, Москва, и прежде всего царь, приносили покаяние за грехи предков, совершали акт примирения земли с ее почившими героями. В Старицу за гробом Иова был послан Ростовский митрополит Варлаам, с боярином Салтыковым и большой свитой. Сам Никон взял на себя почетнейшее поручение, – он должен был перенести не только останки митрополита, но и мощи прославленного чудотворца. Сопровождал его кн. Хованский со множеством дворян и служилых людей. Боярская свита подчеркивала земский, национальный характер торжества.

11 марта, после молебствия в Успенском соборе, царь отпустил оба посольства – в ближнюю Старицу и далекие Соловки. Уже 5 апреля в Москве встречали останки Иова. Патриарх плакал и говорил царю: «Вот де смотри, государь, каково хорошо за правду стоять: и по смерти слава». Через несколько дней престарелый Иосиф скончался.

Только 3 июня, с поздним освобождением от льдов Белого моря, Никон прибыл в Соловки. Дорогой он получал письма от царя с извещением о смерти патриарха, в преемники которого царь предназначал своего «собиннаго друга», с напутствием к благоговейному и опасливому странствию. В море корабли Никона были разметаны бурей: одно из судов погибло без вести, многие разбились о скалы. Наконец, уцелевшие «от великих морских страстей» достигли пристани. После молебна Никон положил на раку чудотворца два послания – от царя и патриарха. Через три дня, проведенных в посте и молитве, за литурги-

ей Никон громко прочел грамоту царя к св. Филиппу. Хотя и навеянное посланием императора Феодосия к почившему Иоанну Златоусту, с той же мольбой об отпущении греха отца, она замечательна как памятник живой веры и чистой души «тишайшего» царя.

«Христову подражателю, небесному жителю, вышеестественному и плотному ангелу, преизящному и премудрому духовному учителю нашему, пастырю же и молитвеннику, великому господину, отцу отцем, преосвященному Филиппу митрополиту Московскому и всея Русии, по благоволению Вседержателя Христа Бога, царь Алексей, чадо твое, за молитвы святых *ти здравствует.* Ничто же ми тако печаль души творит, пресвятый владыко, яко же быти тебе богохранимого царствующего нашего града Москвы во святей велицей и применитей соборней и апостольской церкви... Второе, молю тя и приидти тебе желаю семо, еже разрешити согрешение прадеда нашего царя и великого князя Иоанна, нанесенное на тя нерассудно завистию и неудержанием ярости, и еже на него твое негодование *аки общника и нас творит злобы его,* яко же пишется: терпчины бо родительные оскомины чадам различные творят... [9] Аще и неповинен есмь досаждения твоего, но гроб прадедний присно убеждает мя и в жалость приводит... И сего ради *преклоняю сан свой царский* за оного, иже на тя согрешившего, да оставиши ему согрешения его своим к нам пришествием... Сего ради тя молю о сем, освященная главо и честь моего царства, твоим преклоняю честным мощам и повиную к твоему молению всю мою власть, да пришед простиши, иже тя оскорби понапраснству; раскаялся бо о содеянном, и он тогда, и за того покаяния к тебе и нашего ради прощения, прииди к нам, святый владыка. Исправи бо ся тобой и евангельский глагол, за него же ты пострада, за еже всяко царство разделышеся на ся не станет, и несть пререкующего ти глаголати о сведениях Господних, и благодать Божия в твоей пастве, за молитв святых ти, в нашем царстве присно изобилует, и несть уже днесь в твоей пастве никоторого разделения. Аще бы убо было, не бы стояло доселе, разделения ради, но ныне вси единомышленно просим и молим тя, прииди с миром во свояси и свои тя с любовию приимут. О священная главо, святый владыко Филипп, пастырю наш! Молим тя, не презри нашего грешного моления, прииди к нам с

миром. Царь Алексей желает видеть тя и поклонитися мощем твоим святым».

По словам Никона, вся церковь рыдала при чтении этой грамоты, и сам он едва мог читать от плача. Архимандрит просил оставить в монастыре частицу св. мощей. «И егда я, богомолец твой, – пишет Никон, – начат имати часть от святых мощей, тогда обоня воня благоухания от святых мощей святого Филиппа не мало, и мнози того благоухания сподобились слышати». Покрывши раку царскими покровами, со свечами и колокольным звоном, понесли ее к ладье. «Мнози же путем от плача и слез изнемогше... валяющеся семо и овамо, яко объюродевшие, ови от радости, ови же от жалости»... Отъехавши от монастыря на пять верст, два дня стояли у Заяцкого острова, выжидая погоды. Еще через сутки, 11 июня, вошли благополучно в устье Онеги.

Никон подробными письмами с дороги извещает царя об этапах своего путешествия. 20 июня приплыли в Каргополь, оттуда сухим путем двинулись в Кириллов монастырь и по Шексне доехали 25 июня до села Рыбного (Рыбинска) по Волге. 30 июня прибыли в Ярославль. Отсюда опять начинается сухопутное путешествие по великой северной дороге – через Переяславль, Троице-Сергиеву лавру к Москве. Всюду на остановках вносили мощи в храмы и служили при большом стечении народа. Последняя стоянка была в селе Воздвиженском, в 6 верстах от лавры, где Никон выжидал царского приказа. Он не решился внести драгоценные мощи в деревянную церковь села «за многонародное собрание и неискусное свещь поставление», – и стоял с ними «под подвижным кровом – в шатре».

9 июля Москва встречала своего великого святителя. Из Успенского собора вышел крестный ход, предводимый митрополитом Ростовским Варлаамом. За ним шел царь в золотом кафтане, с индийским посохом из слоновой кости, в шапке, усыпанной каменьями и жемчугом. Огромные толпы народа заполняли улицы Напрудной слободы, где у часовни царь встретил раку угодника. На этом месте был поставлен дубовый крест, давший название Крестовской заставе. Тут общая радость омрачилась печальным событием. Старец Варлаам не вынес усталости и жары июльского дня; опустившись в кресло, он скоропостижно скончался, у самой раки святого. Но госу-

дарь уже спешил принять на свои плечи святое бремя. Почившего митрополита понесли вслед за св. Филиппом. Дальнейшее шествие и чудеса, совершившиеся в тот день, сам Алексей Михайлович описал в восторженном и взволнованном письме к кн. Н. И. Одоевскому:

«Подаровал нам Бог, великому государю, великого солнца: яко же древле царю Феодосию пресветлого солнца Иоанна Златоустого возвратити мощи, тако и нам даровал Бог целителя, нового Петра и второго Павла проповедника, и второго Златоуста, великого пресветлого солнца Филиппа митрополита Московского и всея Русии чудотворца возвратити мощи. И мы, великий государь, с богомольцем нашим Никоном, митрополитом Новгородским и Великолуцким, ныне же милостию Божиею патриархом Московским и всея Росии, и со всем освященным собором, и с бояры и со всеми православными христианы и с ссущими младенцы, встретили у Напрудного и приняли на свои главы с великою честию, а в кой час приняли, и того часу сотворил исцеление бесной и немной жене, и того часу стала говорить и здрава бысть; а как принесли на пожар (Красную площадь) к Лобному месту, тут опять девицу исцелил при посланникех литовских, а они стояли у Лобного места; а как его световы мощи поставили на Лобном месте, все прослезилися; пастырь, гонимый понапраснству, возвращается вспять и грядет на свой престол; а как принесли на площадь против Грановитыя, тут опять слепа исцелил, и якоже древле при Христе во след вопили: Сын Давидов, помилуй! так и в ту пору вопили к нему в след. И таково много множество народно было, от самого Напрудного по соборную апостольскую церковь, не мочно было ни яблоку упасть, а больных тех лежащих и вопиющих к нему свету безмерно много, и от великого плача и вопля безмерной стон был. И стоял десять дней среди церкви для молящих и во всю десять дней беспрестани с утра до вечера звонят; как есть на святой недели, так и те дни радостны были; то меньшое, что человека два или три в сутки, а то пять и шесть и седмь исцеление получат; а как патриарха поставили (Никона), и он, свет чудотворец, двух исцелил в тот день, и ныне реки текут чудес. Стефанову жену Вельяминову исцелил: и отходную велела говорить, и забылася в уме своем, и явился ей чудотворец и рек ей: «вели себя нести к моему гробу» (а она

слепа и ушами восемь лет не слышала и головою болела те же лета), и кой час принесли, того часу прозрела и услышала и встала да и пошла здрава; да не токмо осьми лет, и двадцати и тридцати лет целит и кровоточных жен и бесных и всякими недуги исцеляет. А как принесли его света в соборную и апостольскую церковь и поставили на престоле его прежебывшем, кто не подивится сему, кто не прославит и кто не прослезится, изгнанного вспять возвращающася и зело с честию приемлемого? Где гонимый, где ложный совет, где обавники (клеветники), где соблазнители, где мздоослепленные очи, где хотящие власти восприяти гонимого ради? — Не все ли зле погибоша, не все ли исчезоша во веки?»...

И царь заключает молитвенными воззваниями к небесным силам, показывающими, как верно понимал он смысл исповедничества Филиппова и его уроки для русской земли. «О блаженные заповеди Христовы! О блаженна *истина* нелицемерная! О блажен воистину и треблажен, кто исполнил заповеди Христовы и за истину от своих пострадал. Ей, не избраша лутче того, что веселитися и радоватися во *истине и правде* и за нее пострадати и люди Божии рассуждати *в правде.* А мы, великий государь, ежедневно просим у Создателя, чтобы Господь Бог даровал нам, великому государю, и вам боярам с нами единодушно людей Его световы рассудити в *правду*, всех равно; писано бо есть: суд Божий николи крив не живет... и о всех христианских душах поболение мы имеем, и в вере крепким бы и *в правде и во истине*, якоже столпам стояти твердо и за нее страдать до смерти, во веки и на веки».

Замечательна в этом письме царя ликующая уверенность в уже наступившем торжестве правды, в полном искуплении старых грехов. То же настроение сквозит и в его «молебном послании» св. Филиппу. «Благодать Божия в нашем царстве присно изобилует, и несть уже днесь в твоей пастве никоторого разделения». Если и был в бурной истории русского царства момент достигнутого равновесия, «симфонии» в реализации идеи боговластия, то это именно в средине XVII века. Царь Алексей Михайлович был, может быть, единственным, достойным носить священный венец. Тишайший, благочестивейший, почти святой — он поражает нас силой веры, детской чистотой сердца и жаждой правды. И что же? Как посмеялась

история над его святыми надеждами! Всего несколько лет отделяют ликующие слова его письма от нового грозного «разделения». Снова священство и царство столкнулись в мучительной для обоих борьбе – на этот раз не по вине царя. Еще немного лет, и жестокое разделение прошло по всему телу церкви русской, расколов ее во имя разного понимания той самой «веры и истины», стоять за которые до смерти призывал царь Алексей Михайлович. Снова социальные судороги потрясают народное тело: мятеж Разина, стрелецкие бунты. А за ними уже встает исполинский призрак Императора, который нанес смертельный удар святой Руси, ниспровергнув, казалось, все устои, на которых строилось древнее священное царство. Теократия в России окончилась срывом, вместе с крушением национальной культуры. Пышное цветение культа набрасывало покров святости над неправдой, о которой тысячами голосов кричала русская земля. Этой неправды не видел благочестивый царь, как не видел ее и грозный царь, который некогда писал Курбскому: «Украшеньями всякими церкви Божии светятся, всякими благостынями... мучеников же в сие время за веру у нас нет»... Так писал царь, давший русской земле величайшего ее мученика – за правду. Но древняя русская церковь, в лучших ее пастырях и сынах, никогда не отделяла веры от правды и правды от милосердия. И последний патриарх Московский стоял перед новым грозным царем с иконой Богородицы в руках, безмолвным ходатаем, в утро стрелецкой казни...

Об этом служении верного пастыря вспоминает церковь, молитвенно взывая к священномученику:

«Первопрестольников преемниче, столпе православия, истины поборниче, святителю Филиппе, положивый душу за паству свою».

Экскурс

Опричнина в оценке новейших историков

ПРЕДЛАГАЕМОЕ выше освещение опричнины может показаться устарелым и «ненаучным» для читателя, знакомого с новейшей литературой. Оно, действительно, отзывается скорее Карамзиным, чем Виппером. Последние произведения русских историков нередко дают реабилитацию опричнины и вместе с тем правления Грозного, доходящую иногда до апофеоза. Поэтому автор, к тому же не специалист в науке русской истории, чувствует себя обязанным защитить свою несовременную точку зрения.

Конечно, для христианина сложность этой исторической проблемы значительно упрощается. Святой Филипп не был политиком, а лишь защитником «правды» в христианском государстве. Можно условно допустить государственную необходимость опричной революции и суровых мер в борьбе с боярской оппозицией – все равно остается общий характер имморализма, презрение к человеческой справедливости, тираническая, «кровопийственная» жестокость, не оправдываемая никакими государственными соображениями. Для историков социальной школы все это мелкие детали, «эксцессы», не уменьшающие их восхищения перед системой. Для христианина, признающего религиозный суд, нравственное качество деятеля, одушевляющий его «дух» – не вторичное, а первичное, единственно подлежащее суду. Вот почему мы сходимся в оценке Грозного и опричнины с консервативными историками старой школы – Карамзиным и Иловайским, – хотя по-разному оцениваем смысл русского исторического процесса.

Что же, однако: стоим ли мы в данном случае перед трагическим противоречием между религиозной и национально-политической оценкой? Может быть, из злого семени, посеянного Грозным, выросли добрые плоды, и его революция укрепила государство русское, обеспечив ему века могущества и славы? Это противоречие между небесной и земной прагматикой

возможно; оно составляет одно из сильнейших искушений для человека, пытающегося религиозно осмыслить историю. Не будем расширять этой проблемы до пределов исторической теодицеи. Достаточно указать, что в данном случае, в этом важнейшем узле русской истории, такого безвыходного противоречия нет.

Показать это на нескольких страницах «экскурса» можно лишь одним путем: указав на последние выводы, к которым пришла подлинно объективная историческая наука, и вскрыв те основания, на которых покоится «научная» апология опричнины.

Здесь мы встречаемся с одним замечательным фактом. Внимательное изучение весьма скудных материалов по истории опричного режима не дало ничего для оправдания этого института. В основе его благоприятных оценок лежат предвзятые идеи, различные болезни «позитивного» научного ума, вскрыть которые и является долгом религиозного и подлинно объективного историка.

Вопрос об опричнине неизбежно соединяется с общей оценкой Грозного и его места в русской истории.

Реакцию против школы Карамзина и славянофилов (К. Аксакова, Ю. Самарина) начинает С. М. Соловьев. Реакция эта была обоснована, как направленная против личного, психологического и морального подхода к Грозному, оставлявшего без внимания его эпоху и вырождавшегося в дилетантский субъективизм. Соловьев хочет дать «объективную» историю. Но его объективизм выношен в школе Гегеля. Это значит, что он находится в плену идеи о «разумности действительного» и оптимистически рассматривает исторический «процесс» как торжество высшего начала. Этим высшим началом для Соловьева, как известно, является государственность в борьбе с пережитками родового строя. Шестнадцатый век – эпоха окончательной победы государства над родовыми традициями, доживающими в удельных княжествах и боярском праве. В борьбе с боярством Грозный носитель высшей идеи. Этим определяется и оценка историка. За видимой объективностью творится самый несправедливый суд, где обвиняемых, т. е. побежденных, даже не выслушивают. Происходит это таким образом, что историк строит изображение Иоаннова царствования исключительно по *официальным*, т. е. исходящим от правительства, источни-

кам. Отсутствие актов судебного процесса, напр., заставляет Соловьева воздерживаться от рассказа о жертвах террора, о которых говорит множество современников. Получается впечатление почти благообразное и политически приличное. Конечно, Соловьев не закрывает глаза и на отрицательные последствия опричнины. Как «произведение вражды, опричнина, разумеется, не могла иметь благого, умиряющего влияния». Говорится о гибельном «удалении главы государства от государства», отказе власти от «собственных орудий», о неизбежных злоупотреблениях «временщиков». Но все же читатель, знакомый с Карамзиным, чувствует себя совершенно в ином мире, обескровленном, лишенном бытовых красок. Что касается материала, то он не обильнее, а даже скуднее, чем у старого историографа, благодаря отводу иностранцев. Большую часть VI тома Соловьева занимают события внешней истории, которая изображается вне связи с внутренней. Причины поражения в Ливонской войне не ясны. Несколько замечаний об уродливых эксцессах опричнины не вносят ничего в понимание процесса. Можно сказать, что от читателя требуется вера в его разумность, несмотря на явно катастрофический его исход.

Другие современники Соловьева, особенно представители той же «историко-юридической» школы, довели идеализацию Грозного до абсурда. К. Д. Кавелин считал Грозного «великим», предтечей Петра Великого, которого погубила «тупая, бессмысленная» среда. Аналогию с Петром проводил и Бестужев-Рюмин, считавший обоих государей людьми «с одинаковым характером, с одинаковыми целями, с одинаковым почти средством для достижения их». Для западников XIX века аналогия с Петром В. была уже достаточным оправданием. Странным образом забывалось одно: что Петр создал империю, а Иван чуть не разрушил царство, потерпев крушение на всех фронтах. А казалось бы, для историков, чуждых субъективизма, исторический успех должен служить главным мерилом оценки.

Таким образом, для историков этого направления апология Грозного вытекала из предвзятой оптимистической концепции «исторического процесса», связанной с преувеличенной оценкой государственности.

Странным образом эта положительная оценка Грозного просачивалась и в некоторые круги русской интеллигенции, почти

анархически относившиеся к государству. Здесь в пользу Грозного говорил демократический догмат, признанный почти всем без исключения русским обществом. Грозный сломил родовую аристократию и предал управление в руки худородного дворянства. В глазах многих это была заслуга, искупавшая все. Никто не ставил себе вопроса: что действительно выиграла Россия от насильственного истребления старого, культурного, свободолюбивого правящего слоя, связанного с местными мирами и древними национальными традициями, и что она приобрела с революционным вторжением в ряды правящего класса массы проходимцев, татар, казаков и беглых преступников?

В. О. Ключевский соединял демократические симпатии с пониманием государственных задач московского царства. Но его спас от идеализации Грозного великорусский здравый смысл, уловивший противоречия между торжественным пафосом православного царя и капризным самодурством тирана. Ключевский относится к Грозному иронически. Он судит не столько его моральный характер, сколько его прославленный ум. Ключевский не хочет, подобно Карамзину, вызывать кровавых призраков. Он оценивает Грозного как правителя, — и приходит к выводу, что непоследовательность, противоречивость, распущенность, лежащие в основе его характера, оказали губительное влияние на его политическое дело. Этот приговор историка целиком относится и к опричнине.

Быть может, к опричнине Ключевский подходил несколько упрощенно. Он видел в ней «жандармский корпус» для политической борьбы — не более. Заслуга выяснения социального смысла опричнины принадлежит проф. С. Ф. Платонову.

В своих «Очерках по истории смуты» С. Ф. Платонов вскрыл аграрное содержание опричной реформы: массовую переброску служилых людей из уездов в уезды, разрушившую старые связи между боярством и населением, особенно в центральных областях государства. Опричнина впервые представилась как опыт создания нового военно-служилого класса, с целью построения на его основе новой, сильной государственности, освобожденной навсегда уже от удельно-княжеских традиций. Эта работа Платонова продолжалась и продолжается его школой в исследованиях по новым актовым материалам, организации управления в «опричной» или «дворцовой» половине государства.

В результате этих работ выяснилась продуманность, систематичность учреждения, в котором раньше видели лишь судорожную реакцию тирании. Вместе с тем монографические исследования других сторон управления в эпоху Грозного должны были высоко поднять в наших глазах политические способности этого государя. Отсюда, впрочем, далеко еще до положительной оценки этой системы. Сам глава петербургской исторической школы не сделал таких выводов, и не мог их сделать, ибо связывал изучение опричнины с генезисом великой смуты. Только революционная эпоха выдвинула ряд апологетов опричнины и в то же время попытку небывалого апофеоза ее творца.

Последняя попытка принадлежит Р. Ю. Випперу. В своей блестящей, богатой идеями книжечке «Иван Грозный» (Москва, 1922) этот историк, впервые подошедший к русским темам, нарисовал Грозного на фоне европейского и азиатского XVI века, впервые крепко связав внутреннюю политику Москвы с внешней. В этом внимании к международной обстановке действительная заслуга автора. Но в изучение русских дел Виппер не вносит ни новых материалов, ни новых методов. Книга его не исследование, а панегирик. Он насыщен страстью, и за апологетической его внешностью клокочет ненависть, питаемая болью сегодняшнего дня. Виппер пишет свою книгу под мучительным впечатлением гибели русской империи и, вознося Грозного, вымещает свой гнев на либеральных и гуманных людей последнего столетия, охладевших к идее «грозной» власти. Подобно Макиавелли, в патриотической боли своей Виппер ищет тирана — и утешается им ретроспективно, отдыхая в Москве Грозного от Москвы 1917 г. Виппер всегда был материалистом, видел в истории лишь слепую и бессмысленную игру сил. К явлениям духовной жизни он проявлял слепоту феноменальную. Но созерцание могущества торжествующей силы (Рим) было для него источником исторического вдохновения. Впрочем, Виппер не унижается до любования террором Грозного. Он довольствуется его оправданием. Опричнина была напряжением военных сил государства в чрезвычайно тяжелой обстановке войны. Разгром Новгорода должен был (чем?) «исправить поколебленное военное положение», и т. д. Опричнина отражает стремления «демократии» XVI в. Демократический собор 1566, в разрез с прагматикой и здравым смыслом

(см. выше) связывается с учреждением опричнины в 1565 г. Превращение опричнины в «двор» в 1572 г. Виппер понимает, как расширение системы под влиянием новгородской «измены» (кавычки Виппера) и крымского нашествия. Виппер не догадывается (а это выяснилось для всех с опубликованием записок Штадена), что опричная реформа 1572 г. была, на самом деле, реакцией, в которой погибли главные опричные деятели, и что сожжение Москвы ханом показало правительству ненадежность опричного корпуса и значение земской рати. Разумеется, для Виппера остается непонятной и конечная катастрофа Ливонской войны. «Судьба Ивана IV — настоящая трагедия завоевателя, который сорвался на слишком крупной игре, потому что бросил на весы счастья все свое достояние и вместе с потерей новой колониальной добычи глубоко расстроил основы старой империи». Виппер не замечает, что в этом самый жестокий приговор, какой можно произнести над политическим деятелем. Сам автор необыкновенно увлекательно изобразил мощь московского государства, созданную Иваном III. Теперь оказывается, что гениальный Иван IV (сравниваемый с Петром В.) проиграл в азартной игре наследство предков.

Книга Виппера встретила сочувственный прием у русских историков (рецензия А. Преснякова в «Анналах» № 2) благодаря новизне идей и исторических аналогий. Но и в самом духе нашего времени лежит объяснение ее большого успеха. Один из вождей большевизма, историк М. Н. Покровский в разных очерках своей «Русской истории» дает апологию Грозного. Исторический материализм и антиморализм роднят его с Виппером. При различии политических вкусов, это историки одной школы. У Покровского оправдание тиранов — одна из любимых исторических тем; она питается у него общей всему марксизму ненавистью ко всяким формам аристократии и к самой идее свободы. Покровский сделал Грозного вождем демократической революции по тем же мотивам, по которым он пишет апологию «демократа» Павла I и мстит дворянам-декабристам.

Любопытнейшим смешением двух стилей — Виппера и Покровского — является очерк И. И. Полосина, написанный в качестве предисловия к запискам Штадена. На фоне широкой картины международных отношений Московской Руси, Полосин рисует опричнину, как «настоящую социальную революцию»,

без которой «были бы немыслимы блестящие успехи Грозного». Под этой революцией понимается факт усиления мелкопоместного землевладения. Термин «социальной революции» для автора, по-видимому, избавляет от доказательств ее политической ценности. Несколько неожиданно на следующей (41) странице читаем: «Дальнейшее углубление социальной революции грозило бытию государства». Изучение Штадена для автора не прошло даром. «Царь Иван политик нервный, но чуткий — сам же стал во главе реакции», которая оказалась неизбежной после «беспощадных крутых мероприятий революционных лет». Почему же аграрные мероприятия царя неизбежно должны были получать «беспощадный крутой» характер? Ответа нет, если не искать его в психологическом воздействии на автора двух ленинизмов: эпохи военного коммунизма и эпохи «Нэпа».

Через год после книги Виппера вышла брошюра С. Ф. Платонова «Иван Грозный» (Пет. 1923 г.) — только брошюра, но подводящая итоги почти полувековой работы первоклассного специалиста. Каждое слово здесь продумано и взвешено. Вне всякой полемики, автор защищает свое понимание Грозного от увлечений старых моралистов и новейших апологетов. Уверенно и спокойно старый мастер ставит все вещи на свое место.

С. Ф. Платонов остается высокого мнения о политических талантах царя Ивана. Грозный является для него «крупной величиной». Вступительная глава может вызвать даже опасение, что автор задумал еще одну апологию тирана. Однако чем более читатель углубляется в историю царствования, обогащенную научной жатвой последних десятилетий, тем более знакомый образ вырисовывается перед ним: Грозный встает таким, каким его знали консервативные историки XIX века. Автор не имеет «никакого желания приводить подробности гонений и казней», но в своей осторожной характеристике царя признает «ненормальности»: и «чувство страха перед несуществующими опасностями», «начатки мании преследования» и «садизм, т. е. соединение жестокости и разврата», и отсутствие мужества. Но нас интересует оценка опричнины.

Говоря о «внутреннем расстройстве Московской жизни», приведшем к поражению в войне с Баторием, С. Ф. Платонов указывает двоякие причины. «Одни заключались в так называемой опричнине Грозного и ее следствиях, другие — в том сти-

хийном явлении, что трудовая масса московского населения пришла в движение и, покидая старую оседлость, стала рассеиваться по направлению от центра к окраинам государства».

Таким образом, опричнина из необходимого орудия трудной войны (Виппер, Полосин) делается причиной поражения. Нарисовав широкую картину аграрно-классового института (не останавливаясь на «эксцессах»), автор переходит к его последствиям. — «Во-первых, пересмотр княженецкого землевладения превратился в опричнине в общую земельную мобилизацию, принудительную, тревожную и потому беспорядочную... *Все слои населения*, попадавшие под действие опричнины, терпели в хозяйственном отношении и приводились — вольно или невольно — из оседлого состояния в подвижное, чтобы не сказать — бродячее. Достигнутое государством состояние устойчивости населения было утрачено, и в данном случае по вине самого правительства». «Во-вторых... Грозный считал нужным соединить эту операцию с политическим террором, казнями и опалами отдельных лиц и целых семей, с погромом княжеских хозяйств и целых уездов и городов. С развитием опричнины государство вступило в условия внутренней войны, для которой, однако, *не было причин.* Царь преследовал своих врагов, которые с ним не сражались»... «Результатом этого безумного и *вовсе не нужного* террора было полное расстройство внутренних отношений в стране»... «Не меньшее ожесточение, чем в боярстве, было и в других слоях населения. Опричнина и террор были *всем ненавистны*, кроме разве тех, кто с ними связал свой житейский успех. Они поставили все население против жестокой власти и в то же время внесли рознь и в среду самого общества. По меткому замечанию англичанина Дж. Флетчера, бывшего в Москве вскоре после смерти Грозного, низкая политика и варварские поступки Грозного так потрясли все государство и до того возбудили всеобщий ропот и непримиримую ненависть, что, по-видимому, это должно было окончиться не иначе, как всеобщим восстанием. Сделанное до смуты, это замечание вполне было оправдано последующими московскими событиями».

Так последнее компетентное слово исторической науки совпадает с единодушной оценкой современников — русских и иностранцев, — и вместе с тем подвиг митрополита оправдывается и перед судом государственного разума.

Приложение

Грамоты митрополита Филиппа в Соловки

Грамота 1

БЛАГОСЛОВЕНИЕ смиренного Филиппа, митрополита всея Русии, старцу Ионе и старцу Паисеи, келарю и казначею, священникам и всей яже о Христе братии. Как вас Бог милует, все ли во спасении здравствуете? А здесь у нас на Москве дал Бог, царь и великий князь Иван Васильевич всея Русии, и благоверная царица, великая княгиня Мария, и его благородные чада, царевич Иван, и царевич Феодор, и благоверный князь Влодимер Андреевич, и князи и бояра, и все православные христиане, пречистыя Богородицы молитвами, и великих чудотворцев Петра и Алексея и Ионы и всех святых, дал Бог по здорову. И сталася Божия воля. Царь и великий князь, и царевичи, и архиепископы, и епископы, и князи и бояре принудили мя недостойнаго на сий великий престол всея Русии. И яз вас благословляю, чтобы естя жили в любви яже о Христе, и попеклися бо естя о бессмертных своих душах, и закон монастырский хранили. А о игумену есмя царю государю, великому князю, не вспоминал потому, кое без вашего совета. И будет вам игумен надобен, и вы бы о том по времени посоветовали, да прислали грамоту за руками, кому Бог благословит быти, и вы излюбите. А яз вас благословляю и челом бью. Бога ради, молите Господа Бога и пречистую Его Матерь, и великих чудотворцев Зосиму и Савватея, и всех святых, соборне и келейне, за православного царя государя, великого князя Ивана Васильевича всея Русии, и за его благоверную царицу, великую княгиню Марию, и за их благородные чада, царевича Ивана и царевича Феодора и за князя Влодимера Андреевича, и за христолюбивое воинство, и за вся православные христиане, да и за нас грешных. Да Бога ради простите мя грешного во всем, старец Иона, и священници, и вся яже о Христе братия, от мала и до велика, и слуги все

от мала и до велика, и христиане все от мала и до велика. Перед всеми есми вами во всем виноват без рассуждения. А вас всех Бог простит. Да послал есми вам на всю братию, фунт перцу, гвоздики гривенка, шафрану гривенка в уху. Прочее здравствуйте о Христе. Мир вам.

Грамота 4

Благословение преосвященнаго Филиппа, митрополита всея Русии, в пречестную, великую обитель боголепного Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и святых преподобных великих чудотворцев Зосимы и Савватея, в общий Соловецкий монастырь духовному настоятелю, сыну и сослужебнику нашего смирения, игумену Паисеи, и священницем, и старце Ионе, и келарю и казначею, и всей яже о Христе братии. Как вас Бог милует, все ли в спасении здравствуете? А яз Филипп Божею милостию, государевым царским здравием и вашими святыми молитвами телесно жив. Да спаси Бог вам на рыбе, прислали естя ко мне двадцать рыб просольных, да девять свежих непоротых, а рыба просольная и свежая мелка, и середней мало, да двенадцать вялых, да полбочки сельдей, да прудовых сельдей кадочка ведра в полтора. На сем вам не спаси Бог, навели естя на меня скорбь великую, яз вам приказывал с игуменом с Паисеею и с старцы, и грамоты посылал, чтоб ко мне не присылали ничего поминков, ни рыба, и вы меня не слушаете, навели естя на меня скорбь великую на Москве и в монастыре, и ропты непомерные, душа ваша подынет (?) и не постави вам Господи в грех того. Да послал еси к вам с Махилевым с Степаном два блюда серебряных великих на дору на большую и на меньшую, а стали мне близко тридцати рублев, да ладанницу серебряную ж велику, да чару велику с рукоятьми медяну лужену, вода святить, и вы б ко мне то отписали: довезл ли вас те сосуды, или не довезл и вы б у него взяли, а ко мне бы естя о том известно учинили. Да послал есми к вам денег десять рублев с слугою с Селюгою на пруд, что за дворцом, и вы б его вычистили на готово, ино пруд будет великой, похвальной, а покинути его ино от Бога будет грех, а от людей сором, а жаль прежних трудов и убытков, а уж готов и плотина сделана, только вычистить, а делать приказал старцу Мисаилу, да слуге Се-

люги, те вам его сделают наготово, и монастырю будет похвала, и рыбу станете сажати, ино рыба держится и приплоду в нем чаяти. Да как поехал яз к Москве, ино у меня осталось в монастыре три трубы верченых, да столб, а везти было их в Заяцкие воды для (?) положить, и вы б Бога ради то сделали, а приказал есми сделати Селюги ж, и как Бог помилует сделает, вы б его Бога ради и нас ради пожаловали, и нам бы естя о том известно учинили, как ваша любовь к нам, а не пожалуете не станете делати игумен Паисия и братия, и яз приказал Мисаилу и Селюге людей наймовати и хлебом кормити своим, а не пожалуете не дадите и так делати, и вы б ко мне известно ж учинили. Да что Герасим издержал денег на проезд до Москвы едучи с рыбою, и яз ему и те деньги дал, тридцать алтын без трех, а на Москве ели и пили у меня, и до поезду. Да послал есми к вам на стол братии, и с квасом, и слугам и детям восемь рублев, с слугами с Герасимом, да с Селюгою, да послал есми к вам братии три рубля милостыни, на двести братов по полуалтыну, да детям на триста человек полтора рубля, по деньге. И ты б игумен Паисея Бога ради стол велел на братию поставити, и на слуги и на дети с квасом, да за столом бы еси помянул братию, чтобы молили Бога за благовернаго царя и государя, великого князя Ивана Васильевича всея Русии, и за благоверную царицу великую княгиню Марью, и за благодарованные чада, царевича Ивана и царевича Феодора, и за христолюбивое воинство, и за все православное крестьянство, и меня б грешнаго во святых молитвах своих поминали. А яз благословляю и много челом бью, а милость Божия и пречистыя Богородицы и великих чудотворцев молитва и благословение, до нашего смиренья благословенье да есть всегда с вашим преподобством во веки аминь. Писано на Москве лета 7076 (1568) генваря в 30.

До яз вас благословляю и челом бью игумену Паисею и всю братью, Бога ради живите любовно.

Источники и пособия

Источниками для биографии св. Филиппа служат два жития его, составленные в конце 16 – нач. 17 в. Напечатаны из них лишь отрывки в примечаниях к IX тому Карамзина. По ним составлено краткое славянское житие в печатном «Прологе» (9 января) и подробное переложение *А. Н. Муравьева:* «Жития святых российской церкви». Январь. СПб., 1857.

Кроме того, составителем использованы

Акты исторические. Т. I.

Акты Археографической Экспедиции. Т. I и II.

Собрание Государственных Грамот и Договоров. Т. I и III.

Полное Собрание Русских Летописей. Т. III (Новгородская летопись) и VIII (Воскресенская летопись).

Русская Историческая Библиотека. Т. III («Александро-Невская» летопись).

Грамоты Митр. Филиппа («Душеполезное Чтение», октябрь 1861).

Иосиф Волоцкий. «Просветитель», Казань, 1896.

Максим Грек. Сочинения. Т. II.

Герберштейн. Записки о Московии (лат. изд. 1506 г.).

Кн. Курбский. Сказания, изд. Устрялова (2-е) 1842.

Записка Taube Kruse в Sammlung russischer Geschichte, t. X. Dorpat, 1816.

Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. (Пет.) 1925. (Здесь новейшая библиография).

Архангельский А. С. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев. СПб., 1882.

Барсуков. Источники русской агиографии.

Вальденберг В. Древнерусские учения о пределах царской власти. Петр., 1916.

Виппер Р. Иван Грозный. М., 1922.

Голубинский Е. История русской церкви. Т. II, I.

Грабарь И. История русского искусства. Вып. 6.

Кн. Долгоруков. Российская Родословная Книга. Ч. IV, СПб., 1857.

Арх. Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря. М., 1900.

Дьяконов М. Власть московских государей. СПб., 1889.

Жмакин В. Митрополит Даниил и его послания. М., 1881.

Иловайский Д. И. История России. Т. II.

Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. VII, VIII и IX.

Ключевский В. О. Древнерусские жития святых. М., 1871. Курс русской истории. Т. II. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря; Русский рубль XVI–XVIII в. («Опыты и исследования», М., 1912).

Митр. Макарий. История русской церкви. Т. VI, VII и VIII.

Платонов С. Ф. Иван Грозный. Пет., 1923. Прошлое русского Севера. Берлин, 1924.

Рождественский С. В. Митрополит Филипп («Русский Биограф. Словарь», библиография до 1901 г.).

Садиков П. А. Из истории опричнины царя Ивана Грозного («Дела и Дни» № 2, 1921 г.).

Соловьев С. М. История России. Т. V и VII.

Хрущов И. Исследование о сочинениях Иосифа Санина. СПб., 1868.

Остались недоступными автору: Б.М.Л.Б.К. (барон Боде-Колычов), Боярский род Колычовых (М., 1886); Арх. Досифей, Летописец Соловецкий; «Начертание Жития м. Филиппа» (М., 1860) и «Русские Святые» архиепископа Филарета (Гумилевского).

Приложение

Житие и подвиги, а также рассказ о некоторых чудесах во святых отца нашего и исповедника Филиппа, митрополита Московского и всея России

Те, кто руководствуется Духом Божиим, те сыновьями Божьими нарекутся. Как говорит богоотец Давид: «Будете Богами и все сыновьями Всевышнего». О них же и собезначальное Слово Отчее говорит: «Там, где будет труп, соберутся орлы», и «Многие придут от востока и запада и возлягут в Царстве небесном» [1]. Говорит же в полный голос и божественный апостол Павел: «Тех, — говорит, — кого предузнал Он, тех и призвал, а кого призвал, тех и оправдал, а кого оправдал, тех и прославил» [2]. Ради этого и богоугодные их жития называются Богом — светом миру: «Вы, — говорит, — свет миру», и: «Не может укрыться град на вершине горы; не зажигают светильника для того, чтобы спрятать его, но ставят на подсвещнике, да светит всем в доме. Так да просветится свет ваш пред людьми, чтобы, видя добрые дела ваши, люди прославляли Отца нашего небесного» [3]. Подобен же им соработник и ревнитель, священною одеждою светло одеянный, первосвятитель божественной великой Церкви, собеседник ангелов, сопрестольник апостолов, участник страданий священномучеников, всеми спасительными путями уготованный Богу по имени Филипп. О нем в сердце своем всегда желал я написать, как впрочем настоятель и богобоязненные иноки той великой обители хотели и говорили. Странно пребывать в забвении такому великому светилу, не имея описания пречудного жи-

Житїе и подвизи, и ѿчасти чюдес исповѣданїе, иже во ст҃ыхъ ѻ҃ца нашего и исповѣдника, Филиппа митрополита Московскаго и всеѧ Росїи.

Бл҃гослови ѻ҃че./

Єлицы оубо дх҃омъ Бж҃їимъ во/дими сꙋть. Сїи сн҃ове Бж҃їи/ нарекꙋтсѧ. Ꙗко ж речѐ его/ѿцъ Дв҃дъ: Бози бꙋдете и сн҃о/ве Вышнѧго всѝ. Ѡ нихъ же и Со/безначальное Слово Ѿчее речѐ:/ Идѣже бꙋдетъ трꙋпъ, тꙋ бꙋ/дꙋтъ и ѻрли. И: Мнѡзи прїи/дꙋтъ ѿ востокъ и западъ, и возлѧгꙋтъ во Црт҃вїи нб҃нем. / Вопїетъ же велегласно и Бжест҃ве/ный Ап҃лъ Павелъ: Ихъ же, речѐ, /24об./ пронарекова̀ Бг҃ъ изначала ми/рꙋ, сихъ и призва̀. А ихъ же / призва̀, сихъ и ѻправда̀. А ихъ / же ѻправда̀ сих и прослави. / Сего̀ ради и бг҃оꙋгоднаѧ жи/тїѧ ихъ, свѣтъ мирови / ѿ Бг҃а про- нарековашесѧ: Вы / естѐ, речѐ, свѣтъ мирꙋ. И: Не / можетъ градъ оукрытисѧ / верхꙋ горы стоѧ. Ни вжига/ютъ свѣтилника и под спꙋ/домъ покрываютъ. Но на / свѣщницѣ поставлѧютъ, / да свѣтитъ всѣмъ иже во / храминѣ сꙋть. Тако про/свѣтитсѧ свѣтъ вашъ пред / чл҃ки, ꙗко да видѧтъ ваша / добраѧ дѣла и прославѧт /25/ Ѿца вашего иже на нб҃сѣхъ. / Ихъ же клевретъ и ревнител/ сщ҃енною ѻдежею свѣтло пре/ѻдѣѧнъ, в бжественѣй / велицѣй црк҃ви первост҃ль, аг҃гломъ со- бесѣдникъ, / ап҃ломъ сопрестолникъ, сщ҃е/нномч҃нкомъ спострадале- ни/цъ. Всѣми спасителными / пꙋтьмѝ Бг҃ꙋ оуготованъ / Филиппъ пре- именовашесѧ. / Его же в срдцы своемъ прн҃о же/лающе настоѧ и ѻбители / тоѧ великїѧ. Съ иже с нимъ / бг҃обоѧзнивыми иноки ѕѣ/ло̀ желаю- ще и гл҃ютъ. Ꙗко / нелѣпо есть беспамѧтнꙋ пребывати таковомꙋ ве /25 об./ликомꙋ свѣтилꙋ. Писанїю / не сꙋщꙋ ѻ пречюднемъ житїи / его̀,

5*

тия. Да и как узнают без описания те, кто не знает о нем ничего? Словно словесный жемчуг, от оболочек своих не очищенный, — как же могут красоту его познать, или золото, в нем скрывающееся, кто может блеск его увидать? Или кто может увидеть солнечный свет, если пресветлые лучи его закрыты многими облаками?

Об этом же и о многом настоятель обители и иноки рассуждали и размышляли неотложно, совещаясь с великим. Так давние ученики его заставили меня, грубого и несмысленного невежду, рассказать о пречудном и священнопрекрасном житии его — из многого нечто малое. Но поскольку я груб и ленив, и всякой преисполнен скверны, но более всего боясь, что настигнет наказание ленивого раба, повинуюсь вашему повелению, поскольку через вас священноначальствует Христос. Иных же — многославных, премудрых и высочайше разумных и преславных, — их же Святой Дух обучил! Я же, грубый и несмысленный, уповаю на того же Духа Святого, не сам, но научившись из Божественного писания. Пусть и несовершенным языком, но простым наречием, достигая по возможности о превосходящем всех, о священнопрекрасном и пречудном житии, о всегда желанном для вас учусь повествовать — о самом великом первосвятителе Филиппе. Его, осеняемого благодатию Духа, в помощь призываю. Вас же самих, боголюбезные отцы, и всех вместе с вами начальствующих великих отцов на молитву призываю — да благопоспешною помощью того и вашими святыми молитвами благая помощь придет ко мне, начинающему труд! Да не осудит же и меня никто, видя неблагообразное мое невежество, ибо иногда молчание младенца приятнее бывает для отца, нежели любовь к спорам. Поскольку я за это принялся не бесстыдством

како явленно может / быти без писанiя не ведущим / и не знающим его. Якоже / глемiи маргарити от скал (не) / своих непроизносимы. Како / могут добрости их от зря/щих познаваеми быти. / Или злату во своих членах / крыющуся, кто может / блесканiя его яве узрети. / Или слнца светлость кто / узрит облаком многим / спокрывшим(ся), пресвет/лыя луча его. Сiя же и ина мно/га настоя и обители, и с ним / сущiи иноцы разсужающе. /26/ Помышлях у неотложно. Лю/безно к великому совещав/ше с ним, яко приснiи уче/ницы его. Принудисте мене / грубаго и несмысленаго неве/жду. О пречюднем и сщенно/ лепнем житiи его, любо/повествовати. От многих / малое нечесое. Но убо аще / и ленив есмь и груб, и скве/рн вся/ких преисполнен, / обаче же ленивого раба запре/щенiя убояхся. Вашему по/веленiю повинуюся, еже в вас / сщенноначальствующу Хви. / Но инем убо многослову/ющим. Премудро же и разу/мно, высочайше же и пресла/26об./вно, елико им Дух Стый на/учи. Аз же грубый и несмы/сленыи уповах тому же / Духу Стому. Не от себя убо но / от Бжественнаго Писанiя на/выкох. Аще и не совершенне, / но простона_речiем елико / елико достижно. О еже всех / изрядне. О сщеннолеп/ном и о пречюдном житiи, / и о прножеланном вам лю/бо повествовати поуча/юся. Самого того велика/го первостля Филиппа, и / осеняющую того блгода/ть Духа в помощь призываю. / Вас же самех отцы бголю/безнiи. Сойже в ѣас началь/27/ствующим великим отцем / на млтву подвизаю. Да бла/гопоспешною помощiю того, / и вашими стыми млтвами / блгопомощно будет ми / сiе начинающу. Да не зазрит / же ми о сем никтоже зря / нелепое моего ненаученiя. / Ибо идете и не мованiе отцем / прiятно бывает за лю/бопребытiе. Не бо безстуд/ством

дерзостно подвигаемый, но вами принужден был потрудиться. И поскольку никто ничего о нем не написал, то, подобно зодчим, собирающим отовсюду камни, чтобы завершить строительство дома, так и я собирал отовсюду разбросанные слова.

Подобно им, что-то я собирал от знавших его лично, повествовавших о его благородном и благодетельном воспитании, и о возрастании в царских палатах, и о душевной чистоте и телесной, об отвержении мира, о смиренном и благорассудном во всем послушании, и о благостройном по Божьим заповедям, в обители премудром настоятельстве, и о первопрестольном Божием святительстве в преименитом царствующем городе, и о терпеливом в Боге священнострадальничестве, и ко Господу отшествии, как о том следующее повествование расскажет.

О рождении блаженного отрока и о родителях его

О преблагословенный, над всеми царствующий Царь вечной жизни, Который во Единице и в Троице славословимый, всегда существовавший, премудро создавший разумные существа и все красоты мира, а также первозданных праотцев наших — прародителей Адама и Еву! Во грядущее семь тысяч пятидесятое лето, во время пресветлого господства над великим княжеством российским венчанного христолюбца и миролюбца, благоверного и смиренномудрого великого государя Василия Ивановича, всея России самодержца, во благодержавном, в преславном, в царствующем городе Москве восседал в царской палате некий благочестивый и знатный муж, мужественный и украшенный многими добродетелями, исполненный ратного духа, исполнявший Божественные заповеди и царские повеления, и весьма люби-

нѣ́коимъ самоде́/рзостнѣ на сїѐ прїидо́хъ. / Но ва́ми приню́жденъ до́лжнаѧ сотвори́х. / Поне́же ꙗ҆́ко никто́же ꙗ҆́же / ѡ҆ не́мъ написа́въ на́мъ ѡ҆/ста́ви. Но ра́зсѣѧно ѿ того̀ / словесѐ собра́въ подо́бласѧ /27об./ зо́дчїѧмъ, и҆̀же пома́лꙋ ка́/менїе собра́вше, во є҆ди́наго / до́ма соверше́нїе собира́ютъ. / Тѣ́м же і҆ а҆́зъ ꙗ҆́же ѿ и҆нѣ́хъ / достовѣ́рно повѣ́дающихъ / ѡ҆ не́мъ слы́_шахъ. Воспишꙋ/е́мъ бл҃горо́дственаѧ є҆гѡ̀, / и҆ во бл҃годѣ́тьствїи воспита́_/нїе, и҆ въ црк҃вныхъ пола́тахъ / во́зрасте́нїе, и҆ въ ю҆́ности / бл҃гонра́вїе, и҆ дш҃е́внꙋю чи/стотꙋ̀ и҆ тѣле́снꙋю. И҆ ми́ра / ѿверже́нїе, кро́тостное же / и҆ смире́нное, и҆ бл҃гора́зсꙋд/ное ко всѣ́мъ послꙋша́нїе. / И҆ бл҃гостро́йное во ѡ҆би́тели по́ Бз҃ѣ прему́дрое / настоѧ́тельство. И҆ в преи́мe /28/ни́томъ црс҃твꙋ́ющемъ гра́дѣ / первопресто́лное во црк҃ви Бж҃їи / ст҃льство. И҆ по́ Бз҃ѣ терпѣ/ли́вое сщ҃е́нностра́да́тельство. / И҆ ко́ Гд҃ꙋ ѿше́ствїе. Ꙗ҆́ко впре́ди / и҆дꙑи сло́во ска́жетъ.

Ѡ҆ роже́нїи бл҃же́ннагѡ ѻ҆́тро/ка, і҆ ѡ҆ роди́телехъ є҆гѡ̀.

Ѿ пребл҃гослове́ннаго всѣ́хъ / црс҃твꙋ́ющаго Црѧ̀ вѣ́чныѧ / жи́зни. И҆́же во є҆ди́нствѣ, и҆ въ Тр҃цы славосло́вимаго, / прнс҃нос꙽ꙋщнаго. Прему́дростнаго со_дѣ́йства разꙋ́мныхъ сꙋще/ствъ, и҆ все ᲂу҆краше́ннаго ми/рותворе́нїѧ. Тѣ́м же перво/зда́ннаго пра́ѻ҆тцъ на́шихъ все/ро́днаго А҆да́ма і҆ Є҆́ввы. Во гра/28об./дꙋщее седмы́ѧ тысѧщи, в пѧ/тонадесѧ́тное лѣ́то. Во́ вре/мѧ пресвѣ́тлаго господ҇ства / вели́каго кн҃жьства Росі́йска, / вѣнча́ннаго хрт҇о_лю́бца и҆ / миролю́бца бл҃говѣ́рнаго / и҆ смире́нному́драго. Вели́каго / гдрѧ Васи́лїѧ И҆ва́новича все/ѧ̀ Росі́и самодержца. Въ бл҃го/держа́вномъ в пресла́_вꙋщем / в црс҃твꙋ́ющемъ гра́дѣ Москвѣ̀, / пре́дсѣдѧ́й в пола́те црс҃вѣ ᲂу҆/во нѣ́кїи бл҃гочести́въ и҆ добро/ро́денъ сꙋщь. Мꙋ́жственъ же / і҆ ᲂу҆краше́нъ мнѡ́гими добро/дѣ́тельми, і҆ и҆спо́лненъ ра́/тнаго дꙋ́ха. Вельми́ же по/ᲂу҆ча́лсѧ въ Бж҃е́ственыхъ /29/ за́повѣдехъ. И҆ въ црк҃вныхъ и҆/справле́_

мый великим князем. Был он государевой благородной чести справедливо удостоен, величием сановным радостнотворно, непоколебимо всюду сияя, злой же путь до конца отвергая. Звали же его Стефаном, по фамилии Колычев, родился же он в великом Новгороде. Была у него супруга, цветущая и плодовитая лоза, именем Варвара (которой дал Бог в ангельском чине стать инокиней Варсонофией). И жили оба по закону Господнему и по Его святой евангельской заповеди и горячую милость Его многими слезами стяжали. И радовались всякому обильному дару благому и приносили Вседержителю достойные плоды: веру и любовь, милостыню сиротам и великое заступление калекам, источая всегда будто медоточивые потоки. И как многоплодовитая маслина расцветает и распускает бесчисленные ветви, так и они источали многосветлые источники своих добродетелей. Явили цвет славы, благородный плод: родили всегда поминаемого отрока Феодора, о нем же ныне надлежит нам поведать.

Он, по воле Всевышнего, баней бытия омылся, то есть иереем Господним во святой купели был крещен во имя Отца и Сына и Святого Духа — Единосущного Бога, всех Творца. И благодатию Его, Всесильного, стирает искусительную тьму — голову трехглавого проклятого змея[4]. После же этого своими родителями с великой заботой воспитывался. Спустя некоторое время родители повелели его отдать в обучение искусному ремеслу — изучению Божественного Писания. В том же он сердцем с любовью к истине во все дни в благом том училище воз-

нї́ихъ. Бы́сть же и҆ ве/ли́кимъ кн҃зе[м] по премнѡ́гꙋ / люби́мъ. І҆ є҆гѡ̀ г҃дрвы бл҃горо́/дные че́сти воӥстиннꙋ сподо́/бленъ, высото́ю сано́вною / ра́достнотво́рно не(по)коле́/блемо всю́дꙋ сїѧ́ше. Стропо́/тнаѧ же стезѧ̀ до конца̀ / стира́ѧ. І҆ є҆́же Стефа́нъ и҆ме/нꙋ́емъ, поре́кломъ Колыче́/въ. Роже́нїе и҆мѣ́ѧ вели́кагѡ Новагра́/да. И҆мѣ́ѧ же сопрѧже́нꙋю себѣ̀/ мнѡ́гоцвѣтꙋ́щꙋю и҆ плодо/ви́тꙋ ло́зꙋ и҆менемъ Варва́/ра, ю҆́же и҆ сподо́би Бг҃ъ во а҃г̾гль/скїи чи́нъ и҆нокинѧ Варсоно́/фїѧ, и҆ живѧ́ста ѡ҆́ба в зако́нѣ /29об./ Гн҃и. И҆ по є҆гѡ̀ ст҃ѣй є҆ѵ҃альстѣй и҆ за́/повѣди. И҆ те́плѣ того̀ мно́/гими слеза́ми млт҃ва себѣ̀ / притворѧ́ющи. Тѣ́мъ / и҆ во всѧ́комъ бла́зѣмъ ѡ҆би́/льствѣ ликова́хꙋ, і҆ ѿ того̀ / приносѧ́щє є҆мꙋ̀ Вседержи́телю / плоды̀ досто́йны. Вѣ́рꙋ и҆ лю/бо́вь млт҃ыню, к си́рымъ же / и҆ ко ѹ҆бо́гимъ вели́ко заст̾ꙋп/ ле́нїе, ꙗ҆́ко медото́чныѧ по/то́ки и҆сточа́ющє всегда̀. / Тѣ́м же мнѡ́гоплодови́таѧ / ма́слина па́ки процвѣ́те. / И҆ распространѝ бе[з]чи́сленное се/ле́нїе. [і҆] и҆зсыла́ютъ мнѡ́го/свѣ́тлыи и҆сто́чникъ ѿ свои[х] / добродѣ́телей. Ѿпꙋща́ютъ /30/ цвѣ́тъ сла́вы. Пло́дъ бл҃горо́де[н]. / Роди́ста сегѡ̀ пр҃нопа́мѧтнагѡ / ѻ҆́трока Ѳеѡ́дора. Ѡ҆ не́мъ же / на́мъ нн҃ѣ сло́во пре[д]лежи́тъ.

Се́й же бл҃го[во]ли́тельствомъ Вы́/шнѧгѡ ба́нею бытїѧ̀ ѡ҆мыва́єтсѧ, є҆́же і҆е҆рє́ѡмъ Гн҃имъ во / ст҃ѣй кꙋпѣли крєща́ется. В высо́кое пропо́вѣданїе во̀ и҆мѧ / Ѻ҆ц҃а и҆ Сн҃а и҆ Ст҃а́гѡ Дх҃а, во є҆ди́но/сꙋщнагѡ всѣ́хъ содѣ́телѧ Бг҃а. / И҆ Того̀ всеси́лнагѡ бл҃года́тїю / тꙋ̀ стира́етъ преле́стнꙋю тмꙋ̀ / трегла́внагѡ ѻ҆ка́ѧннагѡ змі́ѧ / главꙋ̀. По се́м же ѿ бл҃горо́дны[х] / свои́хъ с вели́кимъ бреже́нїемъ / воспитѣва́етсѧ. По́ време/ни же роди́тели є҆гѡ̀, (и҆) свои́мъ /30об./ и҆зрѧ́днымъ пре[д]ста́тельство[м], / повелѣва́ютъ є҆гѡ̀ вразꙋчи́ти хꙋдо́жно[м]/ хи́трости, є҆́же Бж҃е́ствено/мꙋ Писа́нїю. В то́м же ѻ҆́нъ / совсѧ́кою свое́ю с[е]рде́чною пра́востїю / повседне́вно во бла́го́мъ то[м] / ѹ҆чи́лищи про_

растал, «как дерево, посаженное при источниках вод»[5]. Играми же пустяшными, которые присущи детям, не занимался, но более всего благую часть избрал. Его благодать Божия осеняла, и он светло постигал книжное учение. Как говорит песнопесец: «Коль сладки мне слова твои, слаще меда устам моим»[6]. Весьма же возлюбил он кротость и целомудрие и любовь ко всем, более же всего чистоту телесную. Благоизбранные же и вселюбезные чадолюбивые родители его, видя отрока своего озаряемого такою благодатию, великою радостию возрадовались о нем. Веселя его душу и утешая его сердце, окружили его известными своим искусством чистыми отроками, устраивали всякие угощения — повелевали же на избранных и породистых конях скакать с ним часто. Он же ради родителей своих изредка исполнял их желания. Но дела сего, которое навечно начертано, не оставлял, уповая на блага вечные на небесах и всегда о них духом горя. Ко единому Господу, Владыке всех, устремляясь, пристально взирал на ангельское славословие, повторяя: «Прилепилось сердце мое к Тебе, Боже, и ко Святой Церкви Божией!» Не откладывал на потом того благоутешного времени. Тут же со многим вниманием и скоростию внимал Божественному Писанию, дома же всегда изучал благодатные и памятные книги — как жили в прежние времена досточудные мужи в этом временном мире, почерпывая из них навыки духовных подвигов. Также узнал о воинской храбрости, подобно тому, как многотрудная и премудрая пчела собирает с цветов благоуханный и сладостный мед, так и этот юноша исполнялся от книг многой благодати.

стира́ѧсѧ, ꙗ҆́ки дре́во прі́и҆/сходѧ́щихъ во́дъ. На и҆гры́ же / пꙋстѡ́шныѧ ꙗ҆́коже ѻ҆бы́ча́й / е҆́сть дѣ́темъ, нико́коже / ѹ҆стремлѧ́шесѧ. Но҃ па́че / бл҃гꙋ́ю ча́сть и҆збира́ше. / Е҆гѡ́ же і҆ бл҃года́ть Бж҃їѧ ѻ҆сѣнѧ́/ше, і҆ ꙗ҆́сно вразꙋмлѧ́етсѧ / кни́жномꙋ ѹ҆че́нїю. Ѿ него́ / же сокро́вища премꙋ́дрости и ра́/зꙋма сокрове́нно весе́лїѧ при/чаща́етсѧ. Ꙗ҆́коже сто́пѣ́/31/сньцꙋ вкꙋ́съ. Ко́ль сла́дка слове/са̀ твоѧ̀ па́че ме́да ѹ҆сто́мъ / мои́мъ. Вельмѝ же люблѧ́ше / кро́тость и҆ цѣломꙋ́дрїе и҆ любо́вь / ко всѣ́мъ, найпа́че же чисто/тꙋ̀ тѣле́снꙋю. Бл҃гои҆збра́/нніи же и҆ всєлюбе́зніи чадолю/би́віи роди́тели е҆гѡ̀. Ви́дѣв/ше си́цевыми ѻ҆зарѧ́ющасѧ / бл҃года́тнаго своегѡ̀ цвѣ́та. / Ѕѣло́ю ра́достїю распала́юще/сѧ к немꙋ̀, и҆ веселѧ́ще е҆гѡ̀ дш҃ꙋ̀, / і҆ ѹ҆покоева́юще е҆мꙋ̀ се́рдце. При/ста́виша к немꙋ̀ славокраси́/тельныѧ небла́зненыѧ ѻ҆/тро́цы со всѧ́цѣмъ ѹ҆тѣше́нїемъ. / Повелѣва́ютъ на и҆збра́нныхъ / і҆ ѹ҆рѧ́дныхъ ко́нѣхъ съе́здити /31об./ с ни́мъ поча́стꙋ, ѻ҆́нъ же роди́/телей свои́хъ ра́дма. Пома́лꙋ / семꙋ̀ каса́шесѧ по своемꙋ̀ ѿче/ствꙋ̀. Но҃ дѣ́ло сегѡ̀ что̀ вопїе́тъ / прⷭ҇но. Ѻ҆́нъ же па́че всегѡ̀ ѹ҆по/ва́нїе и҆мѣ́ѧ вѣ́чныхъ бл҃гъ / сꙋ́щихъ на́ нб҃сѣхъ. И҆ к томꙋ̀ / всегда̀ дх҃омъ горѧ̀, к семꙋ̀ же / ко е҆ди́номꙋ Гв҃и всѣ́хъ влⷣцѣ / тща́телно взира́ѧ, и҆ на а҆́гг҃ль/ское славосло́вїе и҆справлѧ́сѧ. / Прилпѣ̀ вы́нꙋ срⷣце моѐ гл҃аше / к тебѣ̀ Бж҃е. И҆ къ ст҃ѣ́й Бж҃їи / цр҃кви не залага́ѧ никогда́ же / тогѡ̀ бл҃гоѹ҆тѣ́шна вре́мени. / Тꙋ̀ же со мнѡ́гимъ внима́нїемъ / и҆ ско́ростїю послꙋ́шаѧ Бже́сТве/наго Писа́нїѧ, в домꙋ̀ же всегда̀ /32/ въ бл҃года́тныѧ и҆ в па́мѧт/ныѧ кни́ги взира́ше, ка́ко / бы́ша пре́жнихъ досточю́дныхъ / мꙋ́жъ пребыва́нїѧ, в ни́хъ же / и҆ време́нное прехожде́нїе. И҆ / ѿ тогѡ̀ дово́лно навы́че дх҃о́/внаго и҆справле́нїѧ. Та же / вразꙋмлѧ́етсѧ и во́инской / хра́брости, ꙗ҆́ко же мнѡ́го/трꙋ́днаѧ и҆ прехи́траѧ пчела̀ / ѿцвѣтѡ́въ собира́етъ мнѡ/гоѹ҆ха́нными сла́достный медъ. / Та́ко и҆ сі́и ю҆́ноша и҆спо́лнисѧ / ѿ тогѡ̀ мнѡ́ги

От друзей же своих и сверстников уклонялся, от фантазий же юных и от пребывания с единовозрастными удалялся, будто бы от пламени. Стремился же с самыми благими мужами корабль свой в пучину не ввергнуть, процветая во всех добродетелях. Многие же благоразумные люди удивлялись смиренной мудрости и благонравию его. И докатилась молва до величества — великого князя всея Руси Василия Ивановича.

О преставлении великого князя Василия

Застигнув врасплох, сокрылась ввысь к праведному солнцу — Христу в вечное сияние от наших глаз светозарная звезда, кротко чудный и пресветлый в добродетелях великий государь и великий князь всея Руси Василий Иванович, нареченный во ангельском образе Варламом[7]. Исполнил общий смертный долг, мрак и могила сокрыли его любодаровитые очи. О таких богоотец Давид радостно восклицает: «Праведники наследуют землю»[8] и «если есть потомство у человека мирного», то «семя его благословится»[9]. Два прекрасных цветка ввел он здесь, на земле, в отчее и деднее наследие — две ветви своего благочестивого царского корня — величайшего Ивана Васильевича всея Руси и юнейшего Георгия Васильевича всея Руси. А вскоре воспринял царский скипетр — отчее наследие, преславный князь Иван Васильевич всея Руси. Но и тогда Феодор за многие свои добродетели боговенчанным царем и самодержцем был любим. И с прочими благородными юношами был взят для услужения царю. Как

блгодати. / Другов же и обычных своих / отерзаяся, юных же му/дрованїя и со пребыванїя / единовозрастных удаля /32об./ася от них яко от пламени. / С самеми же блгими мужь/ми тщашеся корабль глуби/не не предати. И во всех / блгих цветущу ему. / Мнози же благоразумнїи / людїе дивляхуся о смиренїи / мудрости. И о блгонравїи / его. И дойде слава до величе/ства великаго кнзя Васи/лїя Ивановича всея Росїи. /

О преставленїи великаго / кнзя Василїя. /

Предварившая же светоза/рная звезда от нашего / зренїя сокрывается вы/спрь. К праведному / слнцу Ху в вечныя сїянїя. /33/ Кротко чюдный и в доброде/телех пресветлый. Вели/кїи (кнзь) [1] гдрь и великїи кнзь / Василей Иванович всея Ро/сїи, во агглском образе / Варлам. Изводит обь/щїи долг смертный. Обла/к и гроб покрывает ему / любодаровитыя очи. О си/цевых Бгоотцъ убо Двдъ / радостным (гла/сом) [2] воскли/цая гласом: Праведницы / наследят землю. И яко / есть останок члку мирну, / и семя его во блгословенїи / будет. Два убо прекрасна / цвета своя он возводит зде / во отчее и деднее пре/быванїе /33об./ наследїе, блгочестиваго своего црскаго корени две отрасли / оставляет. Величанша/го Иванна Васильевича всея / Росїи. И юней/шаго Георгїя / Васильевича всея Росїи. И по/мале времени воспрїя црскїе / скипетры отчее наследїе до/стохвалный кнзь Иванн / Васильевичь всея Росїи но / и тогда Феодор за премно/гую его добродетель, блго/венчанным црем и само/держцем любим быва/ет, и со прочими блгород/ными юноши в служенїе / црьское учиняется. Яко же / рече

---

[1] Слово, поставленое нами в скобки, в рукописи зачеркнуто.
[2] Это слово тоже зачеркнуто.

говорит Писание: «Мягкую одежду носящие — в домах царя находятся» [10]. И хотя он был почтен славою этого мира, но еще более украшался смиренной мудростью, нимало не изменив свой благой нрав. Царь же, видя его мудрое благочестие и верное служение, еще более возлюбил его. Феодор же, как верный раб, держался двух вещей: всегда соблюдал Божии заповеди и точно исполнял царские повеления, неправую веру искореняя. Памятуя, что мучение бывает учителем благочестия.

Когда же исполнилось ему тринадцать лет, по обычаю пришел он в храм на славословие Божие. И по некоему Божественному усмотрению, позаботившемуся о нем, во время божественной литургии читал иерей святое Евангелие: «Невозможно человеку одним оком на землю глядеть, а другим на небо. Ни служить двум господам — либо одного возлюбит, а другого возненавидит, или одному будет служить, а о другом нерадеть» [11]. Глубоко поразили сердце Феодора эти слова, будто были ему сказаны. И начал он усердно размышлять, как бы не лишиться вечной радости, а святое прикосновение вечных тех Христовых слов в мыслях своих утвердить. И вспомнил он о лавре преподобных и богоносных отцов наших Зосимы и Савватия, ибо слышал от многих истинных свидетелей о Соловецком острове, находящемся в удалении от людей, на краю вселенной, в северной стороне, в океанской пучине. Будто бы там слышен шум празднующих и голос радости под кровом обители праведных тех мужей Зосимы и Савватия. Где шумит густая листва и прекрасные ветви духовного сада расцветают и разносится негибнущий аромат от Божественных писаний и к Богу направляют иноки ангелообразные свои мысли. И многие к то-

и҆́стинна. Мѧ́гкаѧ нося́/34/щеи в домѣ́хъ црⷭ҇кихъ сꙋ́ть. / А҆́ще и҆ ми́ра сего̀ почте́нъ / сла́вою но̀ преи҆зли́ха смире́/номꙋ́дрїемъ оу҆краша́ѧсѧ, / бл҃гі́и бо̀ сво́й нра́въ никако/же и҆змѣнѝ. Ви́дѧ же / црⷭ҇ь мⷣростное е҆го̀ бл҃гочестїе, / и҆ к себѣ̀ пра́вое слꙋже́нїе, / преи҆зли́ха нача̀ е҆го̀ люби́ти. / Феѡ́доръ же ꙗ҆́ко вѣ́рныи ра́/бъ ѻ҆бое храни́ше, Бж҃їѧ за́/повѣди соблюда́ѧ прⷭ҇но. И҆ / црⷭ҇кое повелѣ́нїе до́брѣ стро́/ѧше, ѕловѣ́рїе же и҆скоре/ни и҆стер_за́ѧ быва́етъ са/ди́тель бл҃гоче́стїѧ. Е҆гда́ же / приспѣ̀ⷡ҇ тридесѧть лѣ́тъ / соверше́нїе во́зраста своего̀. /34об./ Ꙗ҆́ко же е҆́сть ѻ҆бы́чаи ѻ҆́трокꙋ / при_ходи́ти на славоⷭ҇ло́вїе Бж҃їе / въ црⷭ҇ковь. Во е҆ди́нъ оу҆́бо ѿ дне́и / вше́дшꙋ е҆мꙋ̀ в црⷭ҇ковь. Бж҃е/ственомꙋ нѣ́коемꙋ смотре́нїю / призрѣ́вшꙋ на́ нь. Во̀ времѧ / Бж҃е́ственаго гласова́нїѧ чтꙋ/щꙋ ї҆ерѣ́ю на литорги́и ст҃ое / є҆ѵⷢ҇лїе. Не́ мощно оу҆́бо чл҃кꙋ е҆ди́/немъ ѻ҆́комъ на́ землю зрѣ́ти, / а҆ дрꙋ́гимъ на́ нб҃о. Ни двема̀ / гдⷭ҇ьнома рабо́тати. Любо е҆ди́/наго возлю́битъ, а҆ дрꙋга́го / возненави́дитъ. И҆ли е҆ди́наго / держи́тсѧ, а҆ ѻ҆ дрꙋзѣ́м же не / радѣ́ти начнетъ. Ѻ҆ба́че оу҆́бо / оу҆ꙗ҆звисѧ срⷣцемъ премꙋ́дрыи / Феѡ́доръ ꙗ҆́ко к немꙋ̀ се̑ речесѧ, /35/ и҆ нача̀ оу҆се́рдно размышлѧ́ти / во оу҆мѣ̀ свое́м. Ка́ко бы вѣ́чь/ныѧ ра́дости не погрѣши́ти, / и҆ ст҃ы́хъ же ѻ҆сѣне́нїемъ превѣ́/чныхъ тѣ́хъ Хв҃ыхъ слове́съ, / тꙋ̀ в мы́сли свое́й всели́ти. / Воспо_мина́етъ ѻ҆ ла́врѣ прпⷣбныⷯ / и҆ Бг҃оно́сныхъ ѿц҃ъ на́шихъ Зо/си́мы и҆ Сава́тїѧ. Зане́же слы́/шалъ и҆звѣ́стно ѿ мнѡ́гихъ / нело́жныхъ ꙗ҆зы́къ, ѻ҆ солове́/цкомъ то́мъ ѻ҆то́цѣ. И҆ е҆́же / бѣ̀ во оу҆дале́нїи ѿ люде́й и҆ в сѣ́ве/рной странѣ̀, кра́й вселе́нныѧ / во ѡ҆кїѧ́нстѣй пꙋчи́нѣ. Бѧ́ше / же оу҆́бо та́мо шꙋ́мъ праздꙋ́ю/щихъ. И҆ гла́съ ра́дованенъ въ / кро́вѣ пра́ведныхъ тѣ́хъ мꙋⷤ҇ /35об./ Зоси́мы и҆ Сава́тїѧ. И҆дѣ́ же / дꙋ́ховнаго са́да добролѣ́ствїѧ / и҆ краснѝ ѿрасли, восцвѣта́/ютъ ѿ неги́блющихъ а҆́рамаⷮ҇ / е҆́же ѿ Бж҃е́ственыхъ Писа́нїи. / И҆ ѻ҆ Бз҃ѣ и҆справлѧ́ютъ а҆гг҃лоѿ/

му шумящему садами и обильному месту с верою притекают, дабы спасти свои единородные и бессмертные души. Не только иноки, но и мирские люди там вырывают греховное терние и просвещаются душою изобильно и обогащаются мысленным елеем, ввысь ко Господу взирая. Итак он, Феодор, острым и скорым благоумным зрением и в сердечной правде к Вышнему Царю воззрев, в том богоспасаемом царствующем городе Москве подобающее поклонение сотворив в иных святых местах, жалостными слезами обливаяся и к чудотворным ракам припадая, обнимает их и, молебное прошение исполнив, подкрепившись надеждою и сотворив ко Творцу Господу молитву, так сказал:

«Господи, Боже, Просветитель и Спаситель мой и защитник жизни моей! Настави меня на путь Твой и пойду во истине Твоей!» И прочее. И оставляет пресветлое царское окружение, родителей же и всех родственников. И, попросту говоря, ревностно отвергнув всю земную мудрость, и, скрывшись ото всех, только захватив необходимую одежду, один с Единым пастырем своим — Христом — уединяется. И словно феникс простирает светломысленные свои крылья, так и он возжелал поселиться в кедрах духовных, среди благоуханных ароматов, имея сопричастником всюду следующего за ним от Бога дарованного ангела-хранителя. Не знал он точно — из-за огромного расстояния до места — точного пути и пришел в область Великого Новгорода. Есть там большое озеро, называемое Онего, а по краям его расположены деревни. И пришел он в одно село, называемое Кижи, и остановился у одного из жителей, по прозвищу Суббота. Доблестный же Феодор сердечную веру воплощая в делах, как

бразное своѐ вообраᲂ҆же́нїе. И҆/же мнѡ́зи к томꙋ̀ доброса҆но/мꙋ̀ и҆ неза_вистномꙋ̀ селꙋ̀ с вѣ́/рою притѣка́ютъ, (и҆) на и҆спра/вле́нїе свои́мъ (...) едино́ро́дным / и҆ бе҆смертнымъ дш҃а́мъ. Не / то́кмо и҆ноцы но̑ и҆ мі́рстїи / лю́дїе, тꙋ̀ же всѧ́ко и҆стерза́/ютъ те́рнїе грѣхѡ́вное, и҆ / дш҃е́ю просвѣ_ща́ютсѧ. И҆зо/о҆би́лно и҆ бога́тно мы́сленымъ / ма́слом і҆ и҆зрѧ́дно вы́спрь ко́ /36/ Гдꙋ҇ взира́ютъ. Та́же о҆нъ Фе/о́доръ о҆́стрымъ и҆ ско́рымъ бл҃го/_оу҆мнымъ зрѣ́нїемъ, и҆ ср҃дчною / пра́востїю к вы́шнемꙋ Цр҃ю во/зрѣ́въ в бг҃оспаса́емомъ то́мъ / црс҃твꙋ́ющемъ гра́дѣ Москвѣ̀. / Ключи́мое поклоне́нїе сотвори́въ. / В мѣ́стѣхъ ѡ҆нѣ́хъ ст҃ы́хъ / жа́лостными слеза́ми о҆бли/ва́ѧ_сѧ. И҆ к чюдотво́рнымъ ра́/камъ припа́даѧ о҆бъе́млѧ цѣ/лꙋ́етъ. И҆ моле́б_ное проще́нїе со/верши́въ, і҆ оу҆пова́нїемъ крѣ/пѧ́шесѧ. И҆ сотвори́въ к со_тво/ри́шемꙋ Гв҃и мл҃твꙋ гл҃ѧ си́це: / Гд҇и Бж҃е просвѣти́телю и҆ спаси́/телю мо́й и҆ защи́титель жи/вотꙋ̀ моемꙋ̀ наста́ви мѧ̀ на /36об./ пꙋ́ть Тво́й, и҆ по́йдꙋ во и҆/стиннѣ Твое́й, и҆ про́чее. І҆ о҆/ставлѧ́етъ пресвѣ́тлое цр҃ь/ское приближе́нїе. Ѿчество же / и҆ всѐ срѡ҆дство, и҆ спро́ста рещѝ / всѧ̀ зе́мскаѧ мꙋдрова́нїѧ со / всѧ́цѣмъ оу҆се́рдїемъ во҆ мѣ́ты / вмѣни́въ, і҆ оу҆таи́всѧ ѿ всѣ́хъ / нꙋ́жными покрыва́лы то́чїю / о҆дѣѧ́всѧ, і҆ еди́нъ ко е҆ди́номꙋ / па́стырю своемꙋ̀ Хрⷭ҇ꙋ оу҆еди́нисѧ. / Въ слѣ́дъ простира́етъ свѣ́тло/мы́сленїи своѝ крылѣ̀ ꙗ҆́ко фини́/ксъ. Жела́ѧ всели́тисѧ в ке́дри / тѣ̀ дх҃о́вныхъ бл҃гооу҆ха́нныхъ / а҆рома́тъ. Сопрнча́стника и҆/мѣ́ѧ себѣ̀ вослѣ́дствꙋющаѧ / ѿ Бг҃а дарова́ннаго а҆́гг҃ла храни́/37/телѧ. И҆ долготы̀ ра́ди ра҆стоѧ́/нїѧ мѣ́ста не пра́во знаѧ́ше пꙋ/тѝ. Прихо́дитъ оу҆бо во ѡ҆бла/сть вели́каго Новагра́да. Е҆сть / оу҆бо е҆́зеро вели́ко гл҃емо О҆нѣ́го. / Воскра́й е҆гѡ̀ ве́си мнѡ́ги. И҆ та́мо / достиза́етъ во еди́нꙋ, и҆мѧ/нꙋ́емо Ки́жи, и҆ при_лѣпи́сѧ ко / е҆ди́номꙋ ѿ жи́телей тоѧ̀ ве́си, / зово́мыи Сꙋбо́та. До́блїи же / Фео́доръ ср҃дчнꙋю вѣ́рꙋ дѣ́лы и҆/сполнѧ́ѧ. Ꙗ҆́ко же и҆ вы́ше назна/

и прежде, Божественным заповедям повиновался: ни мешка не имея, ни двух одежд, ни денег в поясе, ничего другого, необходимого на потребу. Обогащался же только верою и добродетелями. И ради этого, по словам апостола, все считая как прах, приносит плод любовью к труду, исполняя многие ручные работы. Рассмотрением же ума, прилежа не столько к этому, но и ко всякой добродетели. И был на этом основании столь благоприлежен, что господин его, видя благонравие отрока, поручает ему пасти овец. С веселием же принимает юноша это: Господь Бог дал знак ему — пусть прежде бессловесных пасет[12]. И так немало дней трудился он, желаемого не забывая.

Родители же его великий розыск учинили. Искали его и в царствующем городе повсюду, и по окрестным городам и селам. И не найдя, плакали о нем, как о мертвом. Доблестный же отрок, хранимый Богом, к желаемому стремился и вскоре достиг его: благополучно прошел землю и море и увидел благообразную красоту — островное селение вселенских молитвенников и чудотворцев Зосимы и Савватия. И, увидев пречудный этот дом, возрадовался весьма неизреченною радостию. И припал к чудотворному тому ковчегу, умильно его жалостнотворными и в то же время радостными душевными и сердечными слезами многие часы омывая, испрашивая помощи и заступления ради своего совершенствования. Принят же был игуменом того монастыря и иноками и был поселен среди живущих там. Настоятель же, игумен Алексей, так его звали, повелел ему трудиться вместе с другими приходящими и трудящимися на монастырских послушаниях. Он же, страхом Божиим ограждая себя, в послушании, со тщанием и смирением, в сердечной простоте

менахъ. Бжественымъ пови/нꙋяся заповѣдемъ, ни мѣ/шца имѣяше, ни двою ризꙋ, ни при / поясѣ мѣди. Ни иного нѣсого / иже на потребꙋ, вѣрою же то/кмо и добродѣтелми обогащься, /37об./ и сего ради по аплꙋ вся оумѣты / вмѣни. Даетъ оубо плодъ свои / любострꙋдїемъ мнѡгимъ. / Дѣломъ оубо рꙋчнымъ и оумара/смотренїемъ. И бяше не то/кмо к тѣмъ блгоключимъ. / Но и ко всякой добродѣте/ли блгопри_лѣженъ сын, на / основанїи таковемъ нача / здати. Что оубо господи / его вида произволенїе отро/ка овецъ паствꙋ врꙋчаетъ. / Веселя же ся прїемлетъ юно/ша Гꙋ Бо прозрѣвшꙋ о немъ. / Да прежде словесных безслове/сныя добре оупасетъ. И та/ко пребывъ немало днїи к же/лаемо_мꙋ влечашеся. /38/ Родителем же его взысканїю (бы)/ великꙋ бывшꙋ о немъ. По иска/вше его въ цртвꙋющемъ градѣ всюдꙋ / и по окрестнымъ градѡвѡмъ / и весемъ и не обрѣтше, и пла/кашася аки по мертвомъ. / Предоблїи же отрокъ Бгомъ на/вдимъ на преднѧя простирая/ся. И не по мнѡзѣ же времени / желаемаго не погрѣши. Блгопо/лꙋчно преходитъ землю и мо/ре. И достизаетъ во блгообра/знꙋю тꙋ красотꙋ. Во оточь/ное селенїе вселенских млтве/никовъ и чюдодѣйственниковъ / Зосимы и Саватїя. И се видя пречю/дныи той домъ ѕѣло возра(д)о/вася и неизре_ченною радостїю. /38об./ И чюдотворных тѣхъ ковчегъ / оумильно припаде жалостно/творными и радостными / вкꙋпѣ дшевными и срдчными / слезами обливаяся на мнѡ/гъ часъ. Помощи и застꙋпле/нїя прося къ своемꙋ исправле/нїю. Прїятъ же бываетъ / (і) игꙋменомъ мнтря того і и/ноки, и сочтаютъ и со живꙋ/щими тꙋ. Настояи же игꙋ/менъ Алек_сѣй тако бо емꙋ / имя. Трꙋжатися емꙋ пове/лѣ в мнтырскихъ слꙋж_бахъ. / Со инѣми приходящими и трꙋ/жающимися. Онъ же страхомъ / Бжїимъ ограждаяся, со тща/нїемъ и смиренїемъ послꙋшая /39/ в

все исполнял. Размышляя сам в себе о том, как Господь и Бог наш облекся в смиренный и рабский облик, оставив славу неизреченную, тебе и нам подобен был. Бесчестие и поругание, и уничижение ради нас претерпел и был осужден на позорную смерть. О распинающих Его Он молился и до сих пор не оставляет нас Своей любовью, но милость Свою всегда нам подает.

Все это Феодор себе доброразумно напоминал, внимая настоятелю, заповеди его с горячностью соблюдая, ко всем питая любовь и всем со смирением в Господе покоряясь. И трудился со всяким усердием, как ему повелевали. И многие скорби и труды перенес, словно раб, трудясь год и еще полгода и больше. И было странно видеть, как сын таких славных родителей, воспитанный в сытости и довольстве, занимался таким тяжким трудом: рубил дрова, копал огород, таскал камни, и на рыбной ловле тяжким трудом не гнушался и все иное со старанием исполняя. Неоднократно навоз на своих плечах таскал, удобряя овощи, и на мельнице со всяким усердием трудился, неоднократно же неразумными людьми был уничижаем и даже бит, но он, нравом подражая своему Владыке Христу, унижаем был — не гневался, били его — радовался, терпел все со смиренной мудростью. И никто не знал — кто он и откуда. Но сам он, удивительный юноша, смотрел на монастырь и как в нем иноки живут и как заботятся о своих бессмертных и единородных душах, как целомудрием облекаются и правдою опоясываются, как совершают постнический путь, как веселятся, умерщвляя плотскую свою похоть, как с великой любовью пьют

простотѣ̀ срⷣца, разꙋмнѣ̀ / всѧ̀ творѧ́ше. Помышлѧ́ѧ бо҆ / в себѣ̀ ка́ко Гдⷭь на́шъ і҆ Бгъ в ра́бїи / и҆ смире́нныи ѡ҆́бразъ ѡ҆блече́сѧ, / ѿ сла́вы неи҆зре_че́нныѧ и҆злїѧвъ / себѐ, и҆ на́мъ подо́бенъ бы́въ, / бе́зчестїе и҆ порꙋга́нїе і҆ оу҆ничиже́/нїе на́съ ра́ди претерпѣ̀, и҆ коне́/чнѣ поно́снꙋю сме́рть, і҆ ѡ҆ ра/спина́ющихъ є҆гѡ̀ молѧ́шесѧ. / И҆ по си́хъ же не ѡ҆ста́ви є҆́же к наⷨ / любвѐ, но҆ мл҃ть свою̀ всегда̀ / на́мъ подаѧ̀. Сїѧ̀ оу҆́бо Фео́до/ръ ѡ҆браща́ѧ во оу҆мѣ̀ доброра/зꙋмно к настоѧ́телю творѧ̀. / Любо́вїю к немꙋ̀ те́плѣ за́повѣ/ди є҆гѡ̀ соблюда́ѧ. Любо́в же ко / всѣ́мъ и҆мѣ́ѧ и҆ всѣ́мъ покарѧ́-/39об./шесѧ со смире́нїемъ ѡ҆ Гдⷭѣ. И҆ трꙋ/жа́ѧсѧ со всѧ́цѣмъ оу҆се́рдїемъ, / а҆́може повелѣ́но быва́ше, и҆ / мнѡ́ги ско́рби и҆ трꙋды̀ подъѧ̀, / ꙗ҆́ко бе́зпскꙋ́пныи рабо́таѧ лѣ́То / и҆ по́лъ и҆ вѧ́щьше. И҆ бѣ̀ оу҆ди/вле́нно ви_дѣти. Ꙗ҆́ко тако/вꙋ̀ роди́телю (и҆) че́стнꙋ ча́до и҆ / сла́внꙋ, и҆ в мѧ́хкости и҆ в по/ко́й воспи́танъ, таковы́мъ / жесто́кимъ дѣ́лѡмъ себѐ въ/дава́ше. Дрова̀ оу҆́бо сѣ́кїи, и҆ / зе́млю копа́ѧ во ѡ҆гра́дѣ. И҆ ка́/менїе прено́сѧ, и҆ в ры́бныхъ ло/ви́твахъ всѧ́кꙋ тѧготꙋ̀ поⷣѧ. / І҆ и҆́на всѧ̀ такова́ѧ со тща́нїемъ / дѣ́лаше. Мнѡ́гащи же и҆ гнѡ̀ / на плещꙋ̀ свою̀ носѧ̀, и҆ на оу҆строе́нїе /40/ зе́млїю полага́ше. И҆ на ме́ль/ницы со всѧ́кимъ тща́нїеⷨ / рабо́таше. Мнѡ́гащи же / ѿ неразꙋ́мныхъ чл҃къ оу҆/ничижа́емъ и бїе́мъ, но҆ / нра́вомъ всѣ́мъ подража́ѧ / влⷣки своегѡ̀ Хрⷭ҇а. Оу҆ничижа́/емъ не гнѣ́вашесѧ, бїе́мъ / ра́довашесѧ, со смире́номꙋ/дрїемъ всѧ̀ терпѧ́ше. И҆ не / бѣ̀ зна́емъ ни ѿ кого́ же, / ктѡ̀ и҆ ѿкꙋ́дꙋ є҆́сть. Но҆ па́/че же ѡ҆́нъ пречю́дныи ѡ҆́тро/къ ра́зсмотрѧ́ше мн҃трѧ̀ / тогѡ̀. Ка́ко в не́мъ и҆́ноцы / живꙋ́тъ і҆ и҆мѣ́ютъ попе/че́нїе ѡ҆ єди́нородныхъ и҆ без/сме́ртныхъ свои́хъ дш҃а́хъ /40об./ і҆ и҆́же цѣломⷣрїемъ ѡ҆блеца́ютсѧ / и҆ пра́вдою препоѧсꙋ́ют_сѧ, і҆ / и҆справлѧ́ютъ пѡ́стническое / тече́нїе. Веселѧ́тъ же сѧ оу҆/мерщве́_нїемъ плоⷮскїѧ своеѧ̀ / по́хоти, и҆ ѕѣ́лною любо́вїю / пїю́тъ ча́шꙋ ст҃ꙋю

от Чаши — Святую кровь Христову, от которой вечную жизнь принимают.

И все это премудрого этого мужа — то, что он сам достоверно увидел, нежели то, что он ранее слышал, — в неизреченное удивление ввело. Навсегда отсекает он мирские мудрования и, ревнуя, решил духовными чернилами одежды свои обагрить, более же того — душу свою просветить. И зажегся он божественным огнем Утешителя, которым насытиться невозможно. И с радостной душой, с духовными слезами припадает он к ногам пастыря пречестной той лавры и молит его, а с ним и во Христе избранную братию, чтобы и его присоединили к богоизбранной их крепости. Всечестной же той лавры настоятель Алексей и все во Христе братья возрадовались этому благому желанию, видя мужественное и трудолюбное его усердие. Зная, что он не только в миру все благие порядки исполнял, но и черническое житие постиг с помощью Господа Бога. И постригают его в ангельский образ. Он же с момента отрезания волос с головы своей отсекает и плотскую мудрость и все, что в мире. И вместо Феодора дают ему новое имя — Филипп. И для возведения к благоустроению отдается в послушание учиться иночеству и благочинию монастырскому одному предивному мужу, ради Одного Бога живущего — иеромонаху Ионе, который вторым управлял тем монастырем и был сопричастник преподобному отцу Александру Свирскому [13]. Богомудрый же Филипп проживал с тем честным старцем во многом благочинии. У него в душевном смирении всем заповедям и всем добродетелям на деле научился — днем в трудах и постах, ночью же, часто без сна пребывая, молился. Предсказал же о нем дарованным от Бога пророчеством старец его: «Этот будет, — сказал, — настоятелем во святой обители этой».

Так и было. Вновь же в поварню пастырь Филиппа

кровь Хвꙋ. / Ѿ неѧ же животъ вѣчныи / прїемлютъ. И се велеоумнаго / мꙋжа сего достовѣрно видѣ/нїе паче слꙋха оувѣрѧютъ. / В неизреченно оудивленїе вво/дѧтъ. И до конца ѿсѣкает / мирскаѧ мꙋдрованїѧ со всею / славою. И ревнꙋѧ поревнова / дховнымъ чернилом ризы / своѧ обагри_ти. Но и паче же / дшꙋ свою просвѣтити. /41/ И к семꙋ разжегсѧ не_сытно оутѣ/шителевымъ Бжественымъ / огнемъ. И радостною дшею / пречтныѧ тоѧ лавры к пасты/ревымъ ногамъ, со дховными / слезами припадаетъ. И мо/литъ с нимъ всю о Хѣ братїю, / ꙗко да и онъ ѿ нихъ тамо со/четанъ бꙋдетъ, къ бгоиз/бранномꙋ ихъ ѡграждению, / всечтныѧ же тоѧ лавры на/стоѧи і Алексѣй, и всѧ о Хѣ / братїѧ возрадовашасѧ сего / блгомꙋ произволенїю. Видѧ/ще мꙋжественое и трꙋдолю/бное его тщанїе. И прозрѧще / еже онъ не токмо в мирѣ мирскаѧ / блгаѧ исправ_ленїѧ творѧше, /41об./ но и черн7ческомꙋ правилꙋ на/выкша. Гꙋ Бгꙋ поспѣшествꙋ/ющꙋемꙋ, постригоша его во / аггльскїи образъ. Онъ со ѿѧ/тїемъ власъ главы своеѧ вкꙋ/пѣ ѿлагаетъ и плотьскаѧ / мꙋдро_ванїѧ, и всѧ ꙗже в ми/рѣ. И в Феодора мѣсто нарѣ/коша имѧ емꙋ Филиппъ. / И на исправленїе предаетсѧ в / послꙋшанїе и внимати чер_не/чествꙋ и блгочинїю мнты/рскомꙋ, нѣкоемꙋ дивнꙋ мꙋ/жꙋ единомꙋ Бгꙋ живꙋщꙋ имене / ермонахꙋ Їѡнѣ. Иже втораѧ / правѧше мнтрѧ того, иже / и бысть сопричастникъ пре/подобномꙋ оцꙋ Александрꙋ свѣ/42/рсь_комꙋ. Бгомꙋдрыи же Фили/ппъ живѧше оу того чтнаго / старца во блгочинїи мнѡзѣ. / Ѿ него же всѧкꙋ заповѣдь, / и всѧкꙋю добродѣ_тель во сми/ренїи дша дѣлы наоучивсѧ. / Во дни оубо в трꙋдѣхъ и постѣх. / В нощи же мнѡгащи без сна пре/бываѧ молѧшесѧ. Проречѐ / же о немъ ѿ Бга дарованнымъ / пророчествомъ старецъ его: / Сей бꙋ_детъ, рече, настоѧтель / во стой обители сей. Еже и / бысть. Паки же в

посылает и там, в молчании, с послушанием, ради братии трудился. Разводя огонь и рубя дрова, он размышлял о геенском огне. Все делал он со смиренномудрием и немало дней провел в трудах. Затем переводят его в пекарню. Но и там он не предается лени, умерщвляя телесные похотения — дрова на плечах своих нося и воду таская, недосыпая и на земле отдыхая, ведая, что болезни в молодости значительно облегчают борьбу с плотью. В храме же бывал постоянно, памятуя псаломские слова царя Давида: «Увидь смирение мое и отпусти все грехи мои»[14]. И в других чернеческих трудах преуспел — и в соборном пении и в послушании всегда был первым. Верша труды свои, всеми был любим, и почитаем, и хвалили его. Он же, не желая из-за земной славы будущего царствия лишиться, с великим усердием и после основательного размышления, горя желанием безмолвия, покидает киновию и на том же острове начинает пустынножительство. Желание к желанию прилагая, и желая всегда с Богом пребывать, крайне жестокое начинает житие: известным вниманием отовсюду чувства обуздав, ум же к Богу возвысив, упражнялся в молитве и размышлял о Боге. Так свою жизнь устроил, что все бесовские козни Божиим посохом державно победил. И всенощными стояньями и слезными источниками очистив сосуд избранный, — свою душу, — достиг дарований духовных, прожив немало лет в затворе. И вот возвращается в монастырь. Терпеливо проходя киновийное житие в послушании, страдания преодолевая смиренномудрием и украшаясь многим безмолвием, и вразумляемый Божественным размышлением — каждый день представал все краше. Увидел же

магѐрницꙋ / Фили́ппъ па́стырем посы/ла́етсѧ. И҆ та́мо с молча́нїемъ / в послꙋша́нїи на бра́тїю трꙋ/ды̀ полага́етъ. Ѻ҆гнь ѹ҆бо /42об./ во҆зга́щаѧ и҆ дрова̀ сѣкі́и. Гео́/нскаго бытїе огнѧ̀ во ѹ҆мѣ̀ / си̑ помышлѧ́ѧ. И҆ всѧ̑ со сми/ренному́дрїемъ прохо́дѧ. Дні́и / же та́мо пребы́въ нема́ло, / и҆ в пеко́л_ ницꙋ ѿхо́дитъ. / Ни та́мо бо̑ разлѣне́нїе прїе́/млетъ. Тѣлеси же и҆ тѣ- ле́/снаго похотѣ́нїѧ и҆звѣ́стное / ѹ҆мерщвле́нїе. Дрова̀ ѹ҆бо на / ра́мѣ свое́мъ влеки́и и҆ во́дꙋ / носѧ, бд(е)нїемъ же и҆ на зем/ли̑ лега́нїемъ за во́зрастъ / младꙋ́ю болѣ́зни ѡ҆блегчева́ѧ. / Трꙋды ѹ҆бо ѹ҆дрꙋча́шесѧ со/_ бо́ра же не ѿлꙋча́шесѧ. На па́/мѧти и҆мѣ́ѧ псало́мское / Дв҃дово сло́во. Ви́ждь смире́/43/нїе моѐ и҆ трꙋдъ мо́й и҆ ѿпꙋсти̑ всѧ̑ / грѣхи̑ моѧ̀ и҆ про́чее же в дѣ́/лѣхъ черне́ческихъ блгоиск/ствꙋ́етъ. В собо́рномъ пѣ́/нїи і҆ в трꙋдѣхъ пе́рвыи ѡ҆брѣ́/та́шесѧ. По соверше́нїи же по/слѣ́днїи. И҆ бы́сть всѣ́ми лю/би́мъ и҆ почита́емъ и҆ хвали́мъ. / Ѻ҆н же не хотѧ̀ сла́вою земно́ю / бꙋ́дꙋщїѧ сла́вы лиши́тисѧ, / с потща́нїемъ вели́кимъ и҆ с на/де́жнымъ мдрова́нїемъ, и҆ же/ла́нїемъ безмо́лвїѧ ѿ кинові́ѧ / и҆схо́дитъ, того́ же ѡ҆стро/ва селе́нїе пꙋсты́ню лобза́етъ. / И҆ жела́нїе к жела́нїю пр҃но при/ла_ га́ѧ, и҆ Бв҃и спребыва́ти все/гда̀ жада́ѧ. Кра́йнемꙋ жесто/43об./комꙋ житїю себѐ вда́въ. И҆ / внима́нїемъ ѹ҆бо и҆звѣ́стны(х)м / ѿвсю́дꙋ чювства ѡ҆прѧ́тавъ. / К Бгꙋ же ѹ҆мъ возвы́сивъ въ / млтвѣ ѹ҆пражнѧ́шесѧ, и҆ / Бж҃ественымъ поѹ҆че́нїе Тво/рѧ. И҆ житїѐ расче́тъ до́брѣ. / Бѣсо́вскї бра_ ни, Бжїимъ / посо́бїемъ держа́внѣ побѣ́/ди. И҆ всенѡ́щными стоѧ́нь/ми і҆ и҆сто́чники слезными / дшꙋ ѡ҆чи́стивъ. Сосꙋдъ и҆збра́/нъ дарова́нїи дх҃овныхъ бы́/сть. Житїе же высоко̀ не/ма́ла лѣ́та препроводи̑, / в кино_ вїю па́ки возвраща́е/тсѧ. Терпѣли́вно ѹ҆бо по/слꙋша́нїемъ кинові́искїѧ /44/ страдбы смиренномꙋ́дрїемъ про/хо́дитъ. И҆ безмо́лвїемъ мнѡ́/гимъ ѹ҆краша́ѧсѧ, і҆ ѹ҆ма̀ / размотре́нїемъ ѹ҆добре́нъ / на всѧ́къ днь ꙗ҆влѧ́ѧсѧ.

игумен Алексей, как он превосходит всех в подвигах — удивителен разумом и рассудителен и многим украшен смирением, мужествен в делах добродетели, — и радовался о нем весьма, и помощником и соработником сделал его во многих служениях. И повелел ему заботиться о послушаниях послушников. Он же, страхом Господним ограждаясь, горячею к нему любовью разгорался, усердно исполняя его повеления. И поскольку, как сказали, во всем имел Алексей помощником блаженного Филиппа, стал он для отца настоящею рукою, посохом, старость его поддерживающим, облегчая болезнь и всякую злую печаль от него отгоняя. Отягощал тело свое церковными трудами и службами, душу же умащал учением — вниманием к Божественным словам. Воспитывал и украшал себя благими нравами. Служил же так Филипп благоразумно и богоугодно девять лет, отеческими молитвами и благословениями насыщаясь. Но Алексей, видя его совершенства, дивился и понимал, что жизнь его превосходит жизнь многих. И начал его убеждать и многих других в том, что достойно и похвально ему вместо себя игуменство принять и наставлять братий. И убеждал и умолял его, сам же из-за старости и многих трудов хотел сложить игуменство и пожить в уединении. Ибо понимал, что собралось много братии в монастыре, и потому заботился, чтобы избрали они более достойного наставника. Но дивный Филипп во всем смирением украшался — не желал начальства принимать, отказывался от власти, как от тяжести великой, — желая более повиноваться, нежели наставлять иных. Знал блаженный, что легче и удобнее для спасения быть иными наставляемым, нежели самому

Ви/дя же его игумен Алексей / тако превосходяща подвиги. / И чюд_на смысломъ и раз͗суди/телна суща и смиренïемъ оу/крашена многимъ. И му/жествена в деланïихъ до/бродетельныхъ, радоваше/ся о немъ зело. И с помощни/ка и содеинника имяше его. / Во многихъ служе_нïихъ и по/печенïихъ о началныхъ службахъ / оустрояти ему повеле. / Онъ же страхомъ Гнимъ огра/44об./жаяся тепле к нему любовïю / раз͗гарашеся заповеди его / творя оусердно. И понеже / яко же рекохомъ во всемъ име/яше Алексей споспешника / бл҃женнаго Филиппа. И тако / весь бысть отцу рука истая. / И жезлъ старость подъемлю/щïи. Болезни облегчая и вся/кую лютаго бывающую отсе/кая печаль. Тело оубо свое / отягчавая црковными тру/ды и службами. Дш҃у же оу/мащая пооуче_нïемъ Бжественныхъ глъ вниманïемъ. И / бл҃гихъ нравъ оудобренïемъ / оукрашаяся прилежно. Слу/жащу же сице Филиппу бл҃го/45/ разумне же и бг҃ооугодне / девять летъ. Млтвы же / и бл҃гословенïя отча насы-ща/яся. Но оубо Алексей тако / его превосходяща видя. / Превелïю не_кую вещь сего / житïе проразумевая ди/вляшеся. И начасте ему / гл҃аше и инемъ многимъ / се яве творяше. Яко до/стойно и бл҃гохвално ему / в себе место игуменство / прïяти. И наставляти / братïю. И сло_весы наказуя / его и моляше на сïе приводя. / Самому оуже времени ради / старости и трудовъ мно/гихъ сего отрин/ющуся, и хотя/45об./_щу особь жити. Видяше же / и многу братïю збирающу/ся. Того ради печашеся да / доблейшаго наставника и/зберетъ. Но чюдныи Фи/липпъ во всехъ смиренïемъ / оукрашаяся. Не хотяше на/чальство воспрïяти, и вла/сти отвращашеся, яко тя/готы великïя. И повинова/тися хотяше, неже наста/вляти иныхъ. Сведяше / бо бл҃женныи яко легчайше, / и оудобнейше ко спасенïю на/ставлятися от инехъ. Па/че неже самому

других наставлять. Изначала установлено — более всего таким мужам, живущим добродетельно, подобает начальствовать — многого искусства, и целомудрия, и разума требует должность эта. Если мы видим иноков, стремящихся к воздержанию, видим их благие поступки и слышим благие слова — то представляем себе их успехи. Настоятелю же подобает не только видимые, но и мысленные подвиги, внутри души совершаемые и в тайне ото всех творимые, знать. И исправлять злых, ибо, умножаясь, могут натворить немало вреда. Об этом блаженный размышляя, отказывался начальствовать, словно говоря: «Не помышляю даже недовольным быть этим святым! Разве только высшее начальство, управляющее нами, скажет обо мне, что я более других способен к этому делу?»

Но хотя и не желал чести и последним желал быть, по Божьей благодати и вопреки собственному желанию предана была ему власть. Алексей созвал иноков и поведал им, что старостию отягощен и болезнями одержим и спросил их, кого они хотят настоятелем избрать после него, чтобы он жизнью их верно руководил. Ибо ведал добрый муж, что никого иного, но Филиппа изберут. И словно все одним голосом сказали: «Нет лучше наставника, нежели Филипп, — и в жизни духовной, и разумом он богаче и во всех вещах искусен». Услышал Алексей, что все согласны, и без отлагательств передает ему власть. После всего этого блаженный Филипп уже не знал, как ему отказаться, и принимает власть. Они же возвеселились единодушно. Некии же из братии решили пойти с ним в Великий Новгород, украшавшему тогда престол премудрости слова Божия, к архиепископу Фео-

наставлѧти. / Ꙗко же и ѿ древнихъ оуставлено бысть. Но и паче же та/46/ковымъ мужемъ иже в добро/дѣтели живущихъ во мнозѣ / чювствѣ начальствовати / подобаетъ. И многа искус/тва и цѣломудрїѧ и разума / требуетъ. Мы оубо аще о / воздержанїи тщащася ино/ки видимъ, и дѣла и словеса / ихъ блгаѧ в предспѣѧнїе пола/гаемъ. Истино же не токмо / сїѧ но и мысленныѧ подвиги, / ѧже внутрь дши бываемыѧ / и в сокровне творимыѧ, по/добаетъ престателю испы/товати, и исправлѧти. / Сїѧ оубо злаѧ аще оумножа/тся, болше могутъ пако/сть сотворити. Сїѧ же оубо /46об./ величество блженн(ыи) размы/шлѧѧ. Начальства ѿрицаше/ся, ѧко же рѣхомъ, не мнѣ/ти же недовольна суща к сему / стаго. Ꙗко и вышше сего до/бре начальство правѧ. Впред / идыи слово обьѧвитъ. Кто / бо оного вящше тогда к таково/му дѣлу. Но понеже не хотѧ/ше коснутися чести, и в по/слѣднихъ изволяше быти. / Бжїею же блгодатїю и не хотѧ/щу ему предана бываетъ вла/сть. Вся оубо Алексѣй иноки / созва старостїю пре(к)лонена, / и недугомъ одержима себе по/вѣда. И вопрошаетъ ихъ, / кого изволѧтъ настоѧтеля /47/ себѣ по немъ. И кто житїе / ихъ блгооуправлено окормл/лѧетъ, свѣдѧше бо доб(ь)/лїи ѧко не на иного кого но / на Филиппа избранїе возло/жатъ. И ѧко оубо единемъ / гласомъ вси рѣша, не быти / лучши Филиппа к наставле/нїю. Иже житїемъ и разу/момъ преимуща. И о всѣхъ / вещех искусна суща. Слыша/в же оубо Алексѣй ѧко вси / согласишася на се. И нима/ло ѿложивъ прочее поруча/етъ ему власть. Сим же / всѣмъ не имѣѧ како проти/витися блженныи Филиппъ, / и нехотѧ прїемлетъ власть. /47об./ Они же возве(селиша)ся едино/дшно. Нѣцыи же ѿ братїи / потщашася с ним ити. В Великїи / Новъградъ. Оукрашающу / бо тогда пртолъ премудро/сти Бжїѧ слова

досию. Христовою же благодатию безбедно прошли через моря и реки и достигли Великого Новгорода. Посланные же иноки пришли к архиепископу и отдали ему послание игумена и братии и говорят: «Владыка святой! Молит тебя собор Соловецкой обители, да поставишь нам игумена, посланного с нами монаха Филиппа». Архиепископ же спросил: «Почему его не вижу?» А он и прежде, чем увидел его, знал, каков он. Святой же пришел, сподобился святительского благословения и был собеседником божественных слов. И на вопросы благоразумно все по порядку отвечал. Святитель же, видя, что он во всем искусен и может пасти словесное стадо, во время Божественного таинства освятил его саном игумена и передал братии, сказав: «Это отец ваш! Храните его как образ Христов! И со всяким послушанием повинуйтесь ему!» Одарил же и отпустил их с миром. Так же и многие христолюбцы дали монастырю богатую милостыню.

Итак, изобилуя всем, возвратились в монастырь. Узнали же в монастыре о прибытии его. Бывший игумен Алексей и все иноки вышли навстречу ему и честно восприняли от него благословение и вошли в храм и сотворили ектенью за православного царя. И чтобы все было прекрасно, подает им послание архиепископа и был возведен на место игуменское и, довольно поучив их, повелел иереям и диаконам готовится к Божественной службе. Сам Таинство совершает и причащается Тела и Крови Христа, Бога нашего. Также и вся братия причащается из рук его. И видели лицо его, словно лик ангела. Преподобный же Филипп, хотя и принял старейшинство, но еще более предавался духовным подвигам и обременял себя многими телесными трудами, стремясь к лучшему.

а̓рхїеп҇пꙋ / Феѡ̓до́сїю. Хв҃ою же бл҃года́/тїю стро́инѣ ше́ствова(Т)хꙋ / пꙋ́ть по́ морю и̓ по рѣка́мъ. / И̓ достиза́ютъ Вели́каго Но/ва̀гра́да. По́сланїи же и̓но/цы пришедше ко а̓рхїеп҇пꙋ. / И̓ вдаи̓ и̓гꙋменьское / и̓ бра́тїи писа́нїе. И̓ реко́ша: / Вл҃дыко ст҃ыи мо́литъ тѧ̑ со/бо́ръ Соловецкїѧ ѡ̓би́тели. / Да поста́виши на́мъ и̓гꙋме/на, по́сланнаго с на́ми мо/на́ха Фили́ппа. А̓рхїеп҇пъ же /48/ речѐ: Почто̀ е̓го̀ не ви́жꙋ. Бѣ / бо̑ е̓мꙋ и̓ пре́же при_ше́ствїѧ е̓го̀ / вѣ́домо како́въ бѣ. Ѿто́мꙋ / же прише́дшꙋ, бл҃гослове́нїю / ст҃льскомꙋ сподоблѧ́етсѧ, / и̓ собесѣ́дникъ Бж҃е́ственыхъ / слове́съ быва́етъ. И̓ по во/проше́нїю бл҃гора́зсꙋдне по́/рѧдꙋ всѧ̑ сказꙋ́етъ. Ст҃ль / же видѧ е̓го̀ ꙗ̓ко и̓скꙋ́сна сꙋ/ща и̓ могꙋ́ща па́ствити сло/сное ста́до. И̓ во̀ времѧ Бж҃е́/ственаго таи́нства. Ѡ̓ст҃и / е̓го̀ сщ҃е́нїѧ и̓гꙋменства са́/момъ. И̓ преда́стъ е̓го̀ бра́/тїи и̓ речѐ: Се̑ ѻ҇ц҃ъ ва́шъ. / И̓мѣ́йте е̓го̀ во Хв҃ъ ѡ̓бра́зъ, / и̓ со всѧ́кимъ послꙋша́нїемъ /48об./ покарѧ́йтесѧ е̓мꙋ. Ѡ̓дари́в же / е̓го̀ и̓ ѿпꙋстѝ с ми́ромъ. Та́же / и̓ мнѡ́зи хрт҃олю́бцы да́ша / мн҃трю̀ дово́лнꙋ мл҃тыню. / И̓ та́ко ѡ̓би́лнѣ́йши всѣ́мъ / в мн҃ты́рь воз_враща́етсѧ. / Ѹ̓вѣ́дѣвше же в мн҃трѣ при/ше́ствїе е̓го̀ бы́вшїи же и̓гꙋ/менъ А̓лексѣ́й и̓ вси̑ и̓ноцы. / И̓зыдо́ша во срѣ́тенїе е̓го̀. / И̓ че́стнѣ воспрїе́млютъ ѿ / него̀ бл҃гослове́нїе. И̓ внидо́/ша во црк҃овь, и̓ со_твори́въ / е̓кте́нїю за правосла́внаго цр҃ѧ, / и̓ ꙗ̓ко же лѣ́по. И̓ да́стъ и̓мъ / писа́нїе ѿ а̓рхїеп҇па. И̓ возве/денъ бы́сть на мѣ́сто и̓гꙋ/меньское. И̓ по_ѹ̓чи́въ и̓хъ /49/ дово́лно и̓ повелѣ́въ їерѣ́ѡмъ / и̓ дїѧ́кономъ гото́витисѧ къ / Бж҃е́ственнѣй слꙋ́жбѣ. И̓ са́/мъ та́иньствꙋ каса́етсѧ. / И̓ причасти́_сѧ тѣ́лꙋ и̓ кро́ви / Ха҃ Бг҃а на́шего. Та́же и̓ всѧ̑ бра́/тїѧ причасти́шасѧ ѿ рꙋ́кѝ е̓го̀, / и̓ ви́дѣша лицѐ е̓го̀ ꙗ̓ко лицѐ / а̓гг҃лово. Прпд҃бныи же Фи_ли́/ппъ а̓ще и̓ старѣ́йшинство / прїе́мъ. Но̀ болма̀ простира́/ѧсѧ на дх҃ов_ныи по́двигъ. И̓ / мнѡжа́е тѣле́снымъ себѐ въ/дава́ше трꙋдо́мъ, подви_

И так прошло немало лет, и он преуспел в стяжании добродетелей. И видя, как его почитают и восхваляют, он все это почитал за тщету, от юных лет украшаясь смирением и любя безмолвие. Задумал он вновь предаться безмолвию, нежели человеческими похвалами услаждаться. И оставляет игуменство, сложив с себя все обязанности. Как говорит псалмопевец Давид: «Далеко удалился бы я, и оставался бы в пустыне, поспешил бы укрыться от вихря, от бури»[15]. Братия же, собравшись на совет, возводит прежнего игумена Алексея на игуменство. Алексей же против свой воли повинуется братии и по благословению святителя принимает старейшинство.

Блаженный же Филипп, желая совершенно уединиться, посетил древний храм и ушел в пустыню, словно любовник возлюбя безмолвие. В монастырь же приходил лишь в тех случаях, когда желал причаститься Тела и Крови Христа, Бога нашего. Алексей же, управляя монастырем полтора года, тяжко заболел по Божьему усмотрению. Призывает же всю во Христе братию и повелевает и Филиппу из пустыни придти и говорит им о своем отхождении ко Господу. «Я, — говорит, — о чада, путем отцев своих иду. Вы же изберите себе отца по вашему желанию». И преподав всем мир, в руки Божии дух свой предает. Дивный Филипп и весь сонм священного притча, сотворив над телом отца положенные псалмы, с песнопениями и со многими свечами к могиле проводив, честно погребли его рядом с отцами обители. И все иноки, созвав благой совет, начали умолять Филиппа, чтобы он старейшинствовал над ними и руководил их жизнью. Он же, не посмев ослушаться их молений, нехотя повинуется и по благословению святителя принимает начальство-

за́/ѧсѧ на лꙋ́чшее. И҆ та́ко пре/минꙋ̀ лѣ́та нема́ла, мѣ́ра / добродѣ́те_лемъ ꙗ҆ви́сѧ и҆скꙋ/сна. И҆ сегѡ̀ ра́ди хвали́ма. /49об./ И҆ почита́ема себѐ ѿ всѣ́хъ ви́дѧ. / И҆ сїѧ̀ себѣ̀ вмѣнѧ́ше тщетꙋ̀. / Ѿ ю҆ности бо смире́нїемъ ѹ҆/краше́нъ, и҆ безмо́лвїе любѧ̀. / Лꙋ́чше бы́ти помы́сли в си́хъ / на_слажда́тисѧ, не́же чл҃че/скими взима́тисѧ хвала́/ми. И҆ та́ко и҆гꙋ́менство ѡ҆/ставлѧ́етъ. Ѹ҆праздни́те / бо сѧ речѐ и҆ разꙋмѣ́йте. По / ѱалмопѣ́вцꙋ Дв҃дꙋ: Се ѹ҆да́ли/хсѧ бѣ́гаѧ и҆ водвори́хсѧ в пꙋ/сты́ни, ча́ѧхъ Бг҃а спаса́ющагѡ / мѧ̀. Бра́тїѧ же совѣ́тъ со/тво́рше. Пре́же бы́вшаго / и҆гꙋ́мена А҆лексѣ́ѧ возво́дѧт / на и҆гꙋ́менство. А҆лексѣ́ю же / и҆ не хотѧ́щꙋ повинꙋ_етсѧ бра́тїи. /50/ И҆ по бл҃гослове́нїю ст҃лѧ воспрїе́/млетъ старѣ́йшиньство. / Бл҃же́нныи же Фили́ппъ е҆ди́нъ / е҆ди́номꙋ ѹ҆едини́тисѧ вожде/лѣ̀. Дре́внѧго селе́нїѧ посѣ/ще́нїе сотворѝ. В пꙋсты́ню / ѿхо́дитъ, ꙗ҆́ко лю_бовенъ / безмо́лвїе любѧ̀. В мн҃тырь / ѹ҆бо прихо́дѧ е҆гда̀ хотѧ́ше / ком_ка́ти тѣ́ла и҆ кро́ви Хв҃а Бг҃а / на́шего. А҆лексѣ́ю же нача́ль/ствꙋющꙋ лѣ́то е҆ди́но и҆ по́лъ, / и҆ по Бж҃їю сꙋдꙋ̀ впадѐ в тѣ́лесны / недꙋ́гъ. Призыва́етъ же / всю̀ ѡ҆ Хѣ̀ бра́тїю. И҆ повелѣ́/ваетъ и҆ Фили́ппꙋ и҆с пꙋсты́/ни прїитѝ. І҆ и҆сповѣ́даетъ / и҆мъ своѐ ко́ Гꙋ ѿхожде́нїе. /50об./ А҆зъ ѹ҆бо, речѐ, ѡ҆ ча́да в пꙋ́ть ѿц҃ъ / свои́хъ градꙋ̀. Вы́ же и҆збе/ри́те себѣ̀ ѿц҃а кого̀ хо́щете. И҆ / ми́ръ всѣ́мъ да́въ. И҆ в рꙋ́це / Бж҃їи дх҃ъ сво́й преда́стъ. / Сотворѝ ѹ҆бо над тѣ́ломъ / ѿц҃а ди́вныи Фили́ппъ. И҆ вес / со́нмъ сщ҃е́ннаго при́чта, / взако́ненаѧ. И҆ со ѱалмы̀ / и҆ пѣ́сньмѝ и҆ со свѣща́ми / мнѡ_гими ко́ гробꙋ̀ проводи́/ша чтнѣ̀ и҆ погребо́ша е҆го̀ со / ѿц҃ы. Та́же и҆нѡцы всѣ̀ со/твори́ша совѣ́тъ бл҃гъ. На/ча́ша моли́ти Фили́ппа да / старѣ́й_шиньствꙋетъ над / ни́ми. І҆ ѡ҆кормлѧ́етъ до́бре / живо́тъ и҆хъ. О҆нъ же не мо/51/гїи ѡ҆слꙋ́шатисѧ моле́нїѧ и҆хъ. / И҆ нехотѧ̀ повинꙋетъсѧ. И҆ по / ст҃льскомꙋ бл҃гослове́нїю нача́/льствꙋ каса́етсѧ. Нача́ль/ство ѹ҆бо чю́дныи

6 — 1384

вание. Принял дивный муж начальствование и еще большие подвиги показал, всем себя являя как образец для подражания. Еще больших и совершеннейших добродетелей достиг, как я выше говорил. Вооружился постом, чтобы страсти плотские духу молитвою покорить. Каждый день собеседником Богу был. Более же всего смирение стяжал. Добродетели и немалое трудолюбие являл им каждый день. Иноки, видя его таковым, радовались и великую хвалу Христу Богу воссылали — что такого благодатного пастыря Бог им даровал. Богомудрый же Филипп немало лет управлял ими.

Так же совещается с иноками о деле благом — чтобы выстроить каменный храм драгоценного Успения Пречистой Богородицы. Они же отвечали ему: «О отче! Вдохновивший на это дело Бог может и в строительстве помочь. Истинная весть способна сердца на дело подвигнуть. А мы желанию твоему покоряемся. Не может неправда исходить от Бога, но Сам Он на сердца взирает и то, что просят, — подает». Он же, услышав совет их, радостию исполнился, поскольку надежда не подводит, но более всего Бога на помощь призывая и Его Родившую Заступницу всего мира, а также угодников и ктиторов этой киновии — преподобных отцов Зосиму и Савватия. Вызвали мастеров из Новгорода, искусно созидающих храмы, — сам в этом на деле убедился с братиею, — прекрасный воздвигли храм в похвалу Божией Матери, рядом же с ним и святому Иоанну Предтече храм пристроил. Присоединил же и огромную трапезную — внутри двенадцать сажень и одностолпную. Особо же и другие многие строения, имеющие благостройный вид, воздвиг для монастырских нужд. Словно трудолюбивая пчела, собирая с различных цветов нектар и наполняя свои многочислен-

прїемъ. / Болшая подвиги показуетъ. / Всемъ образъ себе полагаетъ. / На болшая и совершенныя до/бродетели восходитъ. / Яко же и выше назнаменахъ. / Постомъ бо вооружився. / Да страсти плотьскiя дхо/ви покоритъ. Млтвою же / на всякъ днь собеседникъ / Бгу бываетъ. Смиренiемъ же / преизлиха превосходя. До/бродетельми же и трудо/любiемъ мнωгимъ на всякъ /51об./ днь iавляяся. Видяху же / его инωцы сице пребывающа / радовахуся зело. Хвалу / Ху Бгу возсылающе. Яко та/кова блгодатна пастыря / имъ дарова. Бгомудрын / же Филиппъ тако правя / лета немала препроводи. / Таже совещавае советъ блгъ со иноки. / Еже поставити црквь ка/менну пречтыя Бцы чтна/го ея оуспенiя. Они же отве/щаша глаху: о ωче иже ти / известивыи о семъ Бгъ. / Можетъ тя и на дело оубе/дити. Весть оубо войсти/нну весть оуготованная / срдца на дело его мы оубо во/52/ли твоей покаряемся. Что оубо / е(г)да неправда ω Бга но несть. / Самъ бо на срдце зритъ. Симъ и / прошленiе даетъ. Он же слышав / советъ ихъ, радости исполни/ся, еже надежи непогреши. / Обаче же Бга в помощь призывая, / и его рождьшую всего мира засту/пницу. Паки же и оугодникъ ихъ / ктиторъ киновiи сея прпдбных / ωцъ Зосиму и Саватiя. Масте/ровъ оубо ω Новагорода прiемъ. / Хитре зиждущихъ церкви. / Самъ бо на дело оубедися нз / братiею. Красну воздвиже / црквь в похвалу Бжiи мтри. / Ту же и стому прдтчи Иоанну / храмъ пригради. Присовоку/52об./пи же и трапезу велику имущ(у) / внутрь юду саженъ вi едино/столпну же сущу. Особь же и / ины мнωгiя службы ω основа/нiя имуще, блгостройны / бо бяху в потребу мнтрьскую. / Яко же трудолюбива пчела / ω различныхъ цветовъ со/бирая сладость, оукрашая / и напояваяя своя мнωгочи/сленыя камары. Не ту не бо / пода

6*

ные кладовые. Но не для тех, кто хотел бы полакомиться сладостью сотов, не для тех, кто не возлюбил чернеческого труда, стремясь примкнуть к пастве пастыря сего, не для тех, кто хотел только брать. Но для тех, кто хотел со отцом страдать, уподобляясь тем чернецам, которые в поте лица своего едят хлеб. Вспоминая слова блаженного апостола Павла, напоминал: «Ни хлеба даром не ели ни у кого, но в труде и изнурении ночью и днем работали, чтобы не обременить кого из вас» [16].

Захотел он, чтобы остров этот трудами его украсился. А если мы о трудах его умолчим, то они сами объявят о себе — ибо горы великие прокопал, долины избороздил, воду из озера в озеро направил, к двадцати озерам пятьдесят озер и два ручья присоединил и под монастырь в озеро из озера воду провел, водопровод в обители устроил, жернова и мельницу для удобства братии соорудил. А в самом расширяющемся монастыре для хозяйственных нужд палаты построил с двухскатными и трехскатными кровлями для хранения монастырских запасов. Поскольку боголюбивая душа — отец добродетелям, пустынный ктитор не желал без подвига жить. А если наступало оскудение, то уповал всегда на милость Божию и Пречистой Его Матери, призывая в помощь начальников Зосиму и Савватия, чтобы помогли делу — воздвигнуть величайший храм из кирпича во имя Преображения Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа в том месте, где увидал луч светлого сияния Божества, наставник и отец, водитель и чудотворец, преподобный Зосима. И открыл братьям замысел свой от Бога о воздвижении храма. Они же, услышав, пребывали в недоумении, но не смели препятствовать благой его заботе. Тихо ответствовали и кротко говорили, приводя слово из самого Писания:

вая хотящему взяти / сладость сота. Ниже путь / чернечества труда не возлю/бившимъ, к паствѣ па/стыря сего прибѣгати. / Не ту не во приходящая прї/имаше. Но яко спострадати /53/ отцу хотяше, сихъ и чернечеству / сподобляше. Тако бо всегда / в потѣ лица своего снѣдаше / хлѣбъ свой. Помнинā же бла/женнаго апла Павла глюща: / Ту не хлѣба не ядохъ. Но ру/це мои послужисте мнѣ и сущим / со мною. Дѣлати бо рукама / своима самъ восхотѣ. Самын / бо отокъ красится его тру/ды. Аще мы умолчимъ, то / дѣла его явлены творятъ. Горы бо / великїя прокопа, і юдолїя избра/зди, и воду тещи ѿ езера во е/зеро претвори. К двадесяты / бо пятьдесятъ езеромъ число / и два источника сотвори, и по / мнтырь во езеро приведе. Ѿ езера ж /53об./ воду испусти. Внутрь кино/вiи проведе. Толчею же и мелею / ко упокоенїю братскому со/твори. Мнтрю убо распрос/траняющуся изобильством / потребнымъ. Полаты блго/стройны содѣла. Двое кров/ны и троекровны, в сюблюде/нїе мнтырьских потребъ. / Что убо бголюбивая дша она. / Иже добродѣтелемъ отцъ кти/торъ пустынныи. Не хотя / без сподвига быти. Аще иску/дѣнїе имущи. Но на мать Бжїю / уповая и пречтыя его мтре. / Призываетъ же в помощь на/чальниковь Зосиму и Саватїя, / еже пособьствовати на дѣло. /54/ Яко воздвигнути величайшую / црквь плинфотворну, бго/лѣпное преображенїе Га Бга и / Спса нашего Іса Ха. Идѣже ви/дѣ лучю пресвѣтлаго осїянїя / Бжества руководитель і отцъ, / наставникъ же і чюдотво/рецъ пренбныи Зосима. І ѿ/крываетъ ко братїи слово / еже мысли своея къ Бгу. О / воздвиженiи церкви. Они / же слышавше, недоумѣнїем / покровени быша. Но не смѣя/ху препяти добраго его ра/ченїя. Тихо простирающе / бесѣду кротце глаху. Самыя / истины приводяще глюще / слово. Аще хощетъ кто стоаптъ

«Ибо кто из вас, желая построить башню, не сядет прежде и не вычислит издержек : может ли он довести до конца? Чтобы, когда он положит основание и не будет в силах завершить, все видящие не стали бы смеяться над ним»[17]. О, отче, в обители мало средств и великое оскудение, городов рядом нет, откуда возьмешь золото для возведения храма?» Он же, отвечая, сказал: «О братья! Твердо следует уповать нам на Бога. Если угодно будет Ему начинание наше, невидимо подаст нам от неисчерпаемых Своих сокровищ для построения дома Святого имени Его». Они же, правда нехотя, но покорились наставнику своему и просили прощения за обвинения свои и говорили: «Все, чего не попросишь у Бога, даст тебе Бог».

Он же вновь обратился к делу, собрал искусных мастеров[18] и сам руководил и руками своими участвовал в возведении храма, братиям во всем пример показывая, искусные дела творя[19]. Прекрасный храм во славу Христа Бога нашего воздвиг, присоединил и другой — во имя преподобных отцов Зосимы и Савватия и архистратига Михаила с одной стороны и еще других четыре на верху храма воздвиг[20] — посвященные двенадцати и семидесяти апостолам, а также преподобному Иоанну Лествичнику и Феодору Стратилату. Храмы же иконами украсил и книгами. Словно невесту, ризами, паволоками и дорогими сосудами и златокованными подсвечниками и паникадилами, которые и до сих пор можно увидеть. На северной же стороне того храма и место для себя избрал, где позже почивали честные его мощи, перенесенные сюда после заточения. В то же время благодатиею Божией вера христианская весьма расцветала во всяком благочинии и распространялась больше прежнего. Тогда покорил Господь благородному нашему царю противников

/54об./ зда́тисѧ не пре́жде ли се́дъ / разочте́тъ и̂ме́н(н)їѧ. И̂ а̂ще / и̂мать е̂же е̂сть на соверше́нїе. / Да не егда̀ положи́тъ ѡ̂снова́нїе, / (и̂ не) возмо́жетъ соверши́ти. / И̂ вси ви́дѧщеи начнꙋ́тъ рꙋ/гатисѧ. Ѿ ѿче, недоста́т'/комъ в киновíи сꙋ́ще. И̂ ѡ̂скꙋ/дѣ́нїю вели́кꙋ. Градово́мъ / не прилежа́щимъ. Ѿкꙋдꙋ / и̂маши зла́то на воздви́же/нїе великїѧ цр҃кви. Ѡ̂нъ же / ѿвѣща́въ гл҃ѧ: Ѿ бра́тїе. / Тве́рдо бо̂ е̂сть е̂же ѹ̂пова́ти / на́ Бг҃а. А̂ще ѹ̂го́дно е̂мꙋ бꙋ/детъ дѣ́ло се̂. Неви́димо и̂/мать на́мъ пода́ти ѿ неѡ̂скꙋ/дныхъ е̂гѡ̀ сокро́вищь. Е̂же /55/ на воздви́женїе до́мꙋ ст҃аго и̂/мени е̂гѡ̀. Ѡ̂ни́ же а̂ще и̂ не хотѧ/ще. Но̂ покарѧ́ющесѧ наста́в'/никꙋ своѐмꙋ и̂ проще́нїѧ проса/ще препѧ́тїю своѐмꙋ, и̂ гл҃ахꙋ. / Всѧ̀ бо̂ е̂же про́сиши ѹ̂ Бг҃а дастъ / ти̂ Бг҃ъ. Ѡ̂нъ же па́ки дѣ́лꙋ / каса́етсѧ. Масте_ ро́въ ѹ̂бо / собра̀ хꙋдо́жных и̂мꙋ́щихъ ра́/зꙋмъ. Вѧ́щаѧ же собо́ю на_ ве/рша́ѧ. И̂ каса́тисѧ дла́нма / свои́ма зда́нїю и̂сполнѧ́ше. / Бра́тїи же во вс'ѣ́мъ собо́ю ѡ̂/бразъ показова́ше, и̂ дѣ́лꙋ / хꙋдо́жны сотворѧ́ѧ. Красе̂н / бо̂ в сла́вꙋ Хр҃а Бг҃а на́шего хра́мъ / воздви́же. Присовокꙋпи́ же / и̂ и̂нꙋ цр҃ковь во̀ и̂мѧ пр҃пдбныхъ /55об./ ѿц҃ъ Зоси́мы и̂ Савватїѧ. И̂ а̂рхи/стра_ ти́гꙋ Миха́илꙋ ѡ̂б о́нꙋ сТра/нꙋ. И̂ и̂ныхъ четы́ре на высо/тѣ̀ хра́ма соградѝ. Два на́десѧ/ти́мъ бо̂ а̂п҃ломъ, и̂ седми/десѧ́тимъ. Пр҃пдбномꙋ́ же лѣ́ствичникꙋ і̂/ѡа́ннꙋ. И̂ стратила́тꙋ Ѳео́/дорꙋ. И̂кѡ́нами же ѹ̂красѝ и̂ / книга́ми ꙗ̂ко невѣ́стꙋ. Ри́за/ми же и̂ па́во(ка)локами драги́ми. / Сосꙋ_ дами и̂ подсвѣ́щники злато/кова́нными и̂ канди́лы. Ꙗ̂ко / же и̂ во ѻ̂чїю на́шею нн҃ѣ зри́тсѧ. Ѿ / страны́ же сѣ́верныѧ тоѧ̀ же / цр҃кви. И̂ гро́бъ себѣ̀ возлю/бѝ, и̂дѣ́же лежа́ли чт҃ныѧ / е̂гѡ̀ мо́щи, ѿ заточе́нїѧ пре/не_ сены̀. В та́ же времѧ на̀ бл҃го/56/да́тїю Бж҃їею вѣ́ра хрт҃їѧ́скаѧ / ѕѣлѡ̀ цвѣ́тꙋщи во всѧ́ком' / бл҃гочи́нїи всю́дꙋ. И̂ распро/странѧ́шесѧ свы́ше- пре́ж'/нѧгѡ. Тогда̀ ѹ̂бо покорѝ / Гд҃ь бл҃горо́дномꙋ цр҃ю на́ше/мꙋ проти́вныѧ

его и от страха оцепенели иноземцы, а цари их и князья припадали с молением. И многие царства подчинил он себе [21]. Тогда правящий на престоле русской патриархии блаженный и присноопоминаемый митрополит Макарий [22] достиг преклонных лет и преложился ко отцам своим в вечное блаженство. Царь же и весь народ весьма печалились о нем, а на место его возвели митрополита всея Руси Афанасия и заповедали ему пасти и блюсти Церковь по Христовым заповедям и согласно правилам Святых отцов. Он же, пробыв на престоле только год, сам оставляет его. Благородный же царь и великий князь всея Руси Иван Васильевич немало размышлял — как на такое великое начальство, на апостольский престол возвести непорочного и праведного архиерея. И не могли обрести такового, а если некоторые и покушались на это место, то не благоволил к ним Бог.

О возведении на святительский престол Филиппа

Благодатию же Агнца Божия, Который соблаговолил Церковь Свою утвердить и от мятежей соблюсти, дарует Ей такого пастыря. Вразумляется православный царь и великий князь всея России Иван Васильевич и обретает в дальних местах, на краю вселенной, в предреченной Соловецкой обители блаженного и приснопамятного игумена Филиппа. Держит благой совет со всем Освященным Собором и со своим царским синклитом. И всем угодно было таковое царское избрание, но более — Божие изволение, как говорит Божественное Писание: «Сердце царя в руке Божией» [23]. Благоразумный совет свой, подвизаемый Богом, царь вскоре украшает и делом — достигает Соловков издалека любовными крылья-

сопостаТы. / Ѝ ино́ꙗзы́чницы ѿ страха ѻ/цепене́ша, а̂ цари̂ и҆х ѝ кнѧ/зи с моле́нїемъ припадо́ша. / Ѝ мнѡ́гїѧ цр̑тва по свою де/ржа́вꙋ приведѐ. Пра́вѧщꙋ / оу҆бо пр̑то́лъ рꙋ́скїѧ патрїѧ/рхїѧ, бл҃же́нномꙋ ѝ пр̑нопо́/мнимомꙋ митрополи́тꙋ / Мака́рїю, ста́рости масти́/ти дости́гшꙋ. Ѝ преложи́сѧ / ко ѿцемъ своимъ в ве́чное /56об./ бл҃же́нство. Бл҃гоче́сти́во/мꙋ же црю ѻ не́мъ жа́лостнѣ / слезѧ́щꙋ, ѝ всемꙋ наро́дꙋ. / А̂ на е҆го̀ ме́сто з Бж҃їею по́/мощїю во̑зведѐ митрополи́/та всеѧ̀ Росїи А҆фана́сїѧ. Ѝ за/пове́да е̂мꙋ па́сти ѝ блюсТи / це́рковь по Хв҃ѣ за́пове́ди, / ѝ по пра́виломъ ст҃ы́хъ ѿцъ. / Ѻ̂номꙋ же бы́вшꙋ е҆ди́но лѣ́/то. І̂ ѻ̂ста́ви (са́)мъ е҆п̑пъсТво. / Ѻ̂ се́мъ оу҆бо бл҃горо́днаго црѧ / ѝ вели́каго кнѧзѧ И҆ва́нна / Васильевича всеѧ̀ Росїи бы́/вшꙋ взыска́нїю мнѡ́гꙋ, / е̂же бы в таково́е вели́кое на/ча́льство на а̂п̑льскїи пре/сто́лъ, возвестѝ а̂рхїе́рѣ́ѧ /57/ непоро́чна ѝ пра́ведна. Ѝ н(а́)ника́/коже ѻ̂брѣто́ша. Ѝ а̂ще кото́рыѧ ѝ поꙗꙋша́хꙋсѧ, но̂ не бл҃го/волѝ Бг҃ъ.

О воз(д)веде́нїи / на сто́лъ ст҃льскїи Фили́ппа. /

Бл҃года́тїю же а̂гньца Бж҃їѧ ѝ/же бл҃говолѝ свою́ це́рковь оу҆/тверди́ти ѝ немѧте́жнꙋ / соблюстѝ. То́й (...) такова́/го бл҃года́тнаго па́стырѧ да́/рꙋетъ. Вразꙋмлѧ́етсѧ пра/восла́вныи црь ѝ вели́кїи кнзь / И҆ва́нъ Васильевичь всеѧ̀ Росїи. / Ꙗ̂ще ѝ в да́льныхъ мѣ́стѣхъ / кра́й вселе́нныѧ пре́дрече́ныѧ / Соловецкїѧ ѻ̂би́тели. Бл҃же́/ннаго ѝ пр̑нопа́мѧтнаго и҆/гꙋмена Фили́ппа. Совѣ́тъ / бл҃гъ совѣ́щева́етъ со все́мъ /57об./ ѻ̂ст҃е́нными́мъ собо́ромъ, ѝ з сво/и́мъ црьскимъ синки́томъ. / Ѝ в се́мъ го́дѣ бы́сть тако/во̀ цр̑кое и҆збра́нїе. Но ѝ па́че / же Бж҃їе и҆зволе́нїе. Ꙗ̂ко же ре/чѐ Бж҃е́ственое Писа́нїе. Срдцѣ / цре́во в рꙋ́цѣ Бж҃їи. То́й же / Бг҃омъ подвиза́емъ, бл҃гора/зꙋ́мныи совѣ́тъ сво́й вско́/рѣ црь оу҆краша́етъ ѝ дѣ́ле/сы соверша́етъ. И҆здале́ча / любо́вными кри́лы̀ досѧза́ет. / Вско́рѣ на

ми. Посылает свое царское послание с великим утешительством игумену Филиппу — повелевает ему прибыть вскоре в свой царствующий город ради духовного совета, дабы все благоустроить. И как только блаженный получил послание, собрал всех иноков и поведал им о царском послании и о своем ко царствующему городу отшествии. Братия же, услышав все это, пребывала в великой скорби, поскольку внезапно лишались пастыря и благодатного питателя. Он же утешал их, говоря, что и сам жалостию снедаем, не хочет разлучаться с ними. Но и царского повеления не в силах преступить, сказал: «Возверзите на Господа печаль свою и на Пречистую Богородицу — те будут питать вас. И на помощь призывайте преподобных и богоносных отцов наших — Зосиму и Савватия». И поучив их немало о душевном спасении и о монастырском предании, отслужил Божественную литургию. Причастившись Тела и Крови Христа Бога нашего, также и всю братию причастив, после обильной трапезы отправился в царствущий город Москву. Когда же он подошел к великому Новгороду за три поприща, граждане, узнав о его приходе, вышли с младенцами ему навстречу, словно победителю принеся дары. С умилением припадая к нему, просили его: «Блаженный! Ходатайствуй перед царем о городе и о нас! Защити свое отечество, поскольку достиг нас слух, что царь гневается на город наш»[24]. Когда же он вошел в город, то был любезно принят управителем. Пробыв же в Новгороде немного, отправляется к царствующему городу.

Достигает вскоре царствующего города Москвы. Быстро было возвещено благоверному царю о его прибытии. Царь же повелел его встречать с великими почестями. Блаженный же Филипп царем благочестно был

Соловки посылаетъ / свое црское писанїе, с великим / оутѣшительствомъ игу/мену Филиппу. Повелѣва/етъ ему быти вскорѣ къ сво/ему цртву_ющему граду, духовна(го) /58/ ради совѣта ко исправленїю. И / яко же посланїе блженный прїем. / Собираетъ иноки вся и повѣ/даетъ имъ црское писанїе, и / свое къ цртвующему граду / шшествїе. Братїя же слыша/вше, в скорби велицѣ бывъ/ше. Пастыря и благодатна / питате_ля внезапу шяти / бывше. Он же оутѣшаше ихъ / гля. Сам же жа_лостїю снѣда/шеся, разлучитися не хотя/ше, црскаго же повелѣнїя / ос_лушатися не можаше. Во/зверзите рече на Гда печаль / свою и на пречтую Бцу, той / препитаетъ васъ. И на по/мощь призывайте прпдбных /58об./ и бгоносныхъ шцъ нашихъ Зо/симу и Саватїя. И по_оучивъ / ихъ довольно ѡ душевномъ спа/сенїи. И о мнтырьскомъ пре/да_нїи. Литоргисав же самъ / Бжественую службу, и при/частися тѣлу и крови Ха Бга / нашего. Тако же и всю бра/тїю причасти. И после тра/_пезнаго насыщенїя. Начи/наетѣ путь шествовати / к цртвующему граду Москвѣ. / Достизающу же ему Великїи / Новъградъ за три поприща. / Граждане же оувѣдѣвше / приходъ его, и со младенцы / во срѣтенїе изыдоша, яко / побѣдителю дары носяще. /59/ Оумилне припадающе глаголаху. / Ходатайствуй блженне ко / црю, о граде и о насъ. Засту/_пай свое шчество. Оуже бо слу/ху належащу, яко црь гнѣвъ / держитъ на градъ той. При/шедшу же ему во градъ. Августалїемъ любезно прїятъ / бываетъ. Пребыв же в немъ / днїи мало, паки къ цртвую/ще_му град пути емлется. Дости/заетъ оубо цртвующаго гра/да Москвы стройно. И возве/щено бысть о приходѣ его / благовѣрному црю. Црь же по/вѣлѣ его срѣсти с великою по/честїю. Блженный же Фили/ппъ цремъ благочтнѣ прїемлем /59об./ бываетъ. И его црьстѣй Тра/пезѣ собесѣдникъ

принят и собеседником приглашен на царскую трапезу и многими дарами был обогащен. Царь же, обрадованный его светлым пришествием, начинает после трапезы мысли свои о его звании высказывать и любезными словами увещевать. И говорит словами Божественного Писания: «Вдовствующая соборная Церковь Русской митрополии нуждается в утешном пастыре и наставнике, а такого не обретает. И ныне, по нашему совету, более же всего — Священного собора — благодатию Божиею избран ты!» Голос царя единодушно поддержал весь Освященный собор, и князья, и бояре: «Достоин, — говорили, — украшать престол Соборной и апостольской Церкви царствующего города Москвы!» Услышав это, исполнились очи его слез, и сказал блаженный Филипп: «О благой царь! Да не оставлю я малопустынную жизнь и да не возьмусь за дело, которое не по силам! Отпусти меня, ради Господа, отпусти! Разве можно малой ладье великое бремя поручить!» Сказав же это, в сокрушении сердца слезы из очей изливал. «Недостоин, — говорил, — подъять я такого начатка тяготы». Бояре же и архиереи стали говорить с ним, приводя примеры из Божественного Писания, утоляя утешительными словами скорбь его душевную. Умоляли его не противиться святой благодати и царю: «Неужели не знаешь, что недостойно данный тебе талант зарывать в землю! Но более достойно принять священный ярем и пасти порученное тебе стадо!» Так ему говорили. Многими же словами превозмогли непобедимого и нехотя повиновался царскому повелению.

Благочестивый же царь вскоре повелел свой царский указ разослать по всем городам: да соберутся епископы в царствующем граде Москве на поставление первопрес-

оучиняется, / и дароношенїемъ многимъ о/богащается. Црю же о при/шествїи его светле бываю/щу. Потомъ нача ему сове/тъ свой о его званїи открыва/ти, и его любительными сло/весы оувещевати. И воспрїя / глы от Бжественаго Писанїя. / Что соборная црькви руския ми/трополїя вдовствующи, па/стыря оутешна и наставни/ка блгополучна не обретает. / И нне по нашему совету. Па/че же всего сщннаго собора. Та (б)лгода/ть Бжїя тобою действуема / да будетъ. И за цревымъ гла/60/сомъ вси вкупе единодшно / весь осщенныи соборъ, и кнзи / и боляре, достоинъ еси гла/ху оукрашати пре̑столъ со/борныя и аплькїя црькве, / цртвующаго града Москвы. / Сїя же слышавъ абїе слезъ и/сполни очи блженныи Фили/ппъ и рече: О блгїи црю / да не будетъ ми оставити / малопустынное пребыванїе. / И в дело внити паче моея си/лы суще. Отпусти мя Га ра/ди отпусти. Понеже лодїи / мале, времян велико вручити / не твердо есть. Сїя же ему / глющу, слезныи источник / в сокрушенїи срца от очїю жа/60об./лостне свождаше. Не досто/ина себе гля, по(д)яти акова/го начатка тяготу. Боля/ре же и престолницы беседу / некую от Бжественыхъ Пи/санїи принесоша ему. И сло/весы оутешительными ско/рбь его дшевную оутоляюще. / Не прекословити стаго блго/дати. И црю извествующе. / Недостоитъ бо ти данныи со/хранити талантъ. Но паче / сщенїя прїяти яремъ, и / Бжїе порученное ти стадо па/сти глаху. Многу же гла/нїю бывшу, премогоша непо/бедимаго. Тому и не хотя/щу, возмогоша повинути /61/ (оумилне припадающе глаго)[1] црькому повеленїю. Блгоче/стивыи же црь вскоре пове/ле своя цркая писанїя по / градомъ всемъ розослати. / Да соберутся еппи въ цртву/ющїи градъ Москву, на по/ставленїе перво

[1] Фраза, взятая нами в скобки, в рукописи зачеркнута.

тольника. Вскоре наступил назначенный день. Царь, епископы и весь Освященный собор и синклит собрались в соборной церкви честного и славного Успения Пречистой Богородицы. И принял от паствы своей служение божественный Филипп, первопрестольник русской митрополии. И совершив с ними Божественную службу, принес чистую жертву хваления Богу за православного царя и за благородных его детей, и за всех православных христиан[25].

Когда же Божественное завершилось таинство, вышел богоносный Филипп и, исполнившись обильно благодатью Духа Святого, поучает благородного царя и его царских детей из Священного Писания и говорит: «О, благой веры Богом сотворенное общество! Царь святой! Поскольку великого блага от Бога сподобился, гораздо большим должен ты воздать Ему! Отдав Благодателю долг благохваления, приемлющему долг как дар. Не благодатью за благодать воздавая, поскольку извечно Он дарами владеет, как должный благодать воздавать. Благохваления же просит Он от нас, не слов благой беседы, но неизменно приношения — благих дел. Ради высоты земного царства будь кроток к требующим удела — ради горней власти. Отверзай уши к страждущим в нищете. Также, как кормчий, который всегда бодрствует, так и твой многоочитый царский ум — держись твердо доброго закона, крепко иссушая потоки беззакония, да корабль всемирной жизни не погрязнет в волнах неправды. Принимай благих, желающих подать совет, а не льстецов. Благие всегда воистину стремятся для общей пользы потрудиться, а другие лишь стремятся властям угодить.

прⷮто́лника. / Пома́лѣ же вре́мѧни соше́д/шимсѧ сⷮтлем. Дн҃ю же / и҆збра́нн сщ҃, црю і҆ / еⷫ҇пом и҆ всем ѡ҆сщ҃е́нном / собо́р и҆ син_клит собра́в/шсѧ в собо́рнюю црⷦ҇ковь пре/чⷭ҇тыѧ Бцы, чⷭ҇тнаго и҆ сла́в/наго еѧ ѹ҆спе́нїѧ. И҆ та́ко сщ҃е́/нїе прїе́млет Бж҃ественыи / Фили́пп, перво_прⷮто́лник /61об./ рскїѧ митропо́лїѧ рко́ю / па́ствы своеѧ. И҆ совер_ши́/въ с ни́ми слжб Бж҃естве/ныѧ та́йны. Же́ртв хва/ле́нїѧ чⷭ҇т всѣ́х Бг҃ прине/сѐ, за правосла́внаго црѧ, / и҆ за блгоро́дныѧ е҆го̀ дѣ́ти. / И҆ за всѐ правосла́вное хрⷭ҇тїѧ/ство. Бж҃ественом / же сконча́вшсѧ та́инств. / И҆зы́де Фили́пп бг҃оно́сен / ве́сь, і҆ ѡ҆би́лнейши Ст҃аго Дх҃а / сподо́бисѧ блгода́ти. Поѹ҆/ча́ет же блгоро́днаго црѧ, / ѿ Бж҃е́ственаго Писа́нїѧ, і҆ его̀ / црⷦ҇кїѧ дѣ́ти. И҆ речѐ: ѡ҆ блгїѧ / вѣ́ры Бг҃ом сотворе́нное / тѣ́ло црю ст҃ы́и. Ꙗ҆́ко вели́/62/ким сподо́билсѧ є҆си ѿ Бг҃а / блгим, толмѝ бо́лшаѧ до́/лжен е҆си воздати е҆м. Тѣ́/м ѿда́ждь блгода́телю до́лг / блгохвале́нїѧ, прїе́млющем / до́лг а҆ки да́р. Не блгода́ть / за блгода́ть воздаѧ̀ е҆м. / То́й бо прⷭ҇но да́рми владѣ́/е҆т, ꙗ҆ко долже[н] сы́н блго/да́ть воздае́т. Блгохва/ле́нїѧ же про́сит ѿ на́с. / Не рѣ́чїю блгі́ѧ бесѣ́ды, но̑ / дѣ́лы блги́ми приноше́нїѧ. / Неприложе́н [е҆си] чл҃ком высо/ты̀ ра́ди земна́го црⷭ҇твїѧ. / Кро́ток же бди тре́бю/щим держа́вы ра́ди го́рнѧѧ / вла́сти. І҆ ѿверза́й ѹ҆ши /62об./ в нищетѣ стра́ждщим, ꙗ҆кѡ да ѡ҆бра́щеши Бж҃їи слх ѿве́рст ко твоим про/ше́нїем. Ꙗ҆ко вы́ бо быва́ем клевре́тѡм на́шим, тако/ва̀ і҆ ѡ҆ на́с ѡ҆бра́щем влдк. / Ꙗ҆коже и ко́рмьчїи бо́дрств/е҆т всегда̀. Та́ко и҆ црⷦ҇кїи / мнѡ́го[очитыи] ѹ҆м, содержа́й Тве́/рдо до́браго зако́на пра́ви/ло, і҆ и҆сша́ѧ крѣ́пко бе[з]за/ко́нїѧ пото́ки. Да кора́бль / всеми́рныѧ жи́зни не погрѧ́/знет волна́ми непра́вды. / Прїе́мли блга́ѧ совѣ́щеваТи / хотѧ́щаѧ, а҆ не ласка́нїе тво/ри́ти всегда̀ тща́щаѧсѧ. / Ѻ҆вїи бо̑ поле́зное воистинн / соблюда́ют, дрзїи же на / ѹ҆гожде́нїе вла_

Более всей славы царствия украшает царя венец доброчестия — тогда обрящешь Божий слух отверстым для твоих прошений. Слишком часто бываем сбиты с истинного пути слугами нашими. Такого для нас обрящем владыку, царство которого покоится на честности, который непокорным являет силу, покорных же принимает человеколюбиво и побеждает не силой оружия, но сам любовию побеждается. Если же не возбранять согрешающим, то, если кто и жил по закону, пристает к тем, кто живет беззаконно. Содельник же злого Богом осуждается! Если же хочешь крепко обоих испытать, то творящих добро — почитай, а творящих зло запрещай. За Православную веру стой твердо и непоколебимо. Еретических же гнилых учений отвращайся. Апостолы и божественные отцы учат, чего нам надлежит держаться и как подобает мудрствовать. В таком же подлинном мудровании наставляй и своих приближенных. Никто тогда такого тщания и прилежания не похитит!»

Благочестивый же царь, выслушав от святителя такое благоутешительное поучение, с душевною правотою повиновался ему. Также поучил и Богом дарованное стадо и все православное христианство. На царской же светлой трапезе, устроенной блаженным царем, благочестно был принят и во время трапезы был собеседником, как и все благородные архиереи и бояре. И радовались, хвалу Христу Богу воссылая о таком отце и учителе, благоволившем пасти словесное стадо. По насыщении же на трапезе в патриархию[26] возвратился. Более всего беспокоился блаженный Филипп о благоверном управлении всего православного христианства, моля Всесильного Бога и Пречистую Богородицу и их благих угодников, подражая в этом прежде упомянутому боголюбивому митрополиту Макарию. Стремился усердно следовать по его честным стопам. В те времена было в царствующем городе Моск-

дꙋ́щимъ въ/зираютъ. Па́че всеѧ̀ сла́вы / црⷭ҇твїѧ доброче́стїе црⷭ҇ѧ вѣне́цъ / оу҆краша́етъ. Чтⷭ҇но є҆́сть /63/ в пра́вдꙋ ва́ше црⷭ҇твїе, ꙗ҆́ко / ра́тнымъ пока_зꙋ́етъ вла́/сть. Покори́вым же да́етъ / чл҇колю́бїе. И҆ побѣжда́юще / ѻ҆нѣ́хъ си́лою ѻ҆рꙋ́жїемъ. Не / воѻрꙋже́нною любо́вїю ѿ свои́х / побѣжа́ет_сѧ. То́чно грѣхꙋ̀ / є҆́же не возбранѧ́ти согрѣша́/ющымъ. А҆́ще бо̀ кто̀ жи_ве́тъ / зако́нно. Пристае́тъ же жи/вꙋ́щимъ беззако́нно, содѣла́нїѧ / злы́мъ ѿ Бг҃а ѻ҆сꙋжа́ется. / А҆́ще ли̑ хо́щеши до́брѣ ѻ҆боѧ̀ / и҆скꙋси́ти. И҆ добро̀ творѧ́/щаѧ чтѝ, а҆ зло̀ творѧ́щимъ / запреща́й. За правосла́внꙋю / вѣ́рꙋ стоѧ́ти тве́рдо и҆ непо/колѣби́мо. Є҆рети́ческаѧ гни_лаѧ /63об./ оу҆че́нїѧ оу҆до́бно ѿтрѧса́юще. / Держа́ти же є҆́же а҆пⷭ҇ли наоу҆чи́/ша, и҆ Бж҃е́ственїи ѿц҃ы пре/да́ша. Си́це подоба́етъ мⷣръ/ствовати. В то́й же и҆́сти/нны мⷣрова́нїи рꙋководи́ти / и҆ поⷣ тобо́ю вчине́ныхъ. Ни/что́же такова́го тща_нїѧ / и҆ прилѣжа́нїѧ непщева́ти / чтⷭ҇нѣ́йше. Бл҃гочести́вый жⷷ҇ / црь, прї_ѧ́тъ ѿ ст҃лѧ таково́е / бл҃гооу҆тѣ́шителное поѹ҆че́/нїе. С пра́востїю дꙋше́вною / во все́мъ повинꙋ́ѧсѧ є҆мꙋ̀. / Та́кожде поѹ҆чи́въ и҆ Бг҃омъ / порꙋче́нное є҆мꙋ̀ ста́до, и҆ всѐ / правосла́вное хрⷭ҇тїѧ́нство. / Црⷭ҇ьстѣ́й же трапе́зѣ свѣ́/64/т_лѣ сотворѧ́емѣ. Бл҃же́нный жⷷ҇ / црⷭ҇емъ бл҃гоче́стнѣ прїѧ́тъ / быва́етъ, и҆ на трапе́зѣ со/бесѣ́дникъ оу҆чинѧ́етсѧ. Та́/кожде и҆ вси̑ престѡ́лницы, / бл҃горо́днїи же вси̑ и҆ болѧ́ре. И҆ / ра́дꙋющесѧ хвалꙋ̀ Хрⷭ҇тꙋ̀ Бг҃ꙋ возсы/ла́юще ѡ҆ такове́мъ ѿц҃ы г҃ оу҆/чтли. Слове́сное є҆гѡ̀ и҆зво́ли/вшꙋ па́сти ста́до. По насы/ще́нїи же трапе́знѣмъ, в па/трїа́рхїю возвраща́етсѧ. / Па́ки же бл҃же́нномꙋ Фили́ппꙋ / прилѣжа́щꙋ ѡ҆ оу҆правле́нїи / бл҃говѣ́рїѧ всего̀ пра_восла́/внаго хрⷭ҇тїѧ́нства. Молѧ̀ / всеси́льнаго Бг҃а, и҆ прчⷭ҇тꙋю / Бц҃ю и҆ и҆́хъ оу҆го́днико́въ. Бл҃гїи /64об./ се́й нра́въ подража́ѧ пре́же по/мѧнꙋ́таго бг҃олю_би́ваго Ма/ка́рїѧ митрополи́та. Оу҆се́р/дно подща́сѧ послѣдова́ти / чест_ны́мъ стопа́мъ є҆гѡ̀. / И҆ в та̀ времѧна̀ бы́сть оу҆бо / въ црⷭ҇твꙋ́ющемъ

ве и во всех местах великое благочиние и все славили Вседержителя Бога и Пречистую Богородицу, даровавших такого искусного пастыря. Всему же этому способствовало то, что православный царь питал любовь к своему богомольцу и отцу, так что было отрадно видеть и дивиться этому. И кто может поведать о тех любовных наставлениях по апостольскому слову: «Там, где нелицемерная духовная любовь — там преизобилует спасительная благодать Божия». Осиротел блаженный и вдаль переселился от отцов, но, горя духом, словно вместе с ними пребывая, часто говорил самому себе: «Что случилось, убогий Филипп? Не достаточно ли было для тебя начальства в этом мире — не тешилось ли тщеславие твое, когда ты был отцом в киновии? Зачем исхитил ты себя от такого покоя и предался таким трудам? От такой тишины в такую пучину устремился корабль твоей души?» Так он умильно говорил и с горячей любовью на помощь призывал преподобных отцов Зосиму и Савватия, ожидая их помощи. Ведь он воздерживался от юности своей от греха, стремясь попасть в их обитель. Питая любовь к ним, в патриархии возвел храм во имя угодников. И подобно другим храмам, украсил его всем, что полагается. И приходил в него, исполненный любовью и отгоняя уныние и печаль. Мы же к преждереченному вернемся. Какое-то время православная вера во благочестии весьма расцветала и распространялась. Имя в Троице славимого Истинного Бога возносилось верными людьми, а диавол и его угодники, неверные язычники, проклинались и во всем премного нами уничижались. И христиане во всей вселенной вздохнули от их гонений. А царствующий город Москва весьма прославился всякими дивными чудесами. Враг же, рыкая, ходит, видя все это, и завидуя, словно Иову [27]. Но праведный Иов, хотя и пострадал от этого врага, в конце концов победил его. Наше же естест-

гра́дѣ Москвѣ, / и҆ во всѣ́хъ мѣ́стѣхъ бл҃го/чи́нїе ве́лїе. И҆ всѣ́мъ сла́вѧ/-
щимъ вседержи́телѧ Бг҃а. / И҆ Пр҃чтꙋ́ю Бц҃ꙋ. Дарова́вша/го такова̀ и҆зѧ́щна
па́стырѧ. / Семꙋ̀ же бы́вшꙋ, сопрѧже́сѧ / дх҃о́внаѧ любы̀ правосла́вна/го
цр҃ѧ, с͑ свои́мъ бг҃омо́лцем͑ / и҆ ѿце́мъ, ꙗ҆́ко же є҆́сть лѣ́по и / зрѣ́ти и҆
чюди́тисѧ. И҆ кто̀ / дово́ленъ повѣ́дати любо́в͑/65/наѧ и҆справле́нїѧ. По
а҆п҃льско/мꙋ слове́си. И҆дѣ́же бѣ̑ нели/цемѣ́рнаѧ дх҃о́внаѧ любы̀, / тꙋ̀
и҆зообилꙋ́етъ бл҃года́ть / Бж҃їѧ спаси́тельнаѧ. Ѡ҆сирѣ́/въ же бл҃же́нный и҆
в да́лѣ пре/сели́сѧ ѻ҆то̑ ѻ҆те́цъ. Но̑ дх҃омъ / горѧ́ше ꙗ҆́ко вкꙋ́пѣ пребыва́ѧ.
/ Ча́сто в себѣ̀ гл҃аше. Что̀ ти сѧ / слꙋ́чи ѹ҆бо́гїи Фїли́ппе. Не / довлѣ́-
ли ти̑ нача́льство сего̀ / ми́ра тщесла́вїю твоемꙋ̀. / Ѿце́мъ в кинові́и.
Па́ки вѧ́щше / похи́тилъ є҆сі. Ѿ какова̀ по/ко́ѧ в каковы̀ трꙋды̀ вда́лсѧ /
є҆сі. Ѿ каковы̀ тишины̀ в ка/ковꙋ ѹ҆стреми́сѧ пꙋчи́нꙋ дш҃а / твое̑ѧ
кора́бль. Сїѧ̀ є҆мꙋ̀ ѹ҆ми́/65об./льнѣ гл҃ющꙋ, и҆ те́плѣ любо́/вїю въ по́-
мощь призыва́ющꙋ / прп҃дбныхъ ѿц҃ъ Зоси́мꙋ и҆ Са/ватїѧ, є҆́же посѣ-
ще́нїѧ и҆́хъ / и҆ тꙋ̀ не грѣши́ти. Ѿ ю҆́ности / бо̑ жела́нїемъ к ни́мъ
пари́м. / Па́ки же любо́вное соверша́ѧ, / в патрїа́рхїю хра́мъ во̀ и҆́мѧ /
и҆́хъ возградѝ. И҆ ꙗ҆́коже це́рь/(к)вамъ лѣ́по. Всѧ́кими добро́/тами ѹ҆красѝ.
Ꙗ҆́ко да тꙋ̀ / прихо́дѧ жела́нїе соверша́ѧ, / і҆ ѹ҆ны́нїемъ печа́ли ѿгонѧ́ѧ. /
Па́ки же на пре́жерече́ннаѧ / возврати́мсѧ. И҆ неколи́ко / вре́мѧ право-
сла́внаѧ вѣ́ра, / во бл҃гоче́стїи ѕѣло̀ цвѣтꙋ/щи. И҆ распростре́сѧ в͑ тр҃цы
/66/ сла́вимаго и҆́стиннаго Бг҃а и҆мѧ / хвали́мо ѿ вѣ́рныхъ чл҃къ. А҆ дїѧ/-
воле проклина́емо, и҆ є҆го̀ ѹ҆го́д͑/никовъ. Невѣ́рнїи же ꙗ҆́зыцы / во все́мъ ѿ
на́съ по премнѡ́гꙋ / ѹ҆ничижа́еми. И҆ на хр҃тїѧ́нъ / ѿ ни́хъ гоне́нїе во всю̀
вселе́ннꙋю / преста̀. И҆ цр҃твꙋ́ющїи гра́дъ / Москва̀. Ве́лми просла́висѧ всѧ-
/кими ди́вными чюдесы. Вра́гъ ж / рыка́ѧ хо́дитъ зрѧ̀ всѧ сїѧ̀ / зави́-
дѧ, ꙗ҆ко же И҆́ѡвꙋ. Но̑ И҆́овъ / пра́веденъ бѣ̑ а҆́ще и҆ пострада̀. / Того́ же

во нечувствительно и нерадиво, будто озлобленно. И от милости Божией мы отвращаемся и Господа Бога и Пречистую Его Богоматерь гневим и не только славы небесной лишаемся, и от земной чести отпадаем, как написано: «Злодеяние и беззаконие извратит престол сильных». Исконному же злодею, началопагубному змею, лукавому хищнику, древнему завистнику, лукавому шепотнику, проклятому сатане, мало ему со своими угодниками — бесами, тьмообразной своей погибели. Но еще, ненавидя, ненавистью желает всю вселенную погубить, беспрестанно воюя против христианской веры и благодарных людей. Наиболее же всего вооружается против благоуспешных духовных правителей, наводя на них смертоносные скорби. Себе же окаянному на горшую муку. Они же, превозносимые страстотерпцы, с Божией помощью, все с благодарением переносят и ото всех Царя и Содетеля — победными вечными венцами украшаются и к Нему в вечный покой восходят, пока не минут семь тысяч лет всегоршей муки[28], к грядущей славе. Ныне же слово злокозненного его враждования изречем и тайну его ныне откроем, поскольку и в нас многие его гнусные хитросплетения проявляются и не только удовлетворяются в простых людях те наветы вражьи, но и до самых советных царевых палат доходят. И вельможи воздают ненавистью за любовь, гордо возносятся над смирением и своими злыми и гнусными умышлениями, словно змеи, друг на друга шипят и всякие злые вещи возводят, которые неудобно бумаге предать.

Но и самого благочестивого царя сильно подвигли на гнев и ярость, который и на них обрушился. И от тех со-

врага до конца побѣ/ди. Наше же естество тяш/косердо и нерадиво, яко неисТо/ви. И иже на нас мт҃ь Бж҃їю / ѿвращаемся. И Га҃ Бга҃ и Прест҃ую /66об./ его Бгомт҃рь прогнѣваемъ. / И не токмо славы небн҃ыя / лишаемся. Но и земныя / чести ѿпадаемъ. Якоже / есть писано. Злодѣянїе / и беззаконїе превратитъ / престолъ силныхъ. Искон/ному же ѕлодѣю начало па/губному змїю лукавому хи/щнику. Древнему за-вистни/ку прелестному шепотнику / сатанѣ проклятому. Еще / ему мало себѣ с своими угодники бѣсы тмообразными / своей имъ погибѣли. Но и еще / льстя льститъ вселенную, / хотя злы(мъ) ѕлѣ погуби/ти. Беспрестани воеваше /67/ хрт҃їяньскую вѣру. И блгода/рныя люди. Найпаче же всего / вооружашеся на блгопоспѣ/шныя духовныя правители. / И аще наводитъ имъ смерто/носныя скорби. Себѣ же о/каянныи на горшую муку. / Они же велехвалнїи стртоТе/рпцы. З бжїимъ поспѣше/нїемъ. Все со блгодаренїемъ / престрадаютъ. И ѿ всѣхъ / цр҃я и содѣтеля, (...)побѣд/ными вѣчными вѣнцы у/крашаются, и к нему прехо/дятъ в вѣчныи покой. По/неже бо не довлѣютъ сего свѣ/та во всю седмь тысящь лѣт / всегоршїя муки к хотящей /67об./ славѣ явитися. Наставшее / же нн҃ѣ злокозненому его вра/ждованїю слово еще да изглем / и тайнную удицу его нн҃ѣ / ѿкрыемъ. Еже в насъ мно/-гогнусная его многоплете/нїя самая являются. / Не токмо утоляхуся в про/стыхъ чл҃цѣх тѣ вражїи / навѣты, но и до самыя / цр҃евы совѣтныя полаты / дойдоша. И велможи меж / себя содѣяша ненависть / за возлюбленїе. Гордость / за смиренїе вознесоша. И / злыми своими гнусными / умышленїи другъ на друга / аки змїи распыхахуся. И вся/68/кая ѕлая вещь соплетеся. Не/удобь писанїю предати. И са/мого блгочестиваго цр҃я возму/тиша ѕѣлнѣ на гнѣвъ, и / ярость сами на ся

ветов верных своих слуг и именитых сродников и приятелей нагоняет страх на своих бояр и неукротимо гневается. И из-за таких злых соблазнов собирает совет и весь Освященный Собор во своем царствующем городе Москве. И вызывает Новгородского архиепископа Пимена, Казанского Германа, Ростовского Корнилия, Крутицкого Германа, Суздальского Пафнутия, Рязанского Филофея, Смоленского Феофила, Тверского Варсонофия, Вологодского Макария и прочих епископов и архимандритов и всех бояр своих. И возвещает им свою царскую мысль — решил он царство свое разделить, а царский двор перевести в Александровскую слободу. И хочет, чтобы они эту мысль его благословили. Блаженный же Филипп, в согласии с епископами, укрепившись, решили между собою все — против такового начинания крепко стоять. Но один из них, славолюбивый, облеченный епископским саном, донес царю об их общем совете, и многие отказались от общего решения. И не только царева страха убоялись, но и на блаженного Филиппа иные из них восстали, если он об их решении объявит. Царь же на совете на своем настаивал — все же от страха ничего не смели сказать. Иные же, жаждущие славы мира сего, молчали и никто не смел говорить против царя или его умолить, или тем, кто его возмущает, запретить. Блаженный же Филипп приступил к царю и сказал: «Знаем тебя, как хранителя благочестия и истинного поборника и охранителя православия, и осмотрительного правителя своей державы! Никто ничего злого на власть твою не советует — свидетель тому Всевидящее Око! О, царь! Мы от отцов наших унаследовали обычай почитания царя, но прежде всего мы чтим в нем благоразумие![29]

воздвигоша. / И ѿ тѣхъ ѕлыхъ совѣтѡвъ, / вѣрныхъ своихъ слугъ и извѣ/стныхъ сродникъ и прїятелей / страхуется. И на боляръ же / своихъ неукротимо гнѣва/шеся. И ради таковыхъ злыхъ / соблазновъ сотворяетъ со/вѣтъ. И собираетъ весь / священный соборъ во царствующїи / градъ Москву. Новгородцкаго / архїепископа Пимина. Казанькаго / Германа. Ростовскаго Корни/лїя. Крутицкаго Германа. /68об./ Суждальскаго Пафнотїя. Ре/занькаго Филофѣя. Смоле/нькаго Феофила. Тверскаго / Варсунофїя. Вологодскаго / Макарїя. И прочихъ епископъ / и архимаритовъ и игуменовъ. / И вся боляре свои. И возвѣ/щаетъ имъ свою царскую / мысль. Что бы ему свое царство ра/здѣлити, и свой царской дворъ / учинити во Александровѣ / слободѣ. И на се бы его благо/словили. Блаженному же Фи/липпу, согласившуся съ епископы, / и укрѣпльшеся вси межи / себя еже противъ таковаго / начинанїя стояти крѣпцѣ. / Единъ же славолю_ бивъ сый /69/ епископской санъ имѣя, къ царю / общїи совѣтъ ихъ изнесе. / И прочїи же своего начинанїя / ѿпадоша. И не токмо еже царева / страха убояшася умолчаша. / Но и на блаженнаго Филиппа инїи / ѿ нихъ восташа. Еже впредь / идущее слово обьявитъ. / Царю убо совѣтъ свой утве/рждающу. Вси же страха ради / глаголати не смѣяху. Овїи же / желающе славы мира сего мо/лчаху. И никтоже смѣяше / противу что рещи. Что царя / о томъ умолити. И кто его / возмущаетъ. Тѣмъ бы / запретити. Блаженный же / Филиппъ приступль къ царю /69об./ и рече: Благочестїя храните/ля свѣмъ тя. И истиннѣ по/борника, и православїю сна/бдителя, и своея державы / смотрительна правителя, / и никто же ничто же иже на / твою державу ѕло совѣ_ ща/ваетъ. Свѣдѣтель есть / всевидящее око сотворшаго царю. Мы / бо ѿ отецъ нашихъ прїяхомъ, / еже обычно есть царя чтити. / И еже к нему благора_

Оставь столь неугодное начинание — обратись, прежде чем что-то делать — к разуму! Стой крепко на камне веры — он же крепко Господом заложен! Подражай добродетелям, которыми и отец твой, царь и великий князь Василий, возвысился! Возвышайся благочестием, сияй смирением и просвещайся любовию Божественного Духа! Стремлением к добродетели назидайся в правой своей вере! Благие деяния и честное житие — это не дрова, не сено, не стебли, мгновенно сгорающие в огне греховном и годные только к сожжению и более ни к чему не годные, — но золото и серебро!

Золото и серебро чистой пробы в огне искушений очищаются и еще более драгоценными являются. Так Христос, общий Владыка, повелевает нам являть плоды добродетелей и не посрамлять веру ненавистными делами. Мы все единоплеменники, все, как и самих себя, и ближнего любим по заповеди, если мы к Богу стремимся. И прекрасно понимаем, что в этой заповеди содержится и любовь к Богу и к ближнему. О них же говорится: «В них двоих — закон же и пророки» [30]. И великий Павел, учитель Церкви, советует: «Любовь долготерпит, не радуется неправде, радуется же об истине» [31]. Также и Петр, верховный апостол и ключарь и смотритель небесных врат, и возлегший на груди Учителя возлюбленный друг и ученик о том же согласно говорят [32]. Все это отцы наши приняли и нам передали, а мы тебя увещеваем и советуем — украшать веру добродетелями и верою светлейших добродетелей изливать любовь. Но конец подобен началу — жить надо согласуясь с верою, вера же рождается любовью! На общее же благо и рода твоего и отечества

зѹмїе па́че / всегѡ̀ почита́ти. Преста́ни / ѿ таковаго неѹгоднагѡ начи/наніѧ. Держисѧ е҆́же ѿ нача́/ла твоегѡ̀ и҆зволе́нїѧ и҆ хотѣ́/нїѧ и҆ разѹми. Стани крѣ́/пце на ка́мени вѣ́ры, на не/70/м же до́брѣ ѿ Га҃ ѡ҆снова́нъ є҆си. / Подража́й добродѣ́телемъ и҆ми же і҆ / ѿцъ твой црь и҆ велікїи кн҃зь / Васи́лїе возвысисѧ бл҃гочестїемъ. / Сїѧ смире́нїемъ и҆ любовїю. / Просвѣти́сѧ лѹче́ю бж҃естве/нагѡ дх҃а жела́нїемъ добродѣ́/телей. Назида́й пра́вой твое / вѣрѣ дѣѧнїѧ бл҃гаѧ. (И҆) жи/тїѧ че́стность. Нижѐ дрова̀ и҆ / сѣно, нижѐ стеблїе ѹдобь / пали́мѹю грѣха̀ ве́щь и҆ к со/жже́нїю то́чїю, а҆ ни к чемѹ же / и҆номѹ ключа́ющѹ(ю)сѧ. Но̂ / зла́то и҆ сребро̀ и҆справ/ле́нїѧ / честнаѧ. Сїѧ бо̂ і҆ ѻ҆гне́мъ / и҆скѹше́нїи и҆скѹша́ема чистѣ́/иша и҆ честнѣ́иша показѹютсѧ. /70об./ Сице Хс҃ ѡ҆бьщїи влдка повелѣвает / плодѡ́въ добродѣ́тели предлагати. И҆ не посрамлѧ́ти вѣрѹ / дѣѧ́нїи ненави́стными. / Є҆диноплеме́нни є҆смы вси ꙗ҆ко / себѐ люби́ти и҆ ближ/нѧгѡ прїѧ/хомъ в зако́не. А҆ ꙗ҆же къ Бгѹ / что̂е жела́нїе. И҆ ѹдобно ѿ сегѡ̀ / разѹмѣти. В си́хъ за́повѣ/дехъ содержи́тъ къ Бгѹ любле́/нїе и҆ ближнѧгѡ. Ѡ҆ ни́х же гл҃етъ / въ двои́хъ си́хъ ве́сь зако́нъ / виси́тъ и҆ проро́цы. Сице и҆ ве/ли́кїи Па́велъ цркви ѹчтль / совѣщава́етъ. Любы долго/терпи́тъ не ра́дѹетсѧ ѡ҆ непра́/вдѣ. Ра́дѹет же сѧ ѡ҆ и҆́стиннѣ. / Сице и҆ Пе́тръ верхо́вныи а҆пл҃ѡмъ, /71/ и҆ нб҃ныхъ вра́тъ ключа̀ ввѣ́ре/нныи, и҆ вхожде́нїе. Сице и҆ / возлегїи на пе́рси возлюблен/ныи ѹчн҃къ и҆ дрѹгъ согла́сно / ѹтвержа́етъ. Сице на́ши / ѿцы прїѧ́ша. Сице на́мъ сѹ/щимъ по ѻ҆нѣхъ преда́ша. / Сице и҆ мы тебѣ совѣщева́емъ / и҆ совѣ/тѹемъ. Добродѣ́тель/ми ѹкраша́ти вѣрѹ. И҆ вѣ́рою / добродѣ́телей свѣт/лѣ́иших / содѣ́ловати любо́вь. Но̂ по/до́бенъ ѹбо начáлѹ коне́цъ. / Со/гла́сно же жи́тельство вѣ́ре. / Вѣ́ра же соверша́етсѧ любо́вїю. / Ѻ҆́бще же бл҃го и҆ ро́да і҆ ѿчества / твою̀ да́й вла́сть зрѣ́тисѧ / і҆ и҆менова́ти. Та́же

дана тебе власть!» И начал также говорить, обращаясь к Освященному Собору:

«Для того ли мы собрались, отцы и братия, чтобы молчать? Почему боитесь правду сказать? Ваше молчание грех влагает в душу царя, а для ваших душ оно на горшую погибель. Православную веру в скорбь и смущение повергаете! Почему желаете тленной славы мира сего? Высокий сан в этом мире не избавит от муки вечной тех, кто преступает заповеди Христовы! Но наше истинное и должное назначение — заботиться о душах, о благочестии, о благоверии, о смирении всего православного христианства. На то ли взираете, что молчит царский синклит — все они связаны богатствами житейскими. Нас же Господь Бог ото всего этого освободил — да знают ваши преподобия, что для этого мы и поставлены — исполнять всякую правду! Исполнившие же этот завет — небесным венцом будут увенчаны, если душу свою положили за порученное стадо. Но если об истине умолчите, сами знаете, что в Судный день спросят у вас за все, что было вам поручено Духом Святым!»

Они же стояли смиреннообразно, пособники предательства и злобы, творящие угодное царю, — Пимен Новгородский, Пафнутий Суздальский, Филофей Рязанский. А также синкелл [33] благовещенский Евстафий — тогда святой запретил его в священнослужении, согласно правилам. Он же был духовником царя и непрестанно, тайно и явно, возводил напраслины на страстотерпца Филиппа. Прочие же не встали ни на сторону Филиппа, ни на сторону других, но поступали, как царь захочет. Как сказал пророк: «Там убоятся страха, где нет страха» [34]. И не вспомнили говорящего: «Пастыри! Взыщу овец Моих от рук ваших, — говорит пророк Иеремия, — пастыри обезумели! Пастыри растлили виноградник мой!» [35]. Только один из них заботился о стаде — блаженный Филипп, хранящий благие обычаи и украшенный дела-

нача глати /71об./ ко освященному собору. На се / ли совокупистеся отцы и бра/тїя еже молчати. Что оустра/шаетеся еже правду глати. / Ваше оубо молчанїе цреву душу / влагаетъ в грехъ, а своей / души на горшую погибель. / А в православной вере на ско/рбь и на смущенїе. Что же/ла_ете славы тленныя ни/кїи же насъ санъ мира сего и/збавитъ муки вечныя. / Преступающимъ намъ за/поведь Хву. Но наше до/лжное истинное тщанїе. / Еже имети попеченїе дхов/ное о блгочестїи блговерїя, и всего пра/вославнаго хртїянства /72/ о смиренїи. И на се ли взираете / еже молчитъ цркой синклитъ. / Они бо суть обязалися куп/лами житейскими. Насъ же / Гь Бгъ о всехъ сих свободилъ. / Да весть ваше прпдбьство / яко на се оучинени есмы, еже / исправляти всяку истинну. / Совершеное же венцемъ нбныи / хотящимъ венчатися. Еже / и душа своя полагати за пору/ченое стадо. Да аще о исти/нне оумолчите. Сами весте / яко въ днь судный истяза/ни будете о всехъ, иже вам / поручи Дхъ Стыи. Они же / стояху смиренообразни. / Делы же преда_тели. и злобе /72об./ пособницы. Творящїи же / оугодїе црю. Пиминъ Новго/дцкїи. Пафнотїи Суздаль/скїи. Филофей Резаньскїи. / Сингелъ блговещеньскїи / Еоустафїе. Тогда бо ему / взапрещенїи сущу, о стаго / по правилом. Иже и дховникъ / бе цревъ. Сей же непреста/нно яве і в тай наносяше ре/чи на стратотерпца Филип/па. Прочїи же ни по Филиппе / побарающе ниже по цри. / (Но) Но яко црь восхощетъ тако / і они, яко же рече пррќъ. / Тамо оубояшася страха и/деже не бе стра_ха. И паки / не помянуша рекшаго. Па/73/стырїе взыщу овецъ моихъ / о рукъ вашихъ. Їеремеею / глетъ. Пастырїе изуме/шася. Пастырїе растли/ша виноградъ мой. Еди/нъ же о них токмо способствова/ше о нихъ блаженному Фили/ппу. Иже обычай имея блгъ, / и делы оукра_

ми. Герман, архиепископ Казанский, угодник царев, начал клеветать на святого и говорить: «Добро во всем царя слушать и его волю исполнять и не гневить его». О тайные судьбы Твои, Христос, Царь! О помраченная ложь! Надо было гнев царев молением переменить на смирение, а они на ярость его подвигли и на разделение благостоянного царства. Царь же понял, что никто не смеет противостоять ему, но все его воле повинуются и благословляют, кроме одного блаженного Филиппа, выступившего против него и говорящего ему о благочестии и убеждающего, чтобы не разделял царства. И никто не поддержал блаженного Филиппа — все совокупно уклонились, равно сделавшись непотребными, не было ни одного, делающего добро. И разгневался царь на святого и начал по своей воле и по их совету дела свои творить. Тех князей и бояр, и прочих вельмож, которые ему угодны были, назвал опричниками, то есть дворовыми людьми. Других же князей и бояр и прочих вельмож назвал земскими. Также и все земли своей державы разделил.

Прошло немало времени после того совета. Царь находился в своем любимом доме, в преждеупоминаемой слободе [36] — моими словами слезными называемая слобода, а на деле ставшей древним египетским обольщением. Там первородных губили, а здесь православных, словно колосья, срезали. Отовсюду лютейшим огнем и горячей золой попалило землю не нашествие варваров, не градобитие виноградники наши погубило, но самими нами избранный мрак страха и тьма мерзости нас покрыли! Не удалось спасти первенцев наших, ибо не помазали мы праздного ума и дома наши кровию дел! Благочестие бедствовало и убивались души первенцев! [37] Увидев хоругви, внезапно поняли, что окружен царствующий город, и

шенъ. Герман / архїеппъ Казаньскїи. Оугодницы же цревы, сшивающе / речи на стаго и глаху. / Добро было во всемъ цря слушати и на всяко дело безъ ра/зсуженїя блгословляти. / И волю его творити. И не разгнѣвити. Ѡ неявленныхъ / судебъ твоихъ Хе црю. /73об./ Ѡ помраченная прелесть. Гдѣ / было гнѣвъ цревъ премѣни/ти моленїемъ на смиренїе. / А ѡ(ни на) ярость подвижут / и на раздѣленїе блгостоянна/го цртва. Црь же видѣвъ / яко никто же ему сопротив / смѣя глати. Но волнего / вси повинушася, и блгосло/виша и. Развѣ единаго / блженнаго Филиппа сопро/тивъ глюща о блгочестїи, / и еже не раздѣляти цртва. / И никто же пособьствова/ше блженному Филиппу. / Вси оуклонишася вкупѣ и / непотребни быша. Нѣсть / творя и блгостыня. И бы/74/сть црь гнѣвенъ на стаго. И / нача по воли своей и по совѣту / онѣхъ дѣло свое совершати. / И которые князи и бояре, / и прочїи вельможи ему годѣ. / Называше ихъ ѡпришнинца/ми, сирѣчь двороᲂвыми. И/ныхъ же князей и бояръ и / прочихъ вельможь, нари/цаше земскими. Такоже / и всю землю своего державъ/ства раздѣли. Времени же / довольну для таковаго со/вѣта бывшу ему во своемъ / любим(о)мъ дому прежеречен/ной слободѣ. Ѡ моихъ слезъ. / Словомъ именуется слобода, / а дѣломъ оставшая древле/74об./египетьскїя льсти. Тамо / первородныхъ погубленїе. / Здѣ же яко класы правосла/внїи пожинахуся. Ѿ всюду / лютѣйшїи огня жератокъ / попалити землю. Не варвар / нашествїе и грады поби и / винограды наша раскопа. / Но само изволенныи мракъ / страха, и тма дерзновенїе / покры, не мину губяи перь/венецъ нашихъ. Не помаза/ша бо ся празноума и дѣянїя / кровїю домѡвъ нашихъ бѣ/дствоваше блгочестїе оуби/вахуся дша первенецъ. Хоруг/ви видѣша бо внезапу / цртвующїи градъ весь обле/75/жащъ и слышати

услышали, что явился страшный царь со всем своим вооруженным воинством. Все вооружены, все на одно лицо и едины нравом, как и делами — зачав грех и рождая беззаконие. Все, как один, в черных одеждах, а иное неудобно передать бумаге. Входит же царь в соборную церковь Пречистой Богородицы[38]. Он же — Нового Завета проповедник, великий Христов архиерей Филипп, если и не того Стефана сын, но сыном ему ставший своими благими делами, ревностно во всем следуя равноапостольному ученику Стефану[39]. Не устрашился он такового свирепства и, видя в православных великое возмущение неудобоносимыми всякими бесчестными скорбями и ранами, просветился душою и укрепившись сердцем, приступил к самодержцу и сказал: «О, державный царь! Ты имеешь сан выше всех! Почитай же более всего Бога, сподобившего тебя этого сана, потому что подобно небесной власти дан тебе скипетр земной силы, чтобы ты научил людей следовать правде и им же отженешь бесовские злоумышления. Его законами царствуем! И над теми, кто подвластен тебе, — царствуй законно, согласно Божественному учению. И первое, чему должны научиться люди и что должны мы знать о себе, — разумный призван познать Бога! Познавший Бога подобен будет Богу, а уподобившийся Богу будет достоин Бога и ничего недостойного Бога никогда не сделает. Но размышляя о Нем и говоря о Нем как о мудрости, так поступая, знает, что земные богатства ничего не стоят. Он подражает течению речных вод: на мелководье текущими для всех, понемногу же перетекающими для других. Так же перетекает и правда — прибыльное сокровище для тех, кто стяжал его благими делами! Даром возвращаются они к тем, кто творит их. Телесным естеством ты, царь, подобен человеку.

страшно. / Явися той црь со всемъ своим / воиньствомъ вооружено,/наго оружїе нося едино лице / и нравъ имея. Такоже и де/лы еже зачатся грехъ и ро/ди беззаконїе, еже есть вси / единолично во одежахъ чер/ныхъ. И ина неудобь и писа/нїю предати. Входит же / и в соборную црквь Пречтые / Бцы. Сiи же Новаго Завета / пропо_ведникъ. Великїй Хвъ / архїерей Филиппъ. Аще и не / того Стефана сынъ. Но бла/гими делы последствуя снъ / бываше ревностїю и делы, / равноапльному первомчнку Стефану /75об./ Никако же устрашися сицеваго / сверепьства и виде в правосла/вїи великое возмущенїе. Неу/_добь носимыя всякїя безчест/стныя скорби и раны. Просве/тися убо дшею и укреплься / срдцемъ. Приступль к самоде/ржцу и рече: о дер_жавныи / црю. Чти всякїя превышши / имея санъ. Чти паче всего / сему тя сподобившаго Бга. / Яко по подобїю нбныя власти / данъ ти есть скипетръ зе/мныя силы. Да члки научи/ши правду хранити. И еже на / ня отженеши бесоское лаянїе. / Еже от него данный цртвуемъ / закономъ, и сущимъ под то/76/бою цртвуй законно. Бже/ственое ученїе и первое члцы / суть. Еже разуметти чесому / о немъ учими есмы. О себе / бо разумевыи познаетъ Бга. / Бга же уведевыи, подобенъ / будетъ Бгу. Уподобижеся / Бгу, достоинъ бывыи Бгу. / Достоинъ же бываетъ Бгу, / иже недостоинно ничтоже тво/ря Бгу. Но мдрствуя и яже / о немъ гля яже о мдрости. И / творя же еже глетъ. Земнаго / именїя не стоящее богатство, / речнымъ водамъ подражает / теченїя. Намале бо текїи / имети его мнящимъ. По/малу же претекая ко инемъ /76об./ преходитъ. Точїю же правда / сокровище прибытно есть / стяжавшимъ е. Блгимъ бо / деломъ дарове на творящая / ихъ воз_вращаются. Естествомъ / убо телеснымъ точенъ еси / члку о црю.

Саном же власти подобен ты Богу, Который властвует над всеми. Нет на земле никого, кто уподобился бы тебе. Но подобает тебе, как смертному, не возноситься! И словно Богу — не гневаться, поскольку ты не только почтен Божиим образом, но и праху земному причастен. Памятуя все это — учись быть подобным Ему![40] Тот наречется властелином, кто научился властвовать над собою и не следует нелепым похотям, но имеет помощника — непобедимого самодержца, благоверный разум, который побеждает всетомительное желание самовольных похотей оружием любви и целомудрия! С древних времен не слыхано, чтобы благочестивые цари свою державу возмущали! Ни при твоих праотцах такого не случалось, ни среди иных народов такого не было, о чем ты помышляешь!»

Услышал царь обличения святителя и, не стерпев, в ярости сказал: «Какое тебе, чернецу, дело до наших царских советов? Не ведаешь ли о том, что мои же подданные меня хотят поглотить?» Святой же отвечал: «Как ты спрашиваешь, я, по данной нам благодати Пресвятого и Животворящего Духа и по избранию Священного Собора и по вашему изволению — пастырь Церкви Христовой! Вместе с тобою должен попечение иметь о благочестии и о смирении всего православного христианства!» Царь же сказал: «Одно тебе, отче святой, скажу — молчи! А нас на то, что я задумал, — благослови!» Блаженный же отвечал: «Благочестивый царь! Наше молчание на твою душу грех налагает и приносит смерть всему народу. Как о мореплавателях говорится — когда капитан корабля соблазнится, то приносит небольшой вред плывущим с ним, но когда соблазнится кормчий — то всему кораблю приносит гибель! Если же и мы воле человеческой последовать будем, то как произнесем в день пришествия Господа: «Вот я и дети, которых дал мне Господь!»[41] Ибо Господь сказал в Святом Евангелии: «Сия есть заповедь

Власті́ю же са́на / подо́бенъ є҆сѝ и҆́же надо всѣ́ми / Бг҃ꙋ. Не и҆́маши бо҃ на землѝ / вы́шши себѐ. Подоба́етъ бо҃ / ти҃ ꙗ҆́ко смр҃тнꙋ не возносити/сѧ. Но҃ ꙗ҆́ки Бг҃ꙋ не гнѣ́ватисѧ. / А҆́ще бо і҆ ѻ҆́бразомъ Бж҃їимъ почтен / є҆сѝ. Но҃ и҆ пе́рсти земне́й при/ложе́нъ є҆сѝ. И҆́м же наоу́ча́йсѧ / всѣ́мъ бы́ти то́ченъ. Вой/стиннꙋ наре́че́тсѧ власте́лин / є҆гда̀ са́мъ собо́ю ѻ҆блада́етъ /77/ и҆ нелѣ́пымъ по́хотемъ не рабо́/таетъ. Но҃ помо́щника и҆мѣ́ѧ / блг҃овѣ́рна оу҆ма̀ непобѣди́маго / самоде́ржца. Самово́льнымъ / по́хотемъ всетоми́тельное / хотѣ́нїе. Любвѐ ѻ҆рꙋ́жїемъ / цѣломꙋ́дрства побѣжа́етъ. / Ѿ нача́ла оу҆бо нѣ́сть слы́шано / блг҃очестивымъ црѣ́мъ своѝ им / держа́вꙋ возмꙋща́ти. Нижѐ / при твои́хъ пра́ѻ҆тцъ сїѐ быва́ло / ꙗ҆́же твори́ши. Ни во и҆но ꙗ҆зы́/цѣхъ та́ко ѻ҆брѣта́шесѧ, / ꙗ҆́коже помышлѧ́еши. Оу҆слы́/шавъ же црь ѻ҆блича́емъ ѿ / стлѧ. Не терпѧ̀ в себѣ̀ ꙗ҆ро/сти. Речѐ: Что҃ тебѣ̀ че́рнцꙋ / до на́шихъ црк҃ихъ совѣ́тов/77об./ дѣ́ло, того́ ли҃ не вѣ́си менѐ мо/и҆ же хотѧ́тъ поглоти́ти. / Стый же речѐ: Є҆смь ꙗ҆́коже гл҃е/ши. По да́ннѣй же на́мъ блг҃о/да́ти ѿ престаго и҆ животворѧ́/щаго Дꙋ́ха, и҆ по и҆збра́нїю сщ҃е́/ннаго собо́ра. И҆ по ва́шемꙋ из/воле́нїю. Па́стырь є҆смь Хв҃е це́/ркве. І҆ є҆ди́но є҆свѣ̀ с тобо́ю. / Є҆́же до́лжни попече́нїе и҆мѣ́ти / ѻ҆ блг҃о-че́стїи, і҆ ѻ҆ смире́нїи всего̀ / правосла́внаго хрт҃їѧ́ньства. / Црь же речѐ: Є҆ди́но ѿче чтный / гл҃ю ти҃ молчѝ. А҆ на́съ на сѐ / блг҃ословѝ, по на́шемꙋ и҆зво/ле́нїю. Бл҃же́нный же речѐ: Блг҃о/чести́вый црю. На́ше молча́/нїе грѣ́хъ дш҃и твое́й налагает. /78/ И҆ всеро́днꙋю нано́ситъ смр҃ть. / Ꙗ҆́коже і҆ ѻ҆ пла́вающихъ рече́сѧ. / Є҆гда̀ кора́бленикъ соблазни́тсѧ / ма́лꙋ и҆ хꙋдꙋ прино́ситъ па́косТь / пла́вающимъ с ни́мъ. Є҆гда́ же / (л)и҃ ко́рмчїи всемꙋ кораблю̀ тво/ри́тъ поги́бель. А҆́ще ли же мы во́ли / чл҃честѣй послѣ́довати бꙋдем. / Ка́ко рече́мъ в день прише́ствїѧ / Гн҃ѧ. Се а҆́зъ Гй и҆ дѣ́ти ꙗ҆́же ми҃ / є҆сѝ да́лъ. И҆бо Гꙋ рекшꙋ во стом / Є҆ѵа҆лїи. Си҃ є҆сть

Моя — да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, если кто положит душу свою за друзей своих»[42]. И еще: «Весь закон и пророки в двух заповедях — возлюби Господа Бога всем сердцем твоим и ближнего, как самого себя»[43]. И, наставляя учеников, сказал: «Если в любви Моей пребудете, воистину учениками Моими будете»[44]. Так мыслим и мы и держимся этого крепко!»

Царь же сказал: «Владыко святой! Восстали на меня, как и Давид в скорби говорил: «Друзья мои и искренние отступили от язвы моей, и ближние мои стоят вдали. Ищущие же души моей ставят сети!»[45] Святой же отвечал: «Господин мой царь! Это говорят тебе лукавые и льстивые. Приими тех, которые подают благие советы, тех, кто не будет постоянно завидовать, тех, кто воистину ради пользы стараются. Другие же лишь на угождение власть имущим взирают. Ты же, благородный, вооруженным яви силу, но тем, кто покоряется тебе, — оказывай человеколюбие. Как же не остановить совершающих грех? Но не разделяй единую державу — ты Богом поставлен повелевать людьми Божьими в правде, а не мучительски. Доброчестие словно венцом царя украшает, богатство же уходит, и власть проходит, и слава исчезает. Но жизнь с Богом бессмертные века продолжается. Никто из живших в мире из того, что собрал, после смерти с собой не взял, но все оставляем на земле. Нагими отчитываемся о жизни своей. Ты же обличай неправо говорящих и отсекай их от себя, словно больной орган! А людей своих в единении устраивай, чтобы в нелицемерной любви пребывали!»

Царь же сказал: «Филипп! Не прекословь власти нашей! Да не постигнет гнев мой тебя! Или откажись от

заповѣдь моѧ / да любите дрꙋгъ дрꙋга, ꙗкоже / возлюбихъ вы. Больше сеѧ / любве никтоже имать. Да / кто положитъ дшꙋ за дрꙋ/ги своѧ. И паки, ꙗко весь за/конъ и пррцы во двоихъ запо/78об./вѣдехъ сихъ висꙗт. Еже возлю/биши Га Бга твоего всѣм / срдцемъ твоимъ, и ближнѧ/го ꙗко самъ себе. И паки оу/твержаѧ оучнки рече аще в лю/бви моей пребꙋдете воистин/ннꙋ оучнцы мои бꙋдете. / Се мы мдръствꙋемъ и держим / крѣпцѣ. Црь же рече: Влдко / стыи восташа на мѧ ꙗкоже / и Двдъ скорбѧсѧ глаше: Дрꙋ/зїи мои и искренїи мои прѧмо / мнѣ приближишасѧ и ста/ша. И ближнїи мои ѿдалече / мене сташа и нꙋждахꙋсѧ, / ищꙋщеи дшꙋ мою и ищꙋщеи / злаѧ мнѣ. Стыи же рече: / Есть гн црю глютъ ти лꙋка/79/внаѧ и льстивнаѧ. Прїемли / блгаѧ совѣщевати хотѧщаѧ. / И не ласканїе творити, всегда / тщащасѧ. Овїи бо полез/ное воистиннꙋ соблюдаютъ. / Дрꙋзїи же на оугожденїе вла/дꙋющимъ взираютъ. Твоеже / блгородїе, ꙗко ратнымъ по/казꙋетъ власть, Покори/вым же даетъ чⷧ҇колюбїе. / Точно грѣхꙋ еже не возбранѧ/ти согрѣшающимъ. Но не / раздѣлѧти. Твоѧ бо есть / единна держава. Оучиненъ бо / еси ѿ Бга еже разсꙋждати лю/ди Бжїѧ в правдꙋ, а не мꙋ/чительски санъ держати. / Доброчестїе црѧ вѣнецъ /79об./ оукрашаетъ, богатьство / бо ѿходитъ, и держава ми/мо грѧдетъ. И слава прехо/дитъ. Слава же еже о бзѣ / житїе, съ безсмертными вѣ/ки продолжена есть. Никто / же бо ꙗже в мирѣ собра она/мо ѿходѧноситъ. Но всѧ / оставивъ на земли. Нагъ/ слово ѿдаетъ о житїи своем. / Ты же неправо глаголющаѧ / ти обличи. И ѿжени ѿ себе / ꙗко гнилъ оудъ. И люди своѧ / в соединенїи оустрои. Идѣ/же любы нелицемѣрнаѧ. Тꙋ / пребываетъ Бгъ. Црь же / рече: Филиппе, не прекосло/ви державѣ нашей. Да не по/80/(внаѧ и льстивнаѧ. Прїемлю / блгаѧ совѣщевати хотѧ

7*

сана!» Святой же отвечал: «Благочестивый царь! Я не умолял тебя, ни ходатаев к тебе не посылал, ни богатством руки твои не наполнял, чтобы власть эту получить! Зачем лишил меня пустыни и отцов, если смело каноны преступаешь по своему желанию? Не подобает начатому подвигу ослабевать!» Царь же ушел к себе в палаты в великом раздумии и на святого гневаясь. Его же начинания злобные советники — Малюта Скуратов да Василий Грязной со своими единомышленниками — непрестанно строили козни против блаженного. Увещевали царя, чтобы он не отступался от своего решения. После же и сами потерпели от этого горше других. Православной же вере от той опричнины было великое возмущение — кровопролитие да суд не по правде. И от этой произошедшей скорби люди возненавидели друг друга. Некие же благоразумные правители, истинные и искусные мужи, и первые вельможи и народ пришли к пастырю своему с великим рыданием, чтобы он заступился за них. Постоянно видя перед собою смерть, слова не могли вымолвить, только показывали ему свои различные раны. Чадолюбивый же отец, с любовью утешая их, говорил: «Не скорбите, о чада! Верен Господь! Не позволит вам быть искушаемыми сверх вашей силы и не попустит до конца пребывать этой лжи! Если и воздвиг враг рать на нас, но постепенно все на голову его обрушится! Господь говорит: „Нужно придти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят“ [46]. Вижу воинство, созданное злыми речами, истину увядающей, а клевету расцветающую. На тризне

щадя. / А не ласканїе творити, все/гда)[1] стигнетъ гнѣвъ мой / на тя. Или санъ сей остави. /Стый же рече: Блгочестивыи / црю. Ни моленїе ти простирах. / Ни ходатай увѣщах тя. / Ни мздою руки исполнихъ, / еже власть сїю воспрїяти. / Почто мя лишилъ еси пусты/ня и отцъ. Аще дерзъ еси чрез / каноны. Твори еже хощеши. / Подвигу нашедшу не подо/баетъ ослабѣвати. Црь же / отиде к себѣ в полаты, в вели/цемъ размышленїи на стаго / гнѣвенъ. Того же начина/80об./нїя совѣтницы злобѣ посо/бницы, Малюта Скуратов, / да Василей Грязной, со свои/ми единомысленики. Непре/стающе(ся) вcякъ ковъ воздви/зающе на блженнаго, увѣ/щающе царя, да не велитъ / имъ отпасти от таковаго / предложенїя. Послѣжде же / мнози и сами поболѣша. / Таже по семъ горшая бысть / православной вѣре от того / опришниньства. Возму/щенїе велїе во всемъ мирѣ и / кровопролитїе и суд не по правдѣ. И от тоя о/бдержащїя скорби другъ дру/га возненавидяху. Нѣцы / иже благора/зумнїи исти/81/нїи правителїе и искуснїи мужїе. / И от первыхъ вель/можь, и весь / народъ. Прїидоша убо к па/стырю своему заступленїя / ради с великимъ рыданїемъ. / Смерть предъ очима имуще. / И глати не могуще. Токмо / показующе ему свое мученїе / различное. Чадолюбивыи же / отцъ. Любовїю превосходя. / Утѣшая и глаше: Не скорби/те о чада. Вѣренъ Гь, не / оставитъ насъ искусити/ся выше силы нашея. И не / попуститъ до конца пре/быти прелести сей. Аще бо / и воздвиже врагъ рать. Но / помалѣ на его главу возвра/81об./тится. Гднь есть гласъ глю/щїи. Нужа есть прїити со/блазномъ. Горе же тому / им же соблазнъ приходитъ. / Вижу бо стройны рѣчи рат / воздвижуще. Из/вѣщенїе / истинное увлядающе. А кле/веты цвѣтуще. Тризну / даему.

[1] Фраза, взятая нами в скобки, в рукописи зачеркнута.

раздаются венцы — это весть о моем благом подвиге, как и апостол говорит: „Потому Бог не стыдится их“[47]. И Давид вооружает меня и говорит: „Буду говорить об откровениях Твоих перед царями и не постыжусь“[48]. Но это все были избранники Божии, а то, что произошло с нами, — из-за грехов наших и для исправления вашей честности, ради нашего общего спасения. Вот, уже секира лежит при корне дерева и поэтому страшно, как вы примете не земные блага, но, как обещал нам Бог, небесные. Ныне и я радуюся о страданиях моих за вас — вы мой ответ и свидетели и венец похвалы». Они же, утешенные истинными словами, разошлись по домам.

В свое время, как-то в день воскресный совершал блаженный Филипп Божественную службу, предстоя в алтаре по чину Захарии и Аарона[49], благоуханно кадило со угождением вознося горé, укрощая ярость Божию пречестными молитвами. Пришел же в соборный храм Пречистой Богородицы к соборному пению царь, облеченный в черные одеяния. Так же и прочие были одеты. А на головах высокие шлыки, черные, как и одеяния, напоминающие одежды халдеев[50]. Все бояре и синклит — все в одинаковых одеяниях. Филипп же, все по молебному чину совершив, возрадовался о приходе царя. Исполнившись божественного света, всю надежду на Бога возложил, надеясь достойно и христоподражательно подъять ярем в кротости душевной. Воистину разжегся огнем Божественной любви и словно непоколебимый адамант[51] стоял на уготованном месте. Царь же, приблизившись к этому месту, трижды испрашивал благословения. Святитель же не отвечал ему ничего. Бояре же говорили: «Владыко святой! Благочестивый государь всея России, Иван Васильевич, пришел к твоей святости и требует благосло-

Се҃ сꙋ́ть вѣнцы̀ се / ѹ҆вѣща́нїе. Се҃ мнѣ̑ подвиза́/нїе бл҃го. Ꙗ҆́коже а҆п҃лъ гл҃етъ: / Бг҃ъ лица̀ чл҃комъ не стыди́/тсѧ. И҆ Дв҃дъ воѡ҆рꙋжа́етъ / мѧ҃. И҆ гла́хъ ѡ҆ свѣдѣ́нїи / твои́хъ предъ цр҃и несты/дѧ́хсѧ. Сїѧ́ же и҆збра́нницы / Бж҃їи приключи́шасѧ на́мъ / грѣ́хъ ра́ди на́шихъ. И҆ на /82/ и҆справ_ле́нїе ва́шей че́стности / ѻ҆́бщаго ра́ди спасе́нїѧ на́шего. / Се҃ ѹ҆́же секи́ра бли́зъ ко́рени. / І҆ ѿ сего̀ стра́хъ прїимѣ́те. / Ꙗ҆́ко не земна́ѧ на́мъ бл҃гаѧ / ѡ҆бѣща̀ Бг҃ъ, но̑ нб҃наѧ. / Нн҃ѣ же і҆ а҆́зъ ра́дꙋюсѧ ѡ҆ стра/да́нїи мои́хъ ѡ҆ ва́съ. Вы бо̑ / ми е҆стѐ ѿвѣ́тъ и҆ по́слꙋси / и҆ похвалы̀ вѣ́нецъ. Ѡ҆ни́ же / пита́еми словесы̀ и҆́стинны/ми. І҆ ѿхожа́хꙋ в до́мы своѧ̀. / Вре́менн же нѣ́коликꙋ минꙋвъ/шꙋ. Въ дн҃ь недѣ́льныи. / Бл҃же́нномꙋ Фили́ппꙋ слꙋж/бꙋ Бж҃твенꙋю соверша́ющꙋ. / Во ст҃лищи и҆зрѧ́дно предстоѧ̀ / ѻ҆лтаре́ви по́ чинꙋ Заха́рїи /82об./ і҆ А҆а́рона. Кади́ло доброво́нно / со ѹ҆гожде́нїемъ возносѧ̀ го/рѣ̀ вы́ш(нем)ꙋ. Ꙗ҆́рость Бж҃їю / кротѧ̀ пречⷭ҇тными мл҃тва/ми. Та́же прїи́де тꙋ̀ в собо́рнꙋю / цр҃ковь Пречⷭ҇тые Бц҃ы цр҃ь к со/бо́рномꙋ пѣ́нїю. В черны̀ ри́/зы ѡ҆болче́нъ. Та́коже и҆ про́/чїи ѡ҆дѣ́ѧни. Е҆ще́ же и҆ на главах / свои́хъ высо́кїе шлыкѝ, , ри́/замъ подо́бни. По ѡ҆́бразꙋ / ꙗ҆́коже халдѣ́и и҆мꙋ́тъ. Бо/ѧ́ре же вси и҆ ве́сь син_кли́тъ, / та́коже ѡ҆дѣ́ѧнїи е҆ди́нъ ѡ҆́браз / и҆мꙋ́ще. Фили́ппꙋ же по́ чинꙋ / моле́бнаѧ соверши́вшꙋ. Ра́/дъ же бы́въ ѡ҆ прихо́дѣ цр҃евѣ. / І҆ и҆спо́лнисѧ Бж҃е́ственнаго свѣ́/83/та. Всю̀ свою̀ и҆зрѧ́днꙋю на/де́жꙋ на́ Бг҃а возложи́въ. / Е҆го́ же надѣ́етсѧ досто́йнѣ / хр҃топодража́тельнѣ поѧ́ти / ꙗ҆ре́мъ. И҆ в кро́тости дш҃ев/нѣй вои́стиннѣ разже́гсѧ / ѻ҆гне́мъ Бж҃е́ственыѧ любвѝ. / І҆ ꙗ҆ко а҆дама́нтъ непоколеби́мъ / на ѹ҆гото́ванѣмъ е҆мꙋ̀ мѣ́/сте стоѧ̀. Црю же к мѣ́стꙋ / пришѣ́дшꙋ и҆ три́ кра́ты бл҃го/слове́нїе проси́вшꙋ. Ст҃лю же / не ѿвѣща́ющꙋ ничто́же. / Болѧ́ре же рѣ́ша: Вл҃ко ст҃ыи / ꙗ҆ко бл҃гочести́выи гдрь цр҃ь И҆/ва́нъ Васи́льѣвичь всеа̀ Росі́и / прїи́де твое́й

вения у тебя». Блаженный же посмотрел на них и сказал: «Благой царь! Кому поревновал, что таким образом изменил свою красоту и неподобающим образом преобразился? С тех пор, как солнце в небесах пребывает, не слыхано, чтобы благочестивый царь свою державу возмущал! Убойся, о царь, Божьего суда и постыдись багряницы! Как можешь ты другим закон полагать, когда сам виноват перед судом? Хорошо сказал богогласный песнописец: „Отвращайся лживых слов льстецов“ [52], поскольку нравом они подобны воронам — те очи телесные выклевывают, а эти — душевные очи ослепляют. Не допускают видеть вещи в истинном свете. Хвалы одних — сущая хула, хула же других многократно похвалы достойна. Твой же многоочитый царский разум должен твердо держаться доброго закона. Крепко иссушай потоки беззакония, чтобы корабль всемирной жизни не захлестнуло волнами неправды. Прекрати такое начинание! Написано: „Правда царя — в суде!“ [53] Зачем убеждаешь свою благочестивую державу, что неправедные дела творишь? И как страждут православные христиане! Мы, царь, приносим Господу жертву чистую и бескровную за спасение мира, а за алтарем неповинно льется кровь христиан и люди напрасно гибнут. Ты, царь, хотя и образом Божиим почтен, но и праху земному причастен. И тебе прощение грехов необходимо! Прощай же и тех, кто против тебя согрешает, поскольку тому, кто прощает, даруется прощение! И господа, сменив гнев на милость, прощают слуг своих и даруют им свободу. Знаешь из Божественного Писания, ты же сведущ в учении, Сам Бог сказал: „Заповедаю вам — любите друг друга! Больше сей заповеди нет!“ [54]

ст҃ости, тре́/бꙋетъ бл҃гослове́нъ бы́ти /83об./ ѿ тебѐ. Бл҃же́нный же во҆зрѣ́/въ на́ нь и҆ присту́пль речѐ: / Цр҃ю бл҃гі́и комꙋ̀ поревнова́въ / си́цевымъ ѡ҆́бразомъ своегѡ̀ / зда́нїѧ добро́тꙋ и҆змѣни́лъ / е҆сѝ. Неподобо-лѣ́пно воѡбра/зи́лъ сѧ е҆сѝ. Ѿне́леже сл҃нце / в̾ нб҃сѝ. Нѣ́сть се̑ слы́шано, / е҆́же бл҃гочести́вымъ цр҃е́мъ / свою̀ и҆́мъ держа́вꙋ возмꙋща́/ти. Ѹ҆бо́йсѧ ѽ цр҃ю Бж҃їѧ / сꙋда̀. И҆ постыди́сѧ багрѧ/ни́цы. Ка́ко и҆ны́мъ зако́н̾ / полага́ѧ, са́мъ вины̀ сꙋ́дныѧ / прїе́млѧ. До́бре речѐ бгогла́сный / пѣ́сно-пи́сецъ. Ѿвраща́йсѧ / ла́сковцевъ, ле́стныхъ слове̑, / ꙗ҆́ко и҆ вра́номъ хи-та́тельныѧ /84/ нра́вы. Ѡ҆нѝ бо̑ тѣле́сныѧ и҆/скопава́ютъ ѻ҆чеса̀. Сі́и же дш҃е́/вныѧ ѻ҆слепла́ютъ мы́сли, / не попꙋща́юще ви́дѣти веще́м / и҆́стинны. Ѻ҆́вїи бо̑ хва́лѧтъ / сꙋ́щаѧ хꙋ̑лы досто́йнаѧ. Дрꙋ̑/зі́и же хꙋ-лѧтъ мнѡ́гажды хва/лы̀ досто́йнаѧ. Твой же цр҃кі́и / мнѡгоѻ҆чи́тыи ра́зꙋмъ соде/ржа́й тве́рдо до́браго зако́на / пра́вило. И҆ и҆ссꙋша́ѧ крѣ́пко / бе҆ззако́нїѧ пото́ки. Да кора́/бль всеми́рныѧ жи́зни не погрѧ́/знетъ волна́ми непра́вды. / Преста́ни ѿ такова́го начина́/нїѧ. Пи́сано бо̑ е҆́сть пра́вда / цр҃е́ва в сꙋдѣ̀. Почтѡ̀ твоѧ̀ / держа́ва ѹ҆бѣди́сѧ бл҃гочес ти́вꙋ /84об./ ти̑ сꙋ́щꙋ, непра́веднаѧ дѣ́/ла твори́ти. Коли́ко стра/жꙋ́тъ право-сла́внїи хри/стїѧ́не. Мы ѹ҆̑бо ѽ цр҃ю / прино́симъ же́ртвꙋ Гв҃и / чт҃ꙋ и҆ бе҆зкро́внꙋ в мирско́е / сп҃се́нїе. А҆ за ѻ҆лтаре́мъ не/пови́нно кро́вь лїе́тсѧ хрт҃їѧ/нькаѧ, и҆ напра́сно ѹ҆ми/ра́ютъ. А҆́ще ѹ҆̑бо цр҃ю, / и҆ ѡ҆́бразомъ Бж҃їимъ почте́н / е҆сѝ. Но̑ пе́рьсти земне́й / приложе́нъ е҆сѝ. Проще́нїѧ / грѣхо́въ тре́бꙋеши. Про/ща́й и҆ къ тебѣ̀ согрѣша́ю/щаѧ. Ꙗ҆́ко проще́нїю дае́/тсѧ проще́нїе. И҆ е҆́же клев̾/ре́тъ на́шихъ проще́нїе /85/ вл҃чнѧ гнѣ́ва свобода̀ быва́/е́тъ. До конца̀ бо̑ ти̑ вѣ́дꙋ/щꙋ Бж҃ественаго Писа́нїѧ / ѹ҆че́нїе. Ѿкꙋ́дꙋ семꙋ̀ поревно/ва́лъ е҆сѝ. Самомꙋ̀ Бг҃ꙋ ре́кшꙋ. / Сі́и запо вѣ-да́ю ва́мъ да лю́би/те дрꙋ́гъ дрꙋ́га. Бо́лше сеѧ̀ / за́повѣди никто́же

И божественный Его ученик, Иоанн Богослов, в своих посланиях пишет: „Кто не творит правду — не от Бога, также и не любящий брата своего, потому что такова весть, которую вы слышали от начала, чтобы мы любили друг друга“ [55]. И другие все Божественные Писания согласно говорят об этом и нигде иного не отыщешь».

Царь же возгорелся яростию и сказал: «О, Филипп! Наше ли решение хочешь изменить? Не лучше ли тебе пребывать с нами в единомыслии?» Святой же отвечал: «О царь! Тщетна будет вера наша! Тщетно и проповедание апостольское! И Божественное предание не принесет нам пользы, а его нам святые отцы передали! И все доброделание христианского учения! И даже само вочеловечение Владыки, совершенное ради нашего спасения! Он нам даровал все — чтобы непорочно соблюдали мы дарованное, а ныне мы сами все рассыпаем — да не случится с нами этого! Взыщет Господь за всех, кто погиб из-за твоего царственного разделения! Но не о тех скорблю, кто кровь свою неповинно пролил и мученически скончал жизнь, поскольку ничтожны нынешние страдания для тех, кто желает, чтобы в Царствии Небесном им воздалось благом за то, что они претерпели! Но пекусь и беспокоюсь о твоем спасении»!

Царь же ни святительского обличения, ни запрещения, ни учению не внимал, но, сильно гневаясь и размахивая руками, угрожал изгнанием и смертными муками. И сказал: «Филипп! Нашей ли власти противишься, чтобы видели твердость твою?» Долготерпеливый же пастырь, не страшась ни запрещения, ни предреченных мук, отвечал: «Благой царь! Вашему повелению не повинуемся и с недобрыми доводами, которые ты приводишь, не

имать. / И Бжественым его оучнком / сему же согласующу. Іоанну / Бгослову во своихъ посланиих / пишущу. Всякъ бо не тво/ряи правду неесть ѿ Бга. / И не любяи брата своего. / Яко се есть обѣтованїе / еже слышасте исперва. Да / любимъ другъ друга. И / прочая вся Бжественная /85об./ Писанїя согласуютъ. И ни/гдѣ же развратно обряще/ши. Црь же возгорѣвся / яростїю и глаше: Ѡ Фи/липпе, наше ли изволенїе / преложити хощеши. Лу/чше было тебѣ с нами еди-/номыслено быти. Стый/и же рече: То оубо Ѡ црю / тща будетъ вѣра наша. / Тще же и проповѣданїе / аплское. И всуе намъ бу/дутъ Бжес-твеная преда/нїя. Иже стїи ѿцы преда/ша. И вся дѣланїя добро-дѣ/телемъ хртїяньскаго оуче/нїя. И самое же владчняго смо/тренїя во-члченїе, еже нашегѡ /86/ ради спасенїя. И вся яже намъ / дарова, да непорочне соблюдем. / Ннѣ же сами разсыплемъ. Не / буди намъ того. Взыщетъ / сего Гь ѿ руки твоея. Сїя вся / сташася ѿ твоего цртве-наго / разделенїя. Не о тѣхъ ско/рблю, иже кровь свою непови/нно про-ливаютъ, и скончева/ются мчнчески, понеже не/достоина суть страданїя / ннѣшняя, к хотящимъ / блгимъ тамо воздатися пре/претерпѣв-шимъ. Но имѣх / попеченїе и блюдохомъ о твоем / спасенїи. Црь же стльскаго о/бл(и)ченїя и запрещенїя ниже / оученїя никакоже внимая. /86об./ Но гнѣвався на нь ѕѣло, и / рукою помавая изгнанїемъ / прещаше, и розными мука/ми и смертными навѣты. / И рече: Фи-липпе нашеи ли держа/вѣ являешися противенъ, / да видитъ крѣпости твоея. / Долготерпѣливыи же пастыр / не бояся прещенїя ни мукъ / предложенїя. И рече: Црю бла/гїи вашему повелѣнїю не по/винуемся, и разуму его же / (несогласуемъ) [1] не добрѣ смыш/ляешь не гласуемъ,

---

[1] Слово, взятое нами в скобки, в рукописи зачеркнуто.

согласимся. Хотя бы и от тысяч злых мук пострадали. «Господня земля и концы ее“ [56]. Я пришелец и странник, как и все предки мои. За истину благочестия я подвизаюсь. Хотя бы и сана меня лишили или самым лютым страданиям предали — не смиряемся!» Услышав это, царь исполнился ярости. Безумные же клеветники, впав в соблазн, творя богомерзкие угождения бесам, не радуются о благочестии и смирении мира, но больше всего тщатся озлобить православное христианство, и разорить благочестие, и разгневать православного царя ради своей мимотекущей чести и славы. Подольщаясь к царю, говорят, что святитель извратил царские слова. И замышляют заговор и выдумывают ложь, как говорит великий Исайя: «Зачинают болезнь и рождают беззаконие» [57]. И говорили: «Ложью покроем себя и всякий камень поднимем, чтобы слово сказать. Только бы со святого престола низложить его и потоки браней против христиан крепко утвердить». Также замыслили и народ от него отвратить и в конце концов епископов и церковь восстановить против него и представить дело царю. Анагност [58] Филиппа говорил: «Призвал меня посреди ночи, как бы ради благоговения и добродетели, но услышал я от него сопротивное и неполезное. И даже пришлось мне от него пострадать». Услышав же это, епископы с обвинителями, а также угождающий царю архиепископ Новгородский Пимен и прочие негодующие, говорили: «Как это он дерзает царя наставлять, а сам неистовое творит?» Филипп же Пимену сказал: «Пытаешься чужой престол похитить, но вскоре и своего лишишься!» Дядя же его, эконом великой церкви Харлампий, сжалился над ним, ибо понимал, что оклеветали его. Подверг его пытке [59], а он со слезами говорил: «Не по своей воле дал я показания против Филиппа, но

аще и тма/ми ѿ васъ лютаѧ пострáжеⷨ. / Гнѧ есть землѧ и концы еѧ. / Азъ пришлéцъ есмь и пресéлникъ / ꙗкоже и вси ѿцы мои. За истинную /87/ блгочестїѧ подвизáюсѧ. Аще / и сáна лишáемъ или лютѣи/шаѧ предлежитъ пострадá/ти не смирѧемсѧ. Сїѧ оубо / слышавъ црь ꙗрости испол/нисѧ. Навáдницы же безу/мнїи соблáзнъ имѣѧху бго/мерскаѧ оугождéнїѧ бѣсовоⷨ / творѧху. Не рáдуютсѧ ѡ / блгочéстїи и ѡ смирéнїи мира. / Но пáче тщáтсѧ ѡзлóбити / православное хртїѧньство / и ра_зорити блгочестїе. И на / гнѣвъ превратити право/славнаго црѧ. Длѧ своей / мимотекущїѧ чти и слáвы. / Подпáдаютъ црéви глагóлюще, / ꙗко црéвъ глъ стль измѣни. /87об./ И оумышлѧютъ совѣтъ и сши/вáютъ ѡболгáнїѧ, иже по ве/ликому Исáїи. Зачинáютъ / болѣзнь и раждáютъ безза/кóнїе. И лжею рѣша покрыеⷨ / себѣ. И всѧкъ кáмень еже сло/во рѣщи подвижутъ, ꙗкоже / ѿ пртóла стáго низложити. / И хртїѧньской брáни оустреми/лище крѣпко сотвердити. / Тáже да и нарóдъ ѿ негò ѿвра/тѧтъ, и конéчне еппи воз/мутѧтъ. И дѣло бѣ сицево / црю бо и еппомъ ещè в црквѝ су/ще. Анагнóстъ црквѣ Фили/пповы глагóлаше: Блгоговѣ/иньства рáди и добродѣтели / призвà мѧ. И понéже посредѣ /88/ бысть нóщи. Сопротивнаѧ / ѿнюдъ и неполéзнаѧ ѿ их же непще/_вáше, ѿ негò видѣти и по/страдáти. Слышавше же / сїѧ еппи и ѡгла_гóлницы иже / оугождáющеи црю. Пиминъ / архїеппъ Новгородцкїи, и / прóчїи негодующе глагóла/ху: Како црѧ оутвержáетъ / самому же нейстоваѧ тво/рѧщу. Филиппу же к Пими/нови глющу: Тщишисѧ чю/жїи пртолъ восхитити, / но и своегò помáлѣ изверже/нъ будеши. Стрыи же егò / Харлáмпїи иконóмъ великїѧ / црквѣ зжáлиси ѕѣлò, вѣдѧ/ше ꙗко ѡклеветà. Ѡсóбъ /88об./ истѧзà егò. Ѡн же со слезá/ми глаше: Яко не своéю вóлею / но принуженъ есмь страхоⷨ. / Бѣ бо

принуждаемый угрозами». Был же отрок этот благообразен. Епископы же, любившие Филиппа, знали, что это ложь. Но не смели противостать лжи, ведая, что уже решено низложить его. Пришли же к блаженному и просили, чтобы он простил отрока. Отец же, по-отечески явив себя, зная, что юность легко склоняется к прегрешениям, сказал так: «Да будет милостив к тебе Христос, о любезный! И подаст тебе прощение и тем, кто тебя научил! Предвижу я тризну! Не понимаете ли, любимцы мои, ради чего хотят меня низвергнуть и подущают царя? Ведь я не произносил для них слов льстивых, не наряжал их в брачные одежды, ни ласкательством их не утешал! Но да не будет — чтобы я об истине умолчал! Не посрамлю епископский сан!» Так он говорил любящим его. Народ же и иноки благоговейные и все, пекущиеся о благочестии, не отступили от него, но еще больше прилеплялись к нему. Царь же гневался — но никто на замолвил мирного слова за святого. Доблестный же страдалец, не боясь ничего, молчал, но, подобно блаженному Павлу, вопиял: «Ибо для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение»[60].

Спустя некоторое время настал праздник святых апостолов Прохора, Никанора и Пармена[61]. Вне же города есть женский монастырь, а в нем храм Пречистой Богородицы[62]. По обычаю в этот храм на праздник приходили царь и митрополит, согласно древнему уложению царскому. Пришел же царь со всеми боярами и всеми слугами. Блаженный же Филипп вне монастыря шел по стенам с крестным ходом. Когда же подошел к Святым вратам, настало время читать Святое Евангелие. Обер-

блгообразенъ отро[к]. / Еппи иже любящеи Филиппа / знающе яко лжа есть. Оуже / ничтоже смѣяху глати. / Вѣдуще яко сложишася на / извержение его. Припадше [ж] / къ блженному моляхуся о / разрешении отрока. Отцъ же / яко отцъ отеческая отроку / показуя. Вѣдяше яко лег/чайши суть юношескїя к ви/намъ согрешения. И глаше / сице: Буди тебѣ млтивъ Хс, / о любезне. И даждь ти про/щение, остави бо тѣмъ /89/ иже тя на се наоучиша. Ви/жу бо тризну даему. Не вѣ/сте ли любимицы чесо ради хо/тятъ мя извреши, и цря / подоущают на се. Понеже и[м] / не простроху словесъ лестны[х]. / Ни в ризы брачны одѣяхъ. / Ни ласкордъства имъ оутѣ/шихъ. Не будими. Аще о и/стиннѣ оумолчю да не п(в?)очту/ся въ еппъскїи чинъ. Се же / ему к любя_щимъ его глющу. / Православнїи же народи и ино/цы блгоговѣинїи. И вси иже / о блгочестїи подвизающеися. / Никакоже отступающе от не/_го. Но паче прилѣпляхуся. / Црю же гнѣвающуся. Гдѣ /89об./ оубо ни сошедшеся слово ми/рно ко стому не глаголаше. / Доблїи же страдалецъ ни сего / оубояся оумолча. Но якоже / блженныи Павелъ вопїя. / Жи_тїе оубо мое Хс, и еже оумре/ти приобрѣтение жизни / его. (праздни-ку) [1] Малу же / времени минувшу. Праздни/ку пришедшу стыхъ аплъ / Прохора и Никонора и Пармена. / Монастырь оубо [есть] девическїи / внѣ града, в нем же храмъ / Пртые Бцы. Обычаи бо цре[м] / приходити на праздникъ / и митрополитомъ по оуло/жению древнихъ црей. При/шедшу же црю со всѣми боля[ры] /90/ и со служащими всѣми. Бла/женному[ж] Филиппу внѣ мо/настыря со кресты по стѣна[м] / ходящу. Дошедшу же сты[х] / вратъ. Времени же приспѣ/вшу хотя чести стое еуалие. / И

---

[1] Слово празднику в рукописи зачеркнуто.

нувшись, он увидел пришедших с царем в тафьях[63]. Обратившись к царю, сказал: «Когда совершается божественное славословие и читается Слово Божие, во утверждение христианского закона полагается стоять и слушать с непокрытыми головами. Откуда пришел к нам агарянский обычай — стоят все единоверные с покрытыми головами?» Царь же сказал: «О ком ты говоришь?» Святой же отвечал: «О твоих боярах и советниках!» Царь же оглянулся, чтобы увидеть, но они быстро сняли тафьи. Никто же из предстоящих не посмел сказать царю — поскольку это были любимцы царя, лютые и нечестивые начальники, сеятели тайных сорняков, горячие служители злобы. Оболгали блаженного Филиппа, сказав: «Неправду говорит! Над властью твоей царской надругался!» Тем самым приняли заповеди от лукавого, говорящего в их сердце, раскрыв болезнь душевную и сокровенное обнажив лукавство. Отовсюду лютейшие наветы приносили царю, стремясь не только низвергнуть Филиппа с престола, но и из города изгнать — мужа, достойного вечных селений. Но он пребывал непоколебим, воспевая с Давидом: «Если и ополчится против меня полк, не устрашится сердце мое»[64].

Царь же не просто решил его извергнуть, боясь, чтобы не возмутился народ. Вскоре после показаний лживых свидетелей посылает он на Соловки Суздальского владыку Пафнутия, да архимандрита Феодосия, да князя Василия Темкина, а с ними множество воинов, чтобы дознать о блаженном, каковым было его прежнее житие. Придя в Соловецкий монастырь, покушались они неправду творить: склоняли к угождению царю живущих там иноков, иных лестию и мздоимством, иных умягчая сановными почестями, чтобы те по их желанию лжесви-

ѡ̑бозрѣ́вся вспа́ть. И̑ ви/дѣ и̑же со црем̃ прише́дшїи / стоа̀щихъ в тафїи̑. І̑ ѡ̑бра/щься къ црю̃ и̑ речѐ: Бж̃е́стве/нномꙋ славосло́вїю совер_ша́/е̑мꙋ. И̑ Бж̃їю сло́вꙋ прочита́/е̑мꙋ хр̃тїа́ньскаго зако́на / во оу̑твер_же́нїе, ѿкровéнны/ми глава́ми послꙋ́шати по/доба́етъ. Ѿкꙋдꙋ си́мъ се̑ / привни́де а̑га́рѧнскаго за/ко́на почита́нїе. Покрове́/90об./нными глава́ми пре́стоа́ти. / Вси̑ е̑диновѣ́рни сꙋ́ще. Цр̃ь же / речѐ: Кто̀ оу̑бо е̑́сть се́й. Ст̃ы́/и̑ же речѐ: Твоеа̀ црк̃їа держа́/вы и̑ совѣ́тныа пола́ты. / Цр̃ь же хотѧ̀ вѣ́дѣти быв/шее. Ѡ̑ни́ же сокры́вше тафїи̑. / Никомꙋ же ѿ пре́стоа̀щихъ тꙋ смѣ́ющꙋ / сказа́ти. Бѣ̑ бо̑ ѿ люби́мыхъ / црем̃. Лю́тїи же нече́стїа / пре́ста́телїе. Сокровéннїи пле́/веломъ сѣ́ѧтелїе, те́п_лїи ѕло́/вы слꙋжит(ї)елїе. На бл̃же́ннаго / Фили́ппа соврати́вше рѣ́ша / ꙗ̑ко не и̑стиннꙋ гл̃етъ. Держа́/вѣ твоей црьстѣ́й нарꙋга́ѧсѧ. / Ꙗ̑коже ѿ гл̃ющаго, тѣ́мъ въ / ср̃це лꙋка́ваго прїе́мше запов/91/данїе. И̑ болѣ́знь дш̃е́внꙋю ра́зве́/ргше. И̑ крыю́щеесѧ а̑́бїе ѡ̑бнажи́в/ше лꙋка́вство. Навѣ́ты то/мꙋ ѿвсю́дꙋ приноша́хꙋ лю(тѣ)/тѣ́йшаа. Не ѿ пр̃тола то́чїю, / но̑ и̑ ѿ града и̑згна́ти тща́щесѧ / досто́йна сꙋ́щаго нб̃ныхъ селе́/нїи. Но̑ ѡ̑́нъ непоколѣ́бимъ / съ Дв̃домъ поѧ̀. А̑́ще ѡ̑полчи́тсѧ / на́ мѧ по́лкъ, не оу̑бои́тсѧ ср̃це / моѐ. Цр̃ь же не про́сто и̑звре/щи̑ е̑го̀ хотѧ́ше да не воз_мѧтет / наро́дъ. Вско́рѣ ж по и̑звѣще́/нїю лжи́выхъ свидѣ́телей. / Посы_лаетъ в Соловки̑, сꙋзда/льскаго вл̃кꙋ Пафнꙋ́тїа. да / а̑рхи́марита Ѳео̑_до́сїа, да кнѧ/зѧ Васи́лїа Те́мкина. И̑ с ни́ми /91об./ мнѡ́гихъ ѿ во́иньскаго чи́нꙋ. / И̑спыта́ти ѡ̑ бл̃же́ннемъ. / Каково̀ бы́ло пре́жнее жи_тїѐ / е̑го̀. Доше́дшим же и̑м̃ Со/лове́цкаго монастырѧ̀. Не / ꙗ̑ко и̑мъ пра́ваа твори́ти / покꙋша́хꙋсѧ, но̑ на оу̑гожде́/нїе црю̃. Живꙋ́щихъ же тꙋ / и̑нокъ. Ѡ̑вѣ́ оу̑бо ласка́нїем / и̑ мздои́мствомъ. Ѡ̑вѣ́хъ же / сано́вными почестьми̑ оу̑мѧ/гчи́ша. Да по и́хъ хотѣ́нїю / нарѣ́чїе воздадꙋ́тъ на ст̃а́го,

детельствовали против святого, других же страхом запрещения склоняли. Легкоумных же и безумных привлекли к своему замыслу. Архон[65] же Василий да архимандрит Феодосий неприятную вину на святого возводили. Епископ же Пафнутий не желал слышать тех, кто истину говорил о святом. Игумену же епископский сан посулил, уловив его в такое многосмрадное сообщество, сплетя совет неправедный и грешный. Как говорит пророк Давид: «Они злое мыслят в сердце, всякий день ополчаются на брань, изощряют язык свой как змея, яд аспида под устами их»[66]. Богоносным же и честным старцам, живущим во святой обители, многие раны нанесли, повелевая им неподобную напраслину на святого возводить. Они же и нрав имея по образу благочестия, словно добрые страдальцы, всякие скорби с радостью принимали за своего пастыря. Все, словно едиными устами, исполнясь Духа Святого, вопияли: «Непорочно его житие и в Боге попечение о святом месте этом и о братском спасении!» Те же не желали слышать о святом благих свидетельств и, возвратившись в Москву, взяли с собой игумена Паисия, таково имя легкоумного, более же безумного, с иными клеветниками. И представили перед царем лжесвидетелей и лживые и многосмутные свитки свои положили. Были ослеплены грехоболием, не вспомнили пророка, говорящего: «Рыл ров и выкопал его, и упал в яму, которую приготовил. Злоба его обратится на его голову»[67].

Царь же, услышав про необходимые для него книги, повелел их перед собою и боярами прочесть. И, желая гнев свой поскорее излить, не убоялся суда Божия, поскольку не подобает царям вину святителей расследовать. Согласно правилам их епископов судят в том случае, если они совершили вину. В этом случае и царь

/ овѣхъ же и страхомъ прещенiя / прещаху. Легкоумных же / реку и безумныхъ ко своему / умышленiю привлекоша. / Василiи же архонъ, да архима/92/ритъ Феодосiи мало ѿраднее / на стаго вину слагаху. Пафѷ/нотiи же еппъ ни слышати хо/тяше еже о стѣмъ истинну / глющихъ. Игумену же еппъ/скiи санъ посуливше, ко свое/му умышленiю уловиша. / И тако многосмрадную сонми/цу совокупивше. Сплетше / совѣтъ неправеденъ и грѣшен. / По прркy Двдy. Иже помысли/ша неправду в срдцы. Весь днь / ополчаху брани. Изъостри/ша языкъ свой яко змiинъ, / ядъ аспиденъ подъ устнами / ихъ. Бгоносным же и чтным / старцемъ живущимъ во стѣй / обители. Многи раны сотво/92об./риша повелѣвающе имъ на/прасно на стаго неподобная / глати, они же по образу / блгочестiя и нравъ имуще. / Яко доблiи страдалцы вся/кiя скорби с радостiю прiемлю/ще за своего пастыря. Яко / единеми усты Стаго Дха / наполняеми истинну во/пiютъ. Непорочное его жи/тiе и по Бзѣ попеченiе о стѣм / мѣсте и о братцкомъ спасе/нiи. Тiи же ни слышати хотяху / о стемъ блгое его исправленiе. / И возра_тишася к Москвѣ. / Взяша с собою игумена Па/исѣю тако бо ему имя, ле/гкоумнаго паче же безумнаго /93/ со иными клеветники и с лож/ными словесы. И постави/ша пред цремъ лжесвѣдѣте/лей. И лож_ныя и многосму/тныя свои свитки положи/ша. Ослѣплени бо быша / грѣхоболiемъ. Не помянуша / пророка глюща. Ровъ изры / ископа и впадеся въ яму юже / содѣла. Обратится болѣ/знь его на главу его. Црь же / слышавъ сiя книги, яко су/ть ему угодны повелѣ / пред собою и пред боляры поче/сти. И вскорѣ гнѣвъ свой / исполнити хотя. Не убоя/ся суда Бжiя. Еже цремъ не / подобаетъ стльскiя вины /93об./ испытовати. Но еппи по пра/виломъ судятъ. И аще вины /

власть свою употребляет. Здесь же царь все самовластно совершил — послал боярина своего Александра Басманова со многими воинами и повелел блаженного Филиппа изгнать из храма. Пришел же боярин в соборный храм Пречистой Богородицы и изрек пастырю царевы слова: «Недостоин ты святительского сана!» И повелел перед ним и перед всем народом прочесть лживо составленные книги. Пришедшие же с ним напали на святого, как свирепые звери, и сорвали с него святительские одежды. Он же обратился к служителям и сказал: «О чада! Печально наше разлучение! Но я еще более радуюсь, поскольку ради Церкви все это принимаю! Настанет время, когда овдовеет Церковь! Пастыри же, словно наемники, будут презираемы! И кто сможет престол этот освященный удержать? И кто во святом этом храме Божией Матери погребен будет?» [68] Эти слова, произнесенные им, многих в изумление повергли, как не относящиеся к делу. Мы же вернемся к повествованию. И возложили на него ветхие и разодранные иноческие одежды и изгнали его из храма. Посадили в повозку и повезли за пределы города. Иные же ругались над ним, и толкали за пределами ворот, и били метлами, и осыпали тьмами злодейственных укоризн, и как безумные в бешенстве постыдные игралища диаволу устроили. Стражи всякими видами мучений и досаждений страстотерпческую голову осыпали. И, исполнившись умиления, Филипп, поруганные ризы на себе видя, и слыша досаждения, веселился, укрепляясь надеждою на будущие блага. Как мученик нагим принимается, совлекши ложь и облекаясь в праведность. Вспоминая вольное страдание Христа, говорил: «Без помощи Божией ничего не можем совершить! И без наших усилий по-

досто́инъ бѹ́детъ и҆ црь вла́/сть свою̀ на не́мъ показѹ́етъ. / Здѣ́ же само_ вла́стно сотво/ри̑, нима́ло пожда̀. Посла̀ бо/ѧ́рина своегѡ̀ А҆лексѣ́ѧ Ба/сма́_нова, со и҆ны́ми мнѡ́ги/ми во́ины кентирїо́ны и҆ ко/ментарсїи. И҆ повелѣ̀ бл҃же́/ннагѡ Фили́ппа и҆згна́ти / и҆з црк҃ве. Прише́дшѹ же бо/ѧ́ринѹ в собо́рнѹю црк҃вь / Прест҃ыѧ Бц҃ы. И҆ и҆зре́къ па́/стырю црс҃кїѧ гл҃ы. Не_досто́/инъ є҆сѝ ст҃льскагѡ са́на. И҆ / повелѣ̀ пред нимъ и҆ пре́д все́мъ / наро_домъ честѝ ло́жно со/94/ста́вленыѧ кни́ги. Прише́дъ/шїи же с ни́мъ нападо́ша на / ст҃агѡ ꙗ҆́ко сѹро́вїи звѣ́рїе. / И҆ совлеко́ша с негѡ̀ ст҃льскїи чи́нъ. / О҆́н же ѡ҆бра́щьсѧ к свои́мъ црк҃о́/вникомъ и҆ речѐ: Ѿ ча́да се ско́/рбно разлѹче́нїе моѐ ѿ ва́съ. / Но̑ па́че ра́дѹюсѧ ꙗ҆́ко црк҃ве ра́/ди сїѧ̀ всѧ̑ прїѡбрѣто́хъ. / Настои́тъ бо̑ вре́мѧ ꙗ҆́ко вдо/вство прїѧ́тъ црк҃вь, па́с_ты/рїе ꙗ҆́ко нае́мницы презира́/е҆ми бѹ́дѹтъ. Нижѐ соверше́но / сѣда́лище ктѡ̀ ѹ҆держи́тъ. / И҆ во ст҃ѣ́й се́й црк҃ви Бж҃їѧ Мт҃ре / погребе́нъ бѹ́детъ. Сїѧ́ же є҆мѹ̀ / гл҃ющѹ, мнѡ́гихъ во ѹ҆дивле́/нїе приведѐ. Ꙗ҆́ко пома́лѣ и҆ /94об./ в дѣ́ло прои҆зы́ти. Па́ки же / на преже́рече́ннаѧ возврати́/мсѧ. И҆ возложи́ша на негѡ̀ / ри́зы и҆ноческїѧ мнѡгошве́/нны и҆ раздра́нны. И҆згна́ша / є҆гѡ̀ и҆з црк҃ви. И҆ посади́ша є҆гѡ̀ / на возило. И҆ внѣ̀ гра́да по/_везо́ша рѹга́ющесѧ. И҆́ни́и же / ко и҆схо́дѹ де́бри рѣ́юще и҆ ме/тла́ми бїю́ще. И҆ тма́ми / злодѣ́йственыѧ ѹ҆кори́зны / принѡша́хѹ є҆мѹ̀. Что̀ бо̑ бе/_зѹ́мнїи стѹ́днаѧ бѣсова́/нїѧ дїа́волѹ и҆гра́лища не со/твори́ша. Но̑ всѧ́къ ви́дъ / мч҃нїѧ и҆ досажде́нїѧ на стра/стотерпчестей главѣ̀, при/ста́вницы сотвори́ша. И҆ и҆/95/спо́лниша ѹ҆миле́нїѧ позо́ръ / бл҃же́нныи же Фили́ппъ по/рѹ́ганныѧ ри́зы на себѣ̀ ви́/дѧ и҆ досажде́нїѧ веселѧ́сѧ, / ѹ҆крѣплѧ́емъ ѡ҆ наде́жи бѹ/дѹщихъ бл҃гъ. Ꙗ҆́ко да мч҃нкъ / на́гъ и҆ме́тсѧ совлече́сѧ ль/стѝ. Подаѧ̀ пра́ведство. / Помина́ѧ во́лное страда́нїе / Хв҃о. И҆ гл҃аше кромѣ̀ по́мощи / Бж҃їѧ ничто́же соверши́ти / мо́жемъ. Нижѐ бо̑

могает нам Бог, но мы должны трудиться — не ради мимотекущего, а для лучшего и вечного! Но дело совершает Бог!»

Те же привезли святого к Богоявленскому монастырю, за рынок, где торгуют подержанными вещами. Народ же провожал его, плача. Видя своего пастыря и крепкого заступника за все Православие страждущего, а себя лишенного своего учителя, предвидя окончательную свою погибель. Преподобный же архиерей Филипп, весь тот православный народ на обе стороны крестообразно осеняя, сподобил их благословения. Смирению Христа моего подражая, словно у креста, и так мой страдалец подвиги своего безгневия явил и люди свои поучал, вспомнив слово Господне: «Терпением вашим спасайте души ваши!» [69] И сказал: «Все это я принимаю ради того, чтобы вы спешили делать добро и в смятении вас утвердить! Если бы не знал о любви вашей, то и одного дня я не пробыл бы здесь, но сразу бы ушел! Но слово Божие укрепляет меня: „Пастырь добрый душу свою полагает за овец!“ [70] Но да никто же из вас пусть не смущается тем, что со мной происходит. Все это — дело рук диавола, который желает препятствие сотворить. Если же хочет Бог — пусть так и будет, да не уклонюсь в сторону! Христос с нами — кого же нам бояться? Благодать его с нами! А я готов за вас все принять. Вашей любовью венец мне сплетен в этом преходящем веке, если допустит его мне принять Бог! Как обо мне сегодня думают? В болезнях всякая победа приходит и трудами стяжаются венцы! Но умоляю вашу любовь — уповайте на Бога, чтобы никто не смог вас от Него отторгнуть! Это для нас же наказание нам ниспослано — для исцеления греховных наших струпьев! Не от чужих, но от своих — радостно примем от них

кромѣ̀ на́/шего потща́нїѧ помога́етъ / на́мъ Бг҃ъ. На́ше бо̀ є҆́сть тща́/тисѧ не на́ мимотеку́щее, / но̀ на лу́чшее и҆ вѣ́чное. Бж҃їе / же є҆́сть на дѣ́ло и҆звѣстѝ / та́ же привезо́ша ст҃аго к̾ Бг҃о/95об./ѧ҆вле́нїю в мн҃тырь за ветош̾/но́й то́ргъ. Наро́ди же прово/жа́ху є҆го̀ пла́чюще. Ви́дѧху / своего̀ па́стырѧ и҆ крѣ́пкаго / засту́пника за всѐ правосла́/вїе стра́жуща. И҆́же и҆ оу҆чт҃лѧ / своего̀ ѿлуча́хусѧ. Себѣ́ же / всеконе́чнаго ча́юще скон_ча́нїѧ. / Прп҃дбный же а҆рхїере́й Фили́ппъ / всѧ̀ ту̑ правосла́вныѧ наро́ды / на о҆бѣ̀ стра́нны кр҃тао҆бра́/зно о҆сѣнѧ́ѧ своего̀ бл҃госло/ве́нїѧ сподоблѧ́ше и҆́хъ. Хрⷭ҇а мо/его̀ смире́нїе подража́ѧ ѩ҆́коже / при кр҃тѣ̀. Си́це моего̀ стра/да́лца по́двиги. Своего̀ без̾/гнѣ́вїѧ о҆́бразъ показу́ѧ. / И҆ лю́ди своѧ̀ поу҆ча́ѧ. Сло́во /96/ Гн҃е воспомина́ѧ є҆́же речѐ: В те/рпѣ́нїи ва́шемъ стѧ́жите дш҃а / ва́ша. И҆ гл҃а сїѧ̀: Се̑ прїѧ́х(...)/ то́чїю того̀ ра́ди да вы̑ бы̑ спѣ́/ли на добро̀. И҆ возмуще́нїе ва́/ше хотѧ̀ оу҆тверди́ти. А҆́ще не / бы ва́шеѧ любвѐ дѣ́лѧ. То̑ / и҆ дн҃ь є҆ди́нъ не рачи́лъ бы́хъ пре/бы́ти здѣ̑ но̑ ѿше́лъ. И҆ сло́во / Бж҃їе оу҆крѣпи́ мѧ̑. Па́стырь / до́брый дш҃у свою̀ полага́етъ / за о҆вца̀. Да никто́же ва́съ сму/ти́тсѧ о҆быва́ющихъ си́хъ. / Се̑ всѐ дїѧ́волъ сотвори́лъ є҆́сть. / Хотѧ̀ спо́ну сотвори́ти. А҆́ще / хо́щетъ Бг҃ъ да си́це бу́детъ. / Да сѧ не склоню̀ на стра́ну. Хрⷭ҇ / с на́ми є҆́сть, кого̀ сѧ на́мъ боѧ́ти /96об./ бл҃года́ть бо̑ є҆го̀ и҆ма́мы. А҆́зъ за / вы̑ прїѧ́ти что̑ любо гото́в̾ / є҆́смь. Ѩ҆́ко ва́ша любы̀ вѣне́цъ / мѝ плете́нъ в приходѧ́щїи / вѣ́къ. Є҆да̀ попу́ститъ се̑ мнѣ̀ / прїѧ́ти Бг҃ъ. Ѩ҆́коже о҆ мнѣ̀ / нн҃ѣ мы́слѧтъ. В болѣ́знехъ / бо̑ всѧ́ка побѣ́да быва́етъ, / и҆ тру́ды гото́вѧтсѧ вѣнцы̀ / но̑ молю̀ ва́шу любо́вь да оу҆упо/ва́ете на́ Бг҃а. Да никто́же / ва́съ ѿто́ргнути мо́жетъ. / Се̑ є҆́сть на́мъ наказа́нїе лю/би́тельно. Грѣ́хо́внымъ / на́шимъ стру́помъ на и҆сцѣ/ле́нїе. Не ѿ чюжи́хъ бо̑ но̑ ѿ / свои́хъ. Да прїи́мемъ ѿ ни́хъ / всѧ́кїѧ ско́рби ра́достно.

всякие скорби, словно нечто приятное. Господь сказал: „Любите врагов ваших и благотворите ненавидящим вас. Благословляйте проклинающих вас и молитесь за тех, кто делает вам пакости. Бог же мира да устроит для вас все необходимое по великой благости Своей!“ [71]». Люди же, все это слыша и приняв от него последнее любовное прощение, возвращались плача, вспоминая свои грехи. Предстала перед ними уготованная им участь и возмездие — гроза царская обступила их, а укрыться негде.

И спустя некоторое время повелел царь привезти блаженного Филиппа в епископию для свидетельства перед обвинителями. По-прежнему же возили святого с поруганием. Встал он перед царем и те клеветники, облекшиеся неправдою и нечестием своим. И его, пастыря, ученик — только по имени игумен Соловецкого монастыря — по делам же своим Иуда-предатель с подобными себе, лживые речи произносили против святого, поскольку жаждали начальствовать. Блаженный же сказал: «Благодать Божия во устах твоих, чадо! Словно уста лживого отверзлись против меня — если же чего-то недостоин, да не тщетно подвизаюсь. Не ведаешь ли глаголющее Божие слово: „Если кто скажет брату своему — "безумец", повинен геене огненной“ [72]. Если же ты и подпал искушению похитить эту власть и нечестное произносишь слово — это не мое слово, а Писания: „Что посеет человек, то и пожнет!“» [73] Многое смятение возникло. Святой же стоял, словно агнец среди волков в преподобии и правде, именем Господним сопротивляясь им. О таковых хорошо говорит пророк: «Прокляты в начинаниях своих! Меч их войдет в их же сердце, и луки их сокрушатся. Многие скорби праведным, но от всех их избавит их Господь. Надеющиеся на Господа, словно гора Сион,

/97/ Ꙗ̓́коже и̓мъ го́дѣ. Гд҇ꙋ рекшꙋ. / Люби́те враги̑ ва́ша и̓ добро̀ / твори́те ненави́дѧщимъ / ва́съ. Бл҇гослови́те клену́щаѧ / вы̑. И̓ моли́тесѧ за творѧ́/щаѧ ва́мъ па́кости. Бг҇ъ же / ми́ра да ѹ̓стро́итъ ва́мъ по/-ле́знаѧ ꙗ̓́коже во́литъ бл҇го/сть е̓гѡ̀. Сїѧ́ же наро́ди ѿ него̀ / слы́шахꙋ. И̓ коне́чное любо́/вное проще́нїе ѿ него̀ вос҇прїе́млю/ще. Возвраща́хꙋсѧ пла́чю/щесѧ. Воспомина́юще своѧ̀ / согрѣше́нїѧ. Е̓́же бысть и̓мъ / гото́ва-го предложе́нїѧ, и̓ воз/мѣздїе во ѻ̓чесѣ́хъ и̓́хъ ста̀. / Гроза̀ цр҇ева всѣ́хъ ѻ̓бнѧла̀, / а̓ ѹ̓кры́тисѧ не могу́щимъ. /97об./ И̓ пома́лѣ вре́мени повелѣ̀ цр҇ь / бл҇же́ннаго Фили́ппа привестѝ / въ е̓ппїю на свидѣ́тельство / пред свидѣ́тели е̓гѡ̀. Ст҇ы́и же / вози́мъ бѧ́ше по пре́жнемꙋ с по/руга́нїемъ. Ста́вшꙋ же е̓мꙋ / пред цр҇емъ. И̓ тїи навѣ́тницы / ѻ̓дѣ́ѧшасѧ непра́вдою и̓ нече́/стїемъ свои́мъ. І̓ е̓гѡ̀ па́стырев / ѹ̓чени́къ Соловецкаго мнс҇трѧ / и̓менова́нїемъ то́кмо и̓гꙋме/нъ. Дѣ́лы же ꙗ̓́ко І̓ꙋ́да преда́/тель. С свои́ми подо́бными. / И̓ многососта́вныѧ на ст҇а́го / рѣ́чи и̓знесѐ. Ꙗ̓́коже е̓́сть хо/тѧ́щимъ любонача́льство. / Бл҇же́нныи же речѐ: Бл҇года́ть / Бж҇їѧ во ѹ̓́стнꙋ твое́ю ча́до, /98/ ꙗ̓́ко ѹ̓ста̀ льсти́ваго ѿверзо́/шасѧ на́ мѧ. А̓́ще ли что̀ ꙗ̓влюсѧ / недостаточествꙋѧ досто́и/на да не вотщѐ текі́и. Невѣ/си ли гл҇юще Бж҇їе сло́во: А̓́ще / кто̀ рече́тъ бра́тꙋ свое́мꙋ ю̓/ро́де пови́ненъ е̓́сть гее́нѣ ѻ̓́гне/нѣ́й. А̓́ще и̓ подща́лъсѧ е̓си̑ / вѧ́ще се́ѧ вла́сти похи́тити. / И̓ се́ѧ нече́стне го́нзнеши, не / моѐ бо е̓́сть сло́во се̑ писа́нїю / гл҇ющꙋ, ꙗ̓́коже что сѣ́етъ / чл҇къ то̑ и̓ по́жнетъ. Мно́гꙋ / ѹ̓бо смѧте́нїю бы́вшꙋ. / Ст҇ы́и же (речѐ) стоѧ́ше ꙗ̓́ко а̓́гнѧ / посредѣ̀ волко́въ в преподо́/бїи и̓ пра́вдѣ, и̓́менемъ Гн҇имъ / противлѧ́сѧ и̓мъ. Ѡ̓ тако/98об./вы́хъ бо̑ до́брѣ речѐ прр҇къ. И̓ / ѻ̓мрази́шасѧ в начина́нїихъ / свои́хъ. Ѻ̓рꙋ́жїе и̓́хъ вни́детъ / в ср҇дца и̓́хъ, и̓ лꙋ́цы и̓́хъ сокрꙋ/шатсѧ. Мнѡ́ги ско́рби пра/-ведным і̓ ѿ всѣ́хъ и̓хъ и̓зба́/витъ а̓ Гь҇. Надѣ́ющейсѧ на́ / Га҇ ꙗ̓́ко гора̀

не подвинутся вовеки»[74]. Блаженный же Филипп, неотложное течение жизни оканчивая, неистовство царское обличил: «Прекрати, — сказал, — благочестивый царь, столь неугодное начинание! Вспомни прежде бывших царей и, словно древние князья, которые тогда правили, или тех, которые сейчас правят, делая добро, — они и после смерти ублажаемы. А если зло творили в царстве и ныне немалыми проклятиями поминаются. Потрудись и ты, христолюбивый, подражать обычаю благих. Не умолить смерть светлостию сана. Смерть во все вонзает свои многоядовитые зубы. Так что предложим до того немилостивого ее пришествия плоды добродетелей — сокровища на небесах! Никто из живших в мире не взял собранного с собою после смерти. Нагим отдает отчет о жизни своей. Так и царь да не превозносится, но вспоминает свое плотское происхождение от земли и праха, восходя и нисходя с престола!»

Царь же исполнился гнева и не отвечал ему ничего и повелел предать блаженного суровым воинам. Они же, схватив его, сказали себе: «Испытаем беззлобие его и уморим его бесславною смертью. Зачем он противится царскому повелению? И тогда никто не будет противиться и обличать беззакония наши. Уморим его, поскольку он один без страха царя обличает и укрепляет его». После этого посадили его в зловонный хлев и ноги забили в колодки и тяжкие цепи возложили на шею доблестного и руки заковали железными оковами. И морили голодом, пытаясь непобедимого мужа, с юных лет привыкшего голодать, привыкшего целую неделю без пищи обходиться, победить. Но муж, как и подобает мужу, по-мужски явил победу — ибо любящим Бога все служит ко благу. Знает

Сїо́нъ неподви́жи/тсѧ во́вѣки. Бл҃же́нныи же / Фили́ппъ неѿло́жное тече́нїе / скончева́ѧ. Цр҇ево неи́стовъ/ство ѡ҆блича́ѧ. Преста́ни речѐ / бл҃го_ чести́выи цр҇ю ѿ такова́гѡ / неᲂу҆го́днагѡ начина́нїѧ. Во/спомѧни̇̀ пре́же бы́вшихъ цр҇е́й. / І҆ ꙗ҆́коже дре́внїи кн҃зи, ка́цы / ті́и бѣ́хꙋ тогда̀. Ка́цы ли̑ / сꙋ́ть нн҃ѣ. И҆̀же добро̀ твори́/99/ли и҆ по сме́рти блажи́ми сꙋ́ть. / А҆ и҆(х)же ѕлѣ̑ цр҇тво держа́ли. И҆ / нн҃ѣ нема́лыми кла́твами / помина́_ ютсѧ. Потщи́сѧ и҆ / ты̀ х҃олю́бче бл҃ги́хъ подража́/ти ѡ҆бы́чай. Сана свѣ́т_ лостїю / неᲂу҆м(а)оле́нна быва́етъ сме́рть. / На всѧ̀ бо̑ внизаетъ мнѡ́го-/ꙗ҆дови́тыѧ своѧ̀ зꙋ́бы. Тѣ́м / ᲂу҆бо пре́жде тоѧ̀ неми́л̾стива/гѡ прише́ствїѧ. Предложи́м / на̀ нб҃си сокро́вища, добродѣ́/телей плоды̀. Ни_ кто́же бо̑ / ꙗ҆́же в мі́рѣ собра̀, ѡ҆на́мѡ ѿ/ходѧ̀ но́ситъ. Но̑ всѧ̑ ѡ҆ста́/вивъ на земли̇̀. На́гъ сло́во / ѿдае́тъ ѡ҆ житі́и свое́мъ. / А҆́ще бо и҆ цр҇ь да не возно́ситсѧ. /99об./ но̑ да помы́слитъ плотско́е / сꙋщество̀. Ѿ землѧ̀ и҆ пе́рсти / на престо́лъ восходѧ̀, и҆ с него̀ / по́ времени сходѧ̀. Цр҇ь же гнѣ́_ /ва напо́лнисѧ не ѿвѣща̀ ни/что́же. И҆ повелѣ̀ преда́ти / бл҃же́ннагѡ во́иномъ сꙋровы́м. / Ѻ҆ни́ же прїе́мше е҆го̀ и҆ реко́ша / в себѣ̀. И҆скꙋ́симъ безѕло́бь/ство е҆го̀. И҆ сме́ртїю безлѣ́/потною ᲂу҆мори́мъ е҆го̀. Зане́/же сопроти́витсѧ цр҇скомꙋ / повелѣ́нїю. И҆ не бꙋ́детъ ни/кто́же сопроти́венъ. І҆ ѡ҆бли/ча́ѧ беззако́нїѧ на́ша а҆́ще сего̀ / ᲂу҆мори́мъ. Зане́же ѻ҆́нъ е҆ди́н / крѣ́покъ цр҇ѧ ѡ҆блича́ѧ і҆ ᲂу҆/крѣплѧ́ѧ. По́се́м же посади́/100/ша е҆го̀ во злосмра́днꙋю хлѣ́винꙋ, / и҆ но́зѣ е҆го̀ заби́ша в кла́дѣ / со всѧ́цѣмъ ᲂу҆тверже́нїемъ, / рꙋга́ющесѧ е҆мꙋ̀ ѕлѣ̀. И҆ вери́ги / тѧ́жки на сѐ ᲂу҆гото́_ ванны воз/ложи́ша на вы́ю до́блѧгѡ. И҆ рꙋ̀/цѣ е҆го̀ стѧгнꙋ́ша ѡ҆ко́вы же/лѣ́зными. И҆ гла́домъ мори́ти / покꙋ́шьшесѧ непобѣди́магѡ. / И҆́же ѿ ю҆́ности а҆ка́ти навы́/кшагѡ. Се́дмицꙋ без пи́ща за/твори́ша мꙋ́жа. Но̑ мꙋ́жь / ꙗ҆́кѡ мꙋ́жь мꙋ́жески побѣ́дꙋ / показа̀. И҆́кѡ лю́бѧщимъ Бг҃а / всѧ̀

Господь, как избранных Своих от напастей избавлять, как и при Данииле случилось в Вавилоне — львы укротились, устыдившись пророка, а люди не помиловали его, поскольку были по естеству гневливы [75]. Пророка устыдились люди, которые по естеству были кроткими, глядя на него. Что же до моего страдальца, то нечестивые люди не умилились, но бесчувственная сила посрамилась святым мужеством — с шеи и рук сами упали цепи и прекрасные ноги, утверждающие мир, освободились от колодок. Как и псалмопевец говорит: «Очи Господа на праведных и уши Его приклонены к их молитве. Многие скорби праведным, но ото всех их избавит их Господь» [76]. Царю же обо всем этом донесли, и он весьма подивился этому. После восьми дней повелел блаженного привезти в монастырь святого чудотворца Николая, прозываемого Старым. После же этого отломил ветвь от прекрасного родового корня трудолюбивого пастыря, сорвал плод, чтобы сокрушить душу крепкого. Повелел казнить родного брата — Михаила Ивановича Колычева, и голову послал к нему. Святой же Филипп благочестиво встал и, со всякой честию приняв ее, поклонился до земли и благословил. И любезно целовал ее и сказал: «Блаженны те, кого избрал и принял Господь. Память их из рода в род!» [77] И возвратил ее принесшему.

Об изгнании блаженного Филиппа в Тверь и о преставлении его

Увидев же терпение твердого адаманта и непоколебимую стойкость и ко своему начинанию непреклонное отношение, непоколебленное заточением, осуждает крепкого в Отрочь монастырь близ города Твери. Через некоторое же время и неблагодарного надзирателя приставляет. И в уготованное место вскоре изгоняет его.

поспѣваютъ во благое. / Вѣсть бо Гь како избранныѧ / своѧ ѿ напасти избавлѧти. / Ꙗкоже и при Данилѣ случися /100об./ в Вавилонѣ. Ту бо лвы оукро/тишася оустыдѣвшеся прррка. / А члцы не помиловаша его. Иже / блху чрезъ естество гнѣвли/вы, прррока оусрамишася. / А члцы ж естествомъ суще кро/тцы, на нь зрѧще не оукроти/шася что же моего стра/дальца трижненїе. Человѣ/цы не оумилишася. Но нечю/вственаѧ крѣпость оусра/мися стаго мужества, с вы / его и рукъ желѣза спадоша / сами. И ноги красны миръ / оутвержающа свободи/шася / ѿ клады. Ꙗкоже и ѱалмопѣ/вцу глющу. Очи Гни на пра/ве/дныѧ, и оуши Его въ млтву /101/ ихъ. Мнѡги скорби праведным / и ѿ всѣхъ ихъ избавитъ ѧ Гдь. / Црю же о семъ оувѣдѣвшу и в оудивленїе пришедшу. / И по днехъ осмихъ повелѣ / блаженнаго привести в мнтыр / стаго чюдотворца Николы / старому тако нарицаемъ. / По сем же ѿтор/же вѣтвь ѿ ко/рене родства добраго трудо/любнаго пастырѧ. Ѿѧ плодъ / да (не) [1] преломитъ дшу крѣпъ/каго. Повелѣ казнити бра/та его ѿ родных. Михаила И/вановича Колычева. И главу / его посла к нему. Стый же / Филиппъ блгочестивнѣ во/ста. И со всѧкою чтїю воспрїѧ. / И поклонися до землѧ. И благо/101об./слови и любезно цѣлова и рече: / Блжени ѧже избра и прїѧтъ / ѧ Гь памѧть ихъ ѿ рода и в род. / И ѿдастъ еѧ принесшему ю. /

О изгнанїи блаженнаго Фили/ппа во Тверь, і о преставленїи /его. / Видѧ же црь твердаго ада/манта терпѣнїе, и непо/колебимо теченїе. И ко сво/ему начинанїю непреложенїе. / Заточенїем крѣпкаго осужа/етъ. Во ѿрочь мнтырь гра/да Тфери. Времени же ма/лу прешедшу. И назира/те/лѧ неблгодарны приставиша. / И во оуреченное мѣсто вскорѣ / из-

---

[1] Зачеркнуто.

Скудоумные приставники везли его на лошадях неподобно, не давая желудку усвоить съеденное и постоянно издеваясь. Многострадальная же его душа не оскорбилась, не осиротела, напоминая себе слова блаженного апостола Павла, говорящего: «Кто нас отлучит от любви Христовой: скорбь или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч»? Как написано: «За Тебя умерщвляют нас целый день, сочли нас за овец, обреченных на заклание» [78]. Это доброрассудно вспоминая, блаженный Филипп говорил сам себе: «Надеюсь, что ни смерть, ни жизнь, ни заточение, ни позор, ни разлучение со своими родными, ни сановные почести, ни другая какая тварь не смогут отторгнуть нас от любви Христовой! Как угодно Господу, так пусть и будет! Да будет имя Господне благословенно отныне и до века! Благое принимал я от руки Господней, неужели злого не приму? Господня земля и то, что наполняет ее. Если же Бог за нас, то кто против нас?»

Находился же блаженный в заточении почти год, утесняемый скорбями и терпя досаждения от приставников, как я уже писал. Во время оно царь отправился в Великий Новгород, чтобы свое начинание в дело претворить [79]. Еще не достиг он города, в котором был блаженный заточен, упомянутый начальник, злобный подстрекатель, супостат святого, Малюта Скуратов внезапно и без опаски вошел в келью святого. Блаженный же Филипп за три дня до его пришествия говорил бывшим с ним: «Настало время завершить мой подвиг!» Они же не уразумели, что он говорит до тех пор, пока он не скончался. А он, просветляясь лицом, говорил: «Близко мое отшествие!» Принял же причастие — Пречистое Тело

гнанїе сотвори. Что же на пути блаженному сотво/102/риша скудоумнїи приставни/цы намькахъ везенїе неподо/бное. И нужное сырищу иссуче/нїе и руганїе присное. Много/страдальная же она душа ни/какоже оскорбѣ или осирѣ. / И в себѣ поминая блаженнаго / апла Павла глюща. Ничтоже / мене разлучити можетъ ѿ / любве Бжїя. Скорбь ли, или / тѣснота или гоненїе. Или / гладъ. Или нагота. Или / раны. Или бѣда или мечь. / Якоже есть писано. Яко те/бе ради умерщвляемы есмы / весь днь. Вмѣнихомся яко / овца заколенїю. Сїя убо бла/женныи Филиппъ обращая /102об./ во умѣ, доброразсудно глаше. На /дѣю бо ся яко ни смерть ни жи/вотъ, ни заточенїе ни позор. / Ни своихъ сродникъ посредѣ / разлученїе. Ни сановныя по/чести. Ни иная кая тварь / возможетъ ѿторгнути насъ ѿ / любве Хвы. Якож Гви годѣ / тако и будетъ. Буди имя / Гне блгословено ѿннѣ и довѣ/ка. Блгая воспрїяхъ ѿ ру/ки Гня. Злыхъ ли прете/рпѣти не имамъ. Гня бо / есть земля и исполненїе ея, / аще Бгъ по насъ кто на ны. / Проходящу же блаженному / уже к совершенїю лѣто въ / заточенїи. Скорбьми стѣ/103/сневаемъ и ѿ приставникъ до/сажденїи. Якоже и выше на / знаменах. Во время же оно / црю шествїе творящу в ве/ликїи Новъградъ свое начина/нїе в дѣло навершающу. / Еще ему не дошедшу града / в нем же блаженныи поточенъ. / Пред помянутыи препоситъ, / подстрекатель злобѣ. / Стаго сопостатъ Малюта / Скуратовъ. Внезапу без / опасенїя прїиде в келїю стаго. / Блаженныи же Филиппъ пре/жде трїехъ днехъ пришесТвїя / его к сущимъ ту глаше: Се уже / совершенїе моего подвига / время приспѣ. Они же не /103об./ разумѣша ѿ него глемыхъ, / яко о себѣ глетъ дондеже ско/нчася. Та же нача свѣтел / бывати глаше ѿшествїе мое / близъ. Прїемлет же испу/тника пречтое тѣло Ха

Христа, Бога нашего, и дивоточную Кровь. И преобильно исполнился Пресвятого Духа и стал тайновидцем сокровенных вещей. Малюта же, исполненный лукавства, властолюбивый раб, умильно припадая к блаженному, сказал: «Подай благословение царю, владыка святой, чтобы идти ему в Великий Новгород!» Блаженный же отвечал: «Пусть будет так, как ты хочешь, о любезный! Напрасно меня искушаешь и Божий дар ложью похитить хочешь!» И, сотворив молитву, так сказал: «Владыко, Господи Вседержителю! Прими с миром дух мой и пошли ангела мирного, чтобы усердно наставлял меня Трисолнечному Твоему Божеству! Да не возбранен мне будет исход начальником тьмы с падшими его силами! И не посрами меня перед ангелами Твоими, и к лику избранных Твоих причти! Яко благословен во веки! Аминь!» Каменносердечный муж подушкою зажал ему уста, обличавшие неистовство суеумных. Так святой предал душу свою в руки Божии — увенчался мученическим венцом 23 декабря 1570 года. Жизнь окончил и подвиг совершил.

Малюта Скуратов, свершив то, что хотел, вышел из келии и с пронырством начал говорить настоятелю обители и приставникам, что из-за их небрежения митрополит Филипп умер от печного угара. Они же, объятые страхом, ничего не могли отвечать. Малюта велел вырыть глубокую яму и повелел погрести многострадальное тело блаженного Филиппа за алтарем великого храма Пресвятой Богородицы. И возратился туда, откуда пришел. И как говорится — Божие отмщение на тех, кто неправед-

Бга / нашего и животочную кровь. / И обилнейши весь исполнися / Престаго Дха. И бываетъ / тайновѣдецъ сокровенны. / Что же начало лукавства / властолюбиваго раба. Оу/милне припадая ко блженно/му глаше. Подаждь блгосло/венїе црю влдко стый, итти / в великїи Новъ_градъ. Блже/нный же рече: Буди ти якоже / хощеши о любезне на не же /104/ пришелъ еси. Вскую мя иску/шаеши, и даръ Бжїи лестїю / не пщевати хощеши. И сотво / млтву сице рекъ.

Молтва. /

Влдко Гй Вседержителю прїими / с миромъ дхъ мой. И посли / аггла мирна ѿ престыя сла/вы Своея наставляюща мя / оусердно ко трисол_нечному ти / Бжеству. Да не возбраненъ / ми будетъ восходъ ѿ начал_ни/ка тмѣ со ѿступными его си/лами. И не посрами мене пред / агглы твоими. И лику изъ/бранныхъ мя причти, яко / блгословенъ еси во_вѣки аминь./

Каменосердечныи же онъ мужь / задтъ праведнаго оуста /104об./ подглавїемъ. Обличающая / неистовство суеоумныхъ. / И тако стыи пре_дастъ дшу / свою в руце Бжїи. Вѣнцемъ / мчнїя оувязеся. В лѣто, / ҂зон҃, декабря въ, кг҃, днь. / Теченїе сконча и подвигъ со/верши. Не_блгодарныи же онъ / Малюта Скуратовъ скунча/въ свое хотѣнїе, и тако и/зыде ис келїи. И проныръ/ствомъ нача глаголати къ / настоятелю обители тоя, / и приставникомъ. Яко не/бреженїемъ вашимъ Фи_ли/ппъ митрополитъ оумре / ѿ неоуставнаго зною келей/наго. Ѡни же страхомъ оде/105/ржими ничтоже ѿвѣщати / могуще. Малюта же ровъ / глубокъ ѕѣло изрыти по/велѣ. И пред собою погребе / многостра_далное тѣло бла/женнаго Филиппа. За олта/ремъ великїя црькви Пртыя / Бца, и возвратися паки ѿ/нюду же прїиде, обаче же / да речется

ное сотворил страстотерпцу Филиппу — клирикам и сановникам и тем, кто сана не имел. Объяли их недуги лютые, но не те же самые, что и Филиппа, — царское прещение на них обрушилось. Потом узнал царь, что лукавством низложили блаженного Филиппа. Разыскав тех, кто это сделал, повелел их изгнать в различные страны. Испытали позор, достойный жалости, — многие из них еще по пути лютую смерть приняли, другие же ходили с гноящимися ногами, издавая смрад, иные же ума лишились. Игумена же Соловецкого монастыря Паисия повелел заточить на Валаамском острове и тех, кто с ним был единомыслен, по разным странам разослал. Филофея же, Рязанского епископа, изверг из сана. Когда же вернулся царь из Великого Новгорода и найдя вину архиепископа Новгородского Пимена, который негодовал на блаженного Филиппа, то и это вспомнил и повелел заточить его в монастыре святителя Николая на Веневе. И раскаялся он в том, что на святого неправедное сотворил. Не забыл же и тех, которые, будучи приставниками, святого оскорбляли. И вскоре месть сотворил — Стефана Кобылина облек в черные одежды и изгнал на Каменный остров и иных же по различным разослал. Никто же из них и жизни не постиг и тайных слов честного отца, светлее солнца всем воочию предложивших. Ведь Писание говорит: «Всякое беззаконие заградит уста свои» [80].

О возвращении мощей блаженного Филиппа в Соловецкий монастырь

После преставления блаженного Филиппа царь Иван прожил еще довольно времени и преставился ко отцам своим. И был вместо него его сын, благочестивый царь Феодор. В седьмой же год благочестивой державы

Бжїе ѿмщенїе, / иже неправедно сотвориша / стртотерпцу Филиппу. / Ѿ клирик же и рядникъ сано/вныхъ, инехъ же и сана неи/мущихъ. Како ихъ прїяша / недузи люти. Не точїю же / се, но и црево прещенїе паки / на нихъ возвратися. /105об./ Последи бо оуведе црь яко / лукавьствомъ сложишася на / блженнаго Филиппа. Изыска/кавъ оубо известно, повеле / ихъ изгнати по различнымъ / странамъ. И бе видети / позоръ оумиленїя достойнъ. / Мнѡзи бо ѿ нихъ на пути лю/тую смерть прїяша тако ^ же / и друзїи согнитїе по ногамъ / ихъ исхождаше съ смердѣнїе^м^. / Ѡвїи же ѿ нихъ оумъ погубиша. / Соловецкаго же мнтыря игу/мена Паисею во островъ Вала/мскїи заточити повеле, / и еже с нимъ единомысле^нн^ковъ / по инымъ странамъ розосла. / Филофея же епископа Резанъ/106/скаго из сану изверже внегда / же возвратитися ему ѿ вели/каго Новаграда, и вину изы/скавъ на архїепископа Новго/родскаго Пимина. И приложи / и се еже негодова на блженнаго / Филиппа. На Веневу в мона/стырь стаго Николы заточи/ти повеле. Якоже ему раска/явшуся о стемъ яже непра/ведно сотвори о немъ. Не по/пусти же и темъ иже стаго / в приставстве оскорбивше / и. Но вскоре месть сотво/ри. Ст^е^фана Кобылина в че/рн^ы^я ризы облече во островъ / Каменной изгнанїе сотвори. / И иныхъ по различнымъ розо^сла^. /106об./ Нѣким же ѿ нихъ и жити не / пости. И се тайныя чтнаго / ѿца глы, слнца светлеи/ша всемъ воочїю предложи/шася. Писанїю бо глаголю/щу. Всяко бе^з^законїе загра/дитъ оуста своя.

О во^з^вра/щенїи мощей блженнаго Фи/липпа в Соловецкїи мнтырь. / По преставленїи же блженна/го Филиппа. Црю Иванну / лета доволна препрово/дившу. И преставися ко оце^м^ / своимъ. И бысть в него ме/сто снъ его блгочестивыи / црь Феодоръ. В седмое же ле/то блгочестивыя

8*

его, в двадцать первый год после преставления святого, благоговейные иноки Соловецкого монастыря вспомнили пот и труды и лаврское попечение блаженного Филиппа. Лишенные его пребывания, ибо не только своего престола лишился, но и скончался в изгнании, возвещают об этом наставнику своему Иакову. Услышав об этом, настоятель многой радости исполнился, поскольку словно от Бога это намерение пришло. Он сам помышлял — как перенести мощи блаженного к своему отечеству, ведь того хотел он сам: где дух его находится, чтобы там и телом пребывал. Вскоре пастырь отправился в царствующий город Москву ко благочестивому царю Феодору. Собираясь же в путь, взял с собою неких иноков, предвидя немалые трудности в дороге. Но на Бога уповая с надеждою, без задержек достигает города. К царю же приблизиться не дерзает, сомневаясь и в себе самом, ко святому обращаясь: «Поскольку настало время возвращения твоего к нам, подай благодать мне, чтобы я мог испросить, о страдалец, ибо в Боге ты жив и после смерти живым пребываешь! Но на твои молитвы уповая, дерзаю полезное испросить себе и чадам твоим! Не прогневайся на немилостивое сердце, если что-то тебе по неразумию сотворил, но подай святыню Духа, без нее же никто не увидит Господа! Ибо ты ходатай мира и за истину пострадал! Господние заповеди исполнил и ревнителем Его слов явился: «Блаженны миротворцы, ибо те сыновьями Божьими нарекутся!» [81]

Сказав все это, приступил ко благочестивому царю и сказал: «Даруй нам, царь благой, пустынного нашего гражданина Филиппа, наветами учеников изгнанного со своего престола, в чужестранствии затворенного во гробе, от юности наравне с отцами в киновии понесшего

державы / его. В двадесять первое лѣ/107/то по преставленїи стаго. Со/-
ловецкаго мнтря иноцы. / Блгоговѣйнїи воспомянуша по/товѣ и труды,
и попеченїе ла/врьское блаженнаго Филиппа. / Нн҃ѣ же лишени его вас-
пребы/ванїя. Ибо кромѣ своего пре/стола во изгнанїи скончавшу/ся. И
возвѣщают настя/внику своему Їякову. Сїя же / слышав(же) настояи
радости / мнωги исполнися. Яко ѿ / Бга извѣщенїе прїиму к своему /
начинанїю. Помышляющу / убо ему како бы пренести мо/щи блаженнаго
ко ѿчеству сво/ему. Яко тако стому изволи/вшу. Идѣже духом набдяи
/107об./ неѿступно тѹ и тѣлом пребу/дет. Немеднно же убо па/-
стырь шествїе сотвори к / црствующему граду Москвѣ, / ко блго(чес)ти-
вому црю Феодо/ру, но вскорѣ пути касается. / Поим собою нѣкїя ѿ
инок. / Аще бо и путнаго шествїя / трепеща, яко ненадежно. / Но на
Бга уповая надеждею. / Без законченїя убо постизает / град. К црю же
приближити/ся дерзати не смѣет. Та/ко бо мыслїю сумняяся, и / в
себѣ ко стому моляшеся. / Понеже время прочее возвра/щенїя твоего к
нам. Блго/дать подаси ми испросити /108/ ѡ страдалче. Ибо по Бзѣ
/ живыи и по смрти жив пре/бывает. Но на твоя млтвы / уповая
дерзнух полезная / просити себѣ же и чадом тво/им. Не возревнуй
немилосТи/вному срцу. Иже ти неразумї/ем сотвориша. Но стыни дха
/ без нея же никтоже узрит / Гда. Ибо мирныи еси ходатай, / и за
истинну пострада. Гне / бо реченїе совершил еси. И по/добник его
словес явися. / Блжени миротворцы яко тїи / снове Бжїи нарекутся.
Сїя же / ему изглавшу и приступль / ко блгочестивому црю и рече: /
Даруй нам црю блгїи пусты/108об./ннаго нашего гражданина Фи/-
липпа, учениковым навѣ/том ѿгнана своего пртола, / в чюжестран-
ствїи во гробѣ / затвореннаго. Иже ѿ юно/сти равно ѿцем в киновїи /

труды. Ныне же и мы, живущие, проклятию подлежим, поскольку ему неразумное сотворили! Ты же, благородный, этим даром возвратишь благословение нам!» И обступили его и покорился царь молению пастыря и повелевает дать им свое царское послание ко епископу города Твери. Принял же Иаков послание с радостию, достигает города и там живущим так говорит: «Где положили миротворного светильника Филиппа, скажите нам! Где сокрыли нового Моисея, не законоположника, но принявшего страдания за людей Божиих. Более сокровищ царских принявшего поношения ради Христа!» Заскорбели тверские люди, услышав это. Также и епископу Захарии показал царское послание. Захария же не смог воспротивиться царскому повелению, повелел настоятелю того монастыря показать место, где был погребен блаженный Филипп. Но, хотя и не хотели показывать, гроб сам показался. Они же, считая все это тщетою, начали раскапывать землю и обрели гроб. Тотчас же от мощей святого, словно во время мироварения, неким неизреченным благоуханием наполнился воздух и город весь исполнился ароматами благоухания. Открыли же гроб и обнаружили тело святого — целое и нерушимое. Даже к одеяниям его не прикоснулось тление. Отовсюду же стекался народ различного возраста и с изумлением видели свет, подобный зажженым свечам, сияющему, словно звезды. Тут и епископ пришел, песнисогласные славословия Господу воссылая и радостно благодарность принося: «Кто может предугадать пути Твои, Боже? Ты творишь чудеса через Своих угодников! Велик Ты, Господь, во всех делах Твоих и дивен в щедротах! Довольно и нам, грешным, даров Твоих милостей! Велика любовь Божия к людям! Кто способен сказать о силе Твоей, Господи? Ка-

трꙋды понесшаго. Нн҃ѣ же / и нам живꙋщим клятвѣ / належащи, иже емꙋ неразꙋ/мнiи сотвориша. И твое / бл҃городїе сицевым дарова/нїем на ны наведет бл҃госло/венїе им же пр[е]стꙋпихом. / Покорися ѹбо цр҃ь моленїю па/стыря, и повелѣвает да/ти своя црк҃ая писанiя к / еп҃пꙋ града Тфери. Прїем же / Iаков посланїе. Радостїю /109/ постизает град. И тꙋ жи/вꙋщим тако гл҃аше: Гдѣ / положисте миротворнаго свѣ/тилника Филиппа. Рцѣте / нам гдѣ сокрысте новаго Мо/исея не законоположника но / страдати изволивша за люди Бж҃ия. Па/че црк҃их сокровищь вмѣ/нившаго поношенїе Хв҃о. О/скорбѣша ѹбо твер/стїи лю/дїе слышавше сїя. Таже и / еп҃пꙋ Захарїи показаша црк҃ое / писанїе. Захарїя же повелѣнїю / црк҃омꙋ противитися не возмо/же. Повелѣ настоятелю мѣ/ста того показати гроб, / идѣже погребен бл҃женныи / Филипп. Обаче же и не хотящe /109об./ показаша гроб. Сами бо свою / тщетꙋ вмѣняхꙋся. Начаша / же раскоповати землю, и обрѣ/тоша гроб. Обаче же яко / мировренїем искипѣти / ѿ мощей ст҃аго. Бл҃гоѹханїя / нѣкоего неизреченнаго напо/лнися воздꙋх. И град весь / ѹмастиша ѿ вони бл҃гоѹха/нныя. Ѿкрыша же ковчег, / и обрѣтоша тѣло ст҃аго цѣ/ло и нерꙋшимо, поне ни ри/зим его прикоснꙋся тлѣнїе. / Стекоша же ся ѿвсюдꙋ всяка/го возраста народи. И бѣ ви/дѣти ѹдивлен но свѣщныи / блеск. Икоже и звѣзды / сїяюще. И тꙋ же пр҃толникꙋ /110/ пришедшꙋ. Славословїя пѣ/сни согласныя Гв҃и возсылаю/ще. И радостїю бл҃годарстве/нная приношахꙋ. Кто ѹбо / может исчести сꙋдьбы твоя / Бж҃е. Елико твориши чюдеса / своими ѹгодники. Велїи еси / Гд҃и в дѣлѣх Твоих, и диве/н в щедротах. Довлѣет / и нам грѣшным дарованїе / твоея мт҃и. Коликꙋ Бж҃е/ства любовь имаши к чл҃ком. / Кто доволен сказати силы / твоя Гд҃и,

кой язык изречет о милостях твоих, Боже? Оказал благосклонность нам, рабам Твоим, — в этом последнем роде такого светильника явил! Сокровище древней благости открыл для нас!» И со слезами обнимает и целует святого: «Ходатайствуй, — говорит, — к Царю всех, Богу, о городе, в котором живем, и нас в молитвах своих поминай!» И, одаряя Иакова, говорит: «Приими лозу, которая произросла от вашего виноградника, словно лилия в долинах сияя! Посланию царскому противиться не можем, но, отдавая мощи, испытываем печаль нестерпимую!» Радость же неизглаголанная объяла принимающих тело. Епископ же Захария со священным собором и со множеством народа честно проводили святого до берега реки, до того места, откуда иноки собрались отплывать. Игумен Иаков, приняв благочестный дар и бесценное сокровище, вскоре отправляется в путь, благодаря Бога, поскольку получил искомое и славя святого, что не презрел его. Когда же они со святым приблизились к острову, услышали об этом живущие в киновии и пошли навстречу иноки со множеством народа, со свечами и кадилами. И внесли его во святую и соборную церковь, которую он своими же трудами воздвиг, согласные песнопения Богу воссылая за то, что сподобились, не надеясь, обрести его. Радовался и святой, поскольку достиг отечества.

Когда же рано утром настоятель встал, чтобы созвать братию ко утреннему славословию, и вошел в храм, то почувствовал необычайный благоуханный аромат, который, подобно многоценному миру, наполнил храм, изливаясь от мощей святого. Как и прежде, дивился он и параеклессиарх этому. И благодарили Бога и святого за посещение. После же совершения утреннего славословия, когда приготовили место, где должно было почивать тело, целовали тело святого. С подобающей честию по-

или кїи ѧзыкъ / изречетъ твоѧ м҃ти, еже / оудивилъ еси на насъ ра_вѣхъ / своихъ в послѣднемъ родѣ / семъ. Такова свѣтилника /110об./ показалъ еси. Древнѧѧ бл҃го/сти ѿкрылъ еси сокровище / намъ. И со слезами обьеᵐлѧ / цѣлѹетъ ст҃аго. Ходатай/ствѹй глѧ ко цр҃ю всѣхъ Бг҃ѹ / о градѣ в нем же обита. И на҃ / в м҃лтвахъ своихъ поминай. / И тако дарствѹетъ Їѧкова / глѧ: Прїими гроздъ иже ѿ / винограда вашего израсте / ѧко кринъ во оудолїихъ сїѧѧ. / Его же ради писанїю цр҃комѹ про/тивитисѧ не можемъ. Печа/ль бо паки нестерпима ѿдаю/щихъ мощи. Радость же не³/гланнаѧ содержащи прїемлю/щиˣ тѣло. Паки же Захарїи / еп҃пъ со сщ҃енным соборомъ /111/ и со множествомъ народа ч҃тно / ст҃аго проводиша на край рѣки, / до мѣста ѿнюдѹ же хотѧще / ѿплыти. Игѹменъ же Їѧкоᵛ / прїимъ даръ любочестныи, / и сокровище бесцѣнное, вско/рѣ пѹти касаетсѧ Бг҃а бл҃года/рѧ ѧко полѹчи искомое. И ст҃а/го похвалѧше ѧко не презрѣ. / Егда же приближитисѧ имъ со / ст҃ымъ ко отокѹ, оуслыша/вше иже в киновїи живѹщеи. / І изыдоша во срѣтенїе иноче/скїѧ четы со множествомъ / народа со свѣщами и кадилы, / и несоша того во ст҃ѹю и собо/рнѹю цр҃квь. юже своими / трѹды возгради, пѣсни /111об./ согласныѧ Бг҃ови во³сылающе, / ѧко сподоби_шасѧ его же не надѣ/ющесѧ обрѣтше. Радѹетсѧ / оубо ⁱ ст҃ыи ѧко ко ѿчествѹ си / достиже. Егда же времѧ оу/тренемѹ славословїю клепати. / Оуранивъ оубо настоѧ҃ прїити / в цр҃ковь. І обо(а)нѧше вонѧ бл҃го/оуха_нїѧ необычнаго полнѹ сѹ/щѹ ѧкоже мира многоцѣнна/го, излїѧнна ѿ мощей ст҃аго, / ѧкоже и преже. Дивити же / сѧ и параеклисїархѹ о семъ. / И тако бл҃годаривше Бг҃а и ст҃а/го посѣщенїю. По совершенї/и же оут_ренѧго славословїѧ, / егда оуготовльше мѣсто и/дѣже хотѧше почити. Цѣло/112/вавше тѣло ст҃аго с подобною ᶜᵗⁱʲᵘ / тѹ и погребоша. Идѣже

гребли его там, где он приготовил себе место[82]. И согрелось сердце его в нем и возрадовалась плоть его, словно он был жив и одушевлен, живя в Боге, и дарованиями чудес обогатился.

Чудо первое. О муже Василии, исцелившемся молитвами святого Филиппа митрополита

Спустя некоторое время после перенесения мощей блаженного Филиппа, поведал мне иеромонах Феодосий об одном случае. «Некий муж, — сказал он, — по имени Василий, из восточных стран, живший в обители преподобных отцов Зосимы и Савватия, стремясь добрым желанием к Богу и теплою верою ко святым, был изрядным мастером по ручным работам и изящным строителем. Бывшим тогда игуменом той обители было повелено ему с прочими трудящимися заготовить лес для поновления храма и для прочих монастырских нужд. Валили они лес, и как-то упало на него дерево, весьма великое, сокрушив ему многие органы и сильно изранив. И словно древнерасслабленного, которого Иисус мой исцелил, те, кто был с ним в лесу, едва его до монастыря довезли. И думал он уже не о жизни, а о том, что ложе его станет гробом. На протяжении же болезни острыми воздыханиями сердце уязвляя и сердце огнем печали распаляя, одержимый тяжкой скорбью, что бы он ни делал, что бы ни говорил — умиленно взывал и горько стенал со многими воздыханиями, и омывался слезами, и ко святым молился, желая получить исцеление. Блаженного же Филиппа горячо призывая в болезни: «Помоги, — говорил, — будь ты мне надеждою и прибежищем! О, страдалец! Спаси ныне меня погибающего и уже третий год переносящего непрестанные тяготы болезни!» Когда же настал праздник Рождества Христова, увидел он друзей своих, идущих к

са́м / оу҆гото́ва. И҆ согрѣ́ѧсѧ / ср҃дце є҆гѡ̀ в не́мъ и҆ возра́довасѧ / пло́ть є҆гѡ̀ ꙗ҆́ко жива̀ і҆ ѡ҆дѹ́ше/вле́на ѿ Бз҃ѣ живе. И҆ даро/ні́и чюде́съ ѡ҆богати́сѧ. /

Чю́до, а҃. Ѡ҆ мѹ́жи Васи́лїи і҆/сцѣле́вшемъ, мл҃твами / ст҃а́гѡ Фили́ппа митрополи́/та./

Ма́лѹ же / вре́мени прише́д/шѹ по пренесе́нїи моще́й / бл҃же́ннагѡ Фи_ли́ппа. По/вѣ́да ми̑ ве́щъ сицевѹ. Фе/ѡ҆до́сїи є҆рмона́хъ. Мѹ́жь ре/чѐ нѣ́_кїи Васи́лїи и҆́менемъ / восто́чныѧ страны̀. Жи/вы́и во ѡ҆би́тели прп҃дб_ны́хъ /112об./ ѿц҃ъ Зоси́мы и҆ Савва́тїѧ. Ра/чи́тель же до́брымъ же_ла́нїе́м / къ Бг҃ѹ, и҆ те́плъ вѣ́рою ко / ст҃ы́мъ. Но̑ и҆ рѹ́чнымъ хѹ/до́жест_вомъ и҆зра́дна, / і҆ изѧ́щна зда́телѧ в сѹ́щи́х / тогда̀ бы́вша. И҆гѹ́меном / же ѡ҆би́тели тоѧ̀ повелѣ́но / бы́сть є҆мѹ̀ и҆ с про́чими Трѹ/жа́ющимисѧ гото́вити / древеса̀ на поновле́нїе цр҃ко́в/ное, и҆ на про́чаѧ и҆на́ѧ поТре́/бы мн҃трьскїѧ. Секѹ́щим / же и҆мъ древеса̀. И҆ по нѣ́кѡ/є҆мѹ слѹ́чаю падѐ на него̀ дре́/во превели́ко ѕѣло̀, є҆мѹ̀ же / и҆ тѣле́сныѧ оу҆́ды сокрѹши̑, / и҆ ра́ны мнѡ́гїѧ наведѐ. /113/ І҆ ꙗ҆́коже древлера́зслабленнагѡ / сотвори̑, є҆гѡ̀ же І҆с҃ъ мо́й и҆зцѣ/ли̑. Сѹ́щїи же с ни́мъ є҆два̀ / до мн҃трѧ є҆гѡ̀ довезо́ша. / І҆ оу҆же не к томѹ жи́ти оу҆пова́ѧ, / но̑ ѡ҆дръ сі́й гро́бъ себѣ̀ помы/_шлѧ́ѧ. Болѣ́зни же протѧ/же́нїе и҆мѹ́щи, воздыха́нь/ми ѡ҆́стрыми ср҃дце си̑ оу҆ѧзвлѧ́/ше, і҆ оу҆тро́бѹ ѡ҆гне́мъ печа́ли / распала́ше. И҆ тѧ́жкою ско́рь/бїю содержи́мъ. Что̀ оу҆̀бо не / гл҃ѧ и҆ли̑ что̀ не творѧ́ше, оу҆/ми́лено взыва́ѧ и҆ го́рцѣ сте/нѧ́ше. Со мнѡ́зѣмъ возды/ха́нїемъ и҆ слеза́ми ѡ҆мыва́ѧсѧ. / И҆ ко ст҃ы́мъ молѧ́шесѧ и҆сцѣле́/нїе полѹчи́ти жела́ше. Бла-/113об./же́ннагѡ же Фили́ппа те́плѣ / призыва́ѧ, в болѣ́зни по́/мощи гл҃аше. Ты̀ ми̑ бѹ́ди / наде́жа и҆ прибѣ́жище ѿ стра/да́льче. Нн҃ѣ мѧ спаси̑ поги/ба́юща. І҆ оу҆же тре́тїе лѣ́то / и҆сполнѧ́ющѹ, болѣ́зни ѡ҆/тѧг_че́нїе непреста́ѧше. Пра́/зденикѹ же прише́дшѹ Хв҃а Рж҃тва. / Дрѹ́ги своѧ

утреннему славословию. Сам же, конечно, лежал на одре. Разразился сильнейшим плачем и сам себе говорил: «Кто мое в Боге спасение и надежда? Какое обрету утешение и кем буду избавлен от этой напасти? Хочу умереть, нежели продолжать такую жизнь!» И многое подобное этому со многими рыданиями и плачем говорил.

Но что чудесно! Бог не попустил надолго сокрушаться печалию эту душу, но вскоре через Своего угодника подает Свою милость. От печали задремал болящий и видит себя на всенощном бдении вместе с иноками. Удивляется необычному изменению и видит некое странное явление. Сердце исполнено радости, так что и сказать ничего не может. Видит блаженного Филиппа, блистающего светом, облеченного святительским саном, ходящего с кадильницей и кадящего иноков. «И когда, — сказал, — приблизился к моему одру, посмотрел на меня и сказал мне: „Василий! Встань!“ Отвечал же ему больной: „Господи, Владыка мой! Не могу!“ Взял же его за руку святой и сказал: „Именем Господним будь здоров и ходи!“ Устрашило меня и почувствовал раздробленными костями необычное прикосновение. Вздрогнул и, проснувшись, ощутил себя стоящим у своего одра. Раньше не мог и двинуться, ныне же безболезненными ногами хожу». Воздавая благодарение Богу и хваля святого, приходит ко утреннему славословию и рассказывает все, что с ним случилось, инокам в соборе. Светло торжествуя день спасения своего вместе с друзьями, празднично духовно ликуя, приходит ко гробу святого и припадая, горячо целует, называя его благодателем жизни своей. За

видитъ ѿходя/ща къ оутренемꙋ славословїю. / Сам же конечнѣ лежаше на одрѣ / зѣлнѣйшiи возвожаше / плачь. И в себѣ мысля сице / глаше. Кто оубо ми есть про/чее по Бзѣ спасенїю надежда. / И кое обрящꙋ оутѣшенїе. / И кимъ избавленъ бꙋдꙋ сице/114/выя напасти, оумрети же/лаше. Неже к томꙋ жити. / Таковая и тѣмъ подобная / мнѡго гла с плачемъ и рыда/нїемъ. Что же оубо иже чю/десемъ Бгъ. Не попꙋсти / надолзе печалїю сокрꙋшати / си дшꙋ. Но вскорѣ оугодни/комъ своимъ мтть свою пода/етъ. Мало оубо ѿ печали во/здремася болящи. На всено/щномъ собранїи со иноки се/бя видитъ. И необычномꙋ / премѣне-нїю оудивляется. / И нѣкое явленїе странно зрит. / Срдце оубо сꙋще ра-дости полно / глати же не могꙋще. Видит / бо блженнаго Филиппа бли/114об./стающася свѣтомъ оболче/на стльскимъ саномъ с кади/лницею ходяща и покажа/юща иноки і егда же рече / приближися к моемꙋ одрꙋ, / взрѣвъ на мя и гла ми: / Василїе востани. Ѿвѣщав же / емꙋ болящи: ги, вдко мой, не мо/гꙋ, ем же мя за рꙋкꙋ стыи / и рече: Здравъ бꙋди именемъ / гднимъ и ходи. Оустраши бо / мя и осязанїе, содроблены ко/сти еще не терпятъ не о/бычнаго прикоснове-нїя со/дрогнꙋв же скоро и возбнꙋхъ / ѿ видѣнїя, здрава себе / ощꙋтихъ стояща оу своего / одра. иже иногда двигнꙋтися /115/ не могiи. нынѣ же безболѣзнено / ногама шествꙋя. Бгꙋ бо / блгодаренїе воздая и стаго / похваляя. в монастырь / оубо приходитъ еще оутре/немꙋ славословїю совершаемꙋ, / и повѣдаетъ вся о себѣ слꙋ/чив-шаяся в соборѣ иноком / с подрꙋги же своими свѣтло / торжествꙋя днь спасенїя / своего. Праздникꙋ оубо пра/зднично дꙋховнѣ ликоствꙋя / и ко гробꙋ стаго приходитъ, / припадая, любезно обьемля / цѣлꙋетъ блгодателя жи/вотꙋ своемꙋ нарицаетъ, / во всем же Бга всѣхъ про-

все же Бога всех прославляет, поскольку Он такую благодать даровал Своему угоднику блаженному Филиппу.

Чудо второе. О иноке Исайе

Иное поведал мне священноинок той же честной обители Соловецкой Геронтий. «Брат, — рассказывал он, — по имени Исайя, по прозвищу Зоря, знаменит был среди иноков своими подвигами и трудами. Неоднократно был главным поваром и в поварне с горячею верою обращался к блаженному Филиппу и достойную получил помощь. Однажды одолела его зубная боль и не видел он никакого спасения, разве только вырвать их. Одна болезнь породила другую болезнь — ослабли ноги, так что он и с места сдвинуться не мог. И многие дни недуга никуда не выходил, и келья горькой стала казаться. Умоляет он иноков, которые жили с ним в келии, чтобы его, болезнующего, принесли к раке блаженного Филиппа и прибег он к бесплатному врачевству общего предстателя, надеясь, что он там некое ослабление от болезни своей получит. Брат Григорий прислушался к его молению и хотя немало понадобилось труда, привел его ко гробу святого Филиппа и стал свидетелем чуда. Больной, видя перед очами руку святого, с верою моление ко Господу простирает и просит даровать ему исцеление. Дерзает коснуться к раке святого, словно ко врачу, чтобы исцеленному отойти. «Всякому просящему, — верно сказал мой Иисус, — дастся!» Тотчас же дело последовало вослед вере — болезнь недуга ослабляется! И если до этого не мог двинуться без помощи, теперь же силою благодати Христовой пошел без чьей-либо помощи. Получил исце-

сла҃в/лѧе҃тъ. и̂же таковꙋ̀ бл҃года҃т /115об./ дарова̀ своемꙋ̀ оу̂го́дникꙋ блж҃е́/нномꙋ Фили́ппꙋ./

Чюдо второ́е ѡ̂ и̂ноцѣ И̂са́їи. /

И̂нъ и̂наѧ ми̂ повѣ́да. Ѽщ҃е́/ннои̂нокъ Геро́нтїи тоѧ́ же / чтныѧ ѡ̂би́тели Соловѐцкїѧ. / Бра́тъ речѐ И̂са́їѧ и̂менемъ / зо(в)о́мыи прослꙋтїемъ зоръ. / Знамени́тъ же бѣ̀ во и̂ноцѣ́хъ / по́двига ра́ди трꙋдѡ́въ. И̂ а̂рхи/моге́ръ бѣ́ѧше мнѡ́гажды в̾ по/ва́рницы. Те́плъ оу̂бо вѣ́/рою ко бл҃же́нномꙋ Фи_ ли́ппꙋ. / И̂ те́плыѧ вѣ́ры (ѡ̂брѣ́те) [1] / досто́и́нꙋ ѡ̂брѣ́те мздꙋ̀. / Слꙋ_ чи́сѧ е̂мꙋ̀ болѣ́знь зꙋ́бь/на́ѧ велмѝ тѧжка̀. И̂на/коже спасе́нїѧ нѣ́сть. /116/ То́чїю е҆же и̂сторгнꙋ́ти и̂хъ. / Болѣ́знь же болѣ́зни притѧ/же. И̂ к томꙋ̀ дрꙋга́ѧ нападѐ. / Нога́мъ ѡ̂слабле́нїе, е̂́же и̂ дви́/гнꙋтисѧ ѿ мѣ́с_ та не моги́и / и̂ на мно́го вре́мѧ недꙋ́га протѧ/же́нїе сотвори̂. Неи̂схо́дны же / е̂мꙋ̀ днїе и̂ ке́лїѧ го́ресть пока/за̀. Мо́литъ оу̂бо и̂ноки и̂же / со_ жи́тельствꙋ́ютъ е̂мꙋ̀ в ке́/лїи. Да е̂го̀ болѣ́зни зболѣ́з/нꙋ́ютъ. Къ без_ мѣ́зномꙋ / врачевствꙋ̀ ѡ̂бщаго пре́ста́/телѧ ра́цѣ бл҃же́ннаго Фили́/ппа доведꙋ́тъ. Ꙗ̂́ко да бо́лѣ́/зни та́мо нѣ́кое оу̂тѣше́нїе / прїи́мѣтъ. Бра́тъ оу̂бо Григо́/рїи на е̂го̀ моле́нїе оу̂клони́сѧ. /116об./ Ꙗ̂́ще и̂ тре́боваше трꙋда̀ мнѡ́/га. Ко́ гробꙋ̀ ст҃а́го Фили́п/па приво́дитъ и̂ чюдеси̂ / свѣдѣ́_ тель быва́етъ. / Болны́и же рꙋ́кꙋ ст҃аго предъ / ѡ̂чи́ма ви́дѧ вѣ́рою моле́нїе / ко́ Гꙋ̀ простира́етъ, и̂сцѣ/ле́нїѧ полꙋчи́ти про́ситъ. / Ст҃а́го же ра́цѣ каса́тисѧ де/рза́е(т)ъ ꙗ̂́коже врача̀ того̀ / и̂мꙋщи, да не бездѣ́ленъ / ѿи́ти̂ хо́щетъ. Всѧ́комꙋ бо̀ / просѧ́щемꙋ вѣ́рно, е̂́же мо́й / І҃съ речѐ да́стъ сѧ. А̂́бїе же дѣ́/ломъ послѣ́дова вѣ́ра. Недꙋ́/га болѣ́знь оу̂мѧгчева́шесѧ. / И̂́же пре́жде подъкрѣплѧ́ем̾ / двигнꙋ́тисѧ не моги́и. Нн҃ѣ /117/ же си́лою бл҃года́ти Хв҃ы никого́ / же тре́бꙋѧ самъ хожда́ше. / Полꙋчи́в же ѡ̂бою̀

[1] Зачеркнуто.

ление от недуга, проповедуя величие Бога и силу блаженного Филиппа в чудесах, принявшего такую благодать от Бога.

Чудо третье. О Иване серебреннике

«Как благ Господь к Израилю, к чистым сердцем!» [83] — как написано. Сотворил в этот век, когда приблизилась кончина и мало спасающихся, такого спасителя последнему роду даровал! В наши дни это произошло в океанской пучине, в Приморье, на реке, называемой Варзуга. Многие там скопили богатства, промышляя на море. Один из них, по имени Иван, серебряных дел мастер, пришел к нам в обитель преподобных Зосимы и Савватия чудотворцев, в Соловки. Сам же о себе в собрании иноков поведал: «Случилось мне, — сказал, — тяжело заболеть. Искусные врачи не смогли помочь, и я уже думал не о том, чтобы выжить, поскольку в безнадежной печали люди дерзают призывать смерть. Так и со мной случилось — долгое время пришлось страдать неослабно, приближалась ночь — болезнь день ото дня усиливалась, прилагая к одной другую, а утешения ждать было неоткуда. Возложил надежду на Господа. Скорый же в милости, долготерпеливый Господь, питая божественную любовь к людям, часто действует через Своих святых. Однажды ночью, когда я спал, — силы же были истощены от болезни и глаза открыты, — предстал передо мною светолепный муж в святительской одежде и сказал мне: «Человек! Чем ты болен?» Я же отвечал: «Господи! Утроба моя болит!» Святой же сказал: «Покажи мне, где болит!» Больной же пальцем указал на свои ятра. Блаженный же осенил крестным знамением и сказал: «Ты меня не знаешь?

недугу исцѣ/ленїе. Яко проповѣдая величїе / Божїе. И силу блаженнаго Фили/ппа в чюдесѣхъ. Иже благодать / такову от Бога прїимшаго. /

Чюдо третїе, о Иваннѣ сребре/никѣ./

Коль благъ Богъ Израилевъ / правымъ сердцемъ. Якоже со/твори в онь же вѣкъ кончи/на достиже. Во дни в няже / мало спасаемыхъ. Такова / спасителя последнему роду / дарова. Иже в наша дни содѣ/яшася. Во окїяньстѣй пу/чинѣ в приморїи на рецѣ глаголемей / Варзуга. Мнози бо тамо /117об./ веси человѣцы к сожитїю имутъ. / Богатьства ради морскаго. / Единъ же от живущихъ ту. / Мужь Иванъ имя ему. Ху/дожествомъ же сый сребреныи / ковачь. Прїиде к нам во обитель / преподобныхъ Зосимы и Саватїя / чюдотворцовъ в Соловки. Сам / о себѣ в собранїи инокомъ повѣ/да. Случи бо ми ся рече болѣти / тяжко зѣло внутренїи моей. / Якоже и врачевстѣй хитрос/ти не возмогати причастно. / И уже не к тому жити уповах. / Иже в печали человѣцы без надежи / смерть призывати дерзают, / якоже и мнѣ случися. Еще же / и время протяженно имущи /118/ без ослабы страдати. Нощи убо / приближающися преходити же / дню. Паки болѣзнь к болѣзни / прилагашеся, и уже утѣше/нїя ниоткуду имѣя. На Господа же / паки возложихъ надежду. / Скорый же в матери многотерпѣ/ливыи Господь иже колику Божества любовь / къ человѣкомъ имать. Изволи / дѣйствовати своими святыми. / Спящу ми во едину от нощей. / Бодрости же не имѣя от болѣз/ни око, ниже совершено спя. / Предста бо ми мужь светолѣ/пенъ во святительской одежди. / И глагола ми: Человѣче чимъ болиши. / Азъ же отвѣщахъ: Господи утробою / моею болю. Святый же рече: По/118об./кажи ми мѣсто болѣзни. / Болный же перстомъ показо/ваше своя ятра. Блаженны/и же осѣни руки своея крестом / и рече ми: Не знаеши ли мя / митрополитъ бо есмь Фили/ппъ

Я митрополит Филипп, который в Соловках». И стал невидим. Пробудившись ото сна, исцеленный посещением святого, запел, возрадовавшись: «Кому не расскажу, Святый Боже, о Твоих знамениях и чудесах, которые творишь востину! Знаю тебя, поскольку великим от Бога благом сподобился преемником быть! Благословен Господь, поскольку посетил и сотворил спасение через тебя людям своим!»

О божественная и честная глава, святитель Филипп! С небес милостиво и на нас призирай. Ты со ангелами ликуешь в инобытии и, приняв освящение Пресвятой Троицы, светлее оттуда освящай прославляющих тебя! И утверждай рабов своих и молись за вселенную и за православного царя молись и церковный мир призывай и за священнический чин, не премолчи за иноков! Знаешь, что на нас словно вражеская рать ополчилась, ставя сети и всюду стремясь уловить. Молись за свое духовное стадо, чтобы побороть нам их, отжени мысленных волков молитвенною палицею своею, чтобы обрели мы добро, чтобы возлюбили его и обрели благодать, которою изволишь насыщать нас неизреченными благами. Позволь же и нам всем их получить. Благодатию же и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Ему же достойно приносить всякую славу, честь и поклонение со безначальным Его Отцом и со Пресвятым и Благим и Животворящим Духом, ныне и всегда и во веки веков! Аминь!

и҆же в Соловкахъ. И҆ па/ки невидимъ бысть. Воз/бнꙋвъ же а҆зъ ѿ сна и҆ здравъ / бы҆ посѣщенїемъ стаго. / И҆ радꙋѧсѧ позхъ. Комꙋ не / повѣмъ стче Бжїи твоѧ зна/менїѧ и҆ чюдеса ꙗ҆же твориши. / Воистиннꙋ свѣм та ꙗ҆ко ве/ликимъ ѿ Бга блгимъ сподо/бисѧ є҆си прїемникъ быти. / Блгословенъ Гь ꙗ҆ко посѣти / и҆ сотвори спасенїе тобою /119/ людемъ своимъ даровати. / ѡ҆ Бжественнаѧ и҆ чтнаѧ гла/во стлю Филиппе, свыше / милостивнѣ и҆ на насъ призи/рай. И҆же со а҆ггли ликоствꙋѧ / в присносытїи. І҆ ѡ҆ сщенїе пре/стыѧ Трца подъемлѧ ꙗ҆снѣе(ѧ). / Ѿтꙋдꙋ осщаи хвалники своѧ / і҆ оутвержаи рабы своѧ. Моли/сѧ оубо за вселеннꙋю и҆ за право/славнаго црѧ. Моли и҆ за цер/ковныи миръ. При_зывай / и҆ за чистительскїи чинъ. Не / премолчи за и҆нокихъ и҆с_полне/нїе. Вѣси ꙗ҆ко многа ꙗ҆же на / ны, вражїѧ рать, постав/лѧющи сѣть и҆ всюдꙋ ловѧщи. / Стани молисѧ побори за свое /119об./ дховное стадо. Ѿжени вол/ки мысленыѧ млтвеною пали/цею своею. И҆маши бо добро / прибытиа є҆го же возлюби, / і҆ ѡ҆брѣте блгодать ю҆же и҆зво/ли. Насыщаешисѧ неи҆зрече/нныхъ блгъ. И҆хъ же бꙋди / и҆ намъ всѣмъ по_лꙋчити. / Блгодатїю (же) и҆ чкколюбїемъ / Га нашего І҆са Ха. Є҆мꙋ же лѣ/по є҆сть всѧка слава чть и҆ по/кланѧнїе со безначалымъ є҆го / Ѿцемъ, и҆ съ Прстымъ и҆ Блгимъ / и҆ Житворѧщимъ Дхомъ. / Нне и҆ прно и҆ во вѣки / вѣкѡмъ / а҆минь.

Примечания

Замысел создать жизнеописание святого митрополита Филиппа возник у Г.П.Федотова еще во время жизни в Советской России. Несмотря на то, что мыслитель покинул Россию в 1925 году, когда Сталин еще только рвался к власти, Федотов пророчески ощутил необходимость напомнить своим современникам о жестокостях Ивана Грозного и подвиге митрополита Филиппа. Многие современники Г.П.Федотова — поэты, писатели и мыслители — пытались осмыслить происходящее, все чаще обращаясь к истории России. Ленина и Сталина сравнивали с Петром I, с росийскими бунтарями-старообрядцами.

...Но лишь сейчас сказать пора,
Величьем дней сравненье разня,
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни...

(Борис Пастернак)

Есть в Ленине Керженский дух
Игуменский окрик в декретах,
Как будто истоки разрух
Он ищет в Поморских ответах.

Мужицкая ныне земля,
И Церковь — не наймит казеный.
Народный испод шевеля,
Несется глагол краснозвонный...

(Николай Клюев)

Вряд ли стоит упоминать второстепенных поэтов и писателей, которые славили революционеров и их вождей. Достаточно упомянуть Алексея Толстого, Владимира Маяковского и кинорежиссера Сергея Эйзенштейна, который все же выполнил социальный заказ Сталина и создал фильм-дилогию «Иван Грозный». Книга Федотова «Святой Филипп, митрополит Московский» увидела свет в Париже в 1928 году. Тогда еще «железный занавес» не был столь непроницаемым — книги, издаваемые на Западе, все же проникали в Россию. Важно, что мыслитель создал монографию, посвященную не жизни правителя-тирана, а его жертвы, как бы напоминая современникам о жизни и подвиге патриарха Тихона, мученически скон-

чавшегося весной 1925 года. Но это не единственное достоинство книги Федотова. Она и сегодня ценна для нас тем, что впервые в XX столетии был явлен образец новой агиографии, свободной от штампов и в то же время вооруженной новейшими достижениями исторической науки. Федотов бережно изучает все свидетельства той дальней эпохи и, подобно реставратору икон, убирает вековые наслоения, обнажая первоначальную красоту жизни и подвига мученика. После падения коммунизма монография Федотова дважды переиздавалась в России, но это были репринтные издания, изобиловавшие опечатками и ошибками. Впервые текст книги Федотова издается по первому изданию 1928 года. Издание снабжено приложением, в которое вошли церковнославянской текст жития, издаваемого впервые с начала XVII века, и его перевод, а также необходимые комментарии.

[1] Иловайский Д.И. (1832–1920) – русский историк и публицист. Автор пятитомной «Истории России», учебников по русской и всеобщей истории.

[2] Житие митрополита Филиппа стоит особняком среди житийной литературы древней Руси. Его автор, человек высокой книжной культуры, обладал минимальным биографическим материалом, поэтому восполнял его недостаток агиографическими штампами. Язык жития – витиеватый, пытающийся подражать стилю «плетения словес». Он чрезвычайно труден для понимания. Странно, что за протекшие четыре столетия он не был не только ни разу издан, но и не переведен. В прошлом столетии было издано лишь переложение А.Н.Муравьева (1857 г.).

[3] Рынды и подрынды – царские служители в Древней Руси, готовые выполнить любое царское поручение. Ясельничий – помощник конюшего, наблюдавшего за лошадьми, предназначенными для царской езды.

[4] Федотов говорит о княжении Ивана III, деда Ивана IV, которого также называет Грозным.

[5] Татищев В.Н. (1686–1750) – государственный деятель, русский историк, автор «Истории Российской с самых древнейших времен».

[6] В 1472 году Иван III заключает второй брак с Софьей Палеолог, племянницей последнего византийского императора Константина XI. Она воспитывалась в католическом Риме, поскольку Византия пала под ударами турок.

[7] Г.П.Федотов сравнивает влияние Елены Глинской на развитие русской государственности с влиянием Софьи Палеолог, второй жены Ивана III: обе великие княгини привозили в Москву свой двор, состоявший в основном из иноземцев, которые, безусловно, оказывали влияние как на внешнюю, так и на внутреннюю политику Руси.

[8] Г.П.Федотов резко выступил против фальсификации отечественной истории, которая целенаправленно культивировалась молодым советским правительством. Сталину импонировал образ Ивана Грозного. Он примерялся то к личности Петра I (роман Алексея Толстого «Петр I» был социальным заказом Сталина), то к личности Ивана Грозного. Фильм С. Эйзенштейна «Иван Грозный» – также социальный заказ Сталина.

[9] Перифраз из Книги пророка Иеремии: «Отцы ели кислый виноград, и у детей на губах оскомина» (Иер. 31, 29).

Житие и подвиги Филиппа, митрополита Московского и всея России

«Подвиг святого Филиппа всем памятен и запечатлен мученической смертью. Избранный на том же соборе, что и Герман (архиепископ Казанский, избранный Иоанном Грозным на митрополичий престол, но спустя два дня смещенный царем – *С.Б.*) из игуменов соловецких, он прямо поставил предварительным условием своего избрания отмену опричнины. Царь и епископы убедили его отказаться от этого условия, сохранив за митрополитом лишь право печалования за опальных. Когда через полтора года возобновились казни, Филипп возвысил свой голос. Сперва увещевая царя наедине, он переносит свои обличения в Успенский собор... Для святого Филиппа исповедание правды было столь же обязательно, как и исповедание веры: „Иначе тщетна будет для нас вера наша, тщетно и исповедание апостольское“.

Впечатление этого слова правды, сказанного в лицо тирану, было велико, но в деморализованной опричниной России мало было охотников следовать путем Филиппа. Собор епископов по требованию царя низложил митрополита, обвиненного в неясных для нас преступлениях. Заточенный в Тверской Отрочь монастырь, через год страдалец был задушен Малютой Скуратовым во время карательного похода царя на Новгород» (*Федотов Г. П.* Святые Древней Руси. М., 1990. с. 126).

Житие митрополита Филиппа было создано или в конце XVI или, что гораздо вероятнее, в начале XVII века. Оно дошло до нас в большом количестве списков и нескольких редакциях. Самое поразительное — за три столетия существования оно никогда не переводилось и не издавалось! Г. Г. Латышева, исследователь жития, определяет две редакции как основные — Колычевскую и Тулуповскую. Данный текст публикуется по Тулуповской редакции (название произошло от сборника Германа Тулупова, 1633 г., в который входит текст. — *С.Б.*). Впервые полный перевод публикуется по списку, хранящемуся в РГАДА, фонд 181, рукописное собрание МГА МИД, ед. хр. 336. Житийный сборник начала XVII века. В житии описывается событие, относящееся к 1591 году. Соловецкий игумен Иаков пришел к царю Федору Иоанновичу и попросил перенести мощи святителя в Соловецкий монастырь из Тверского Отрочь монастыря. Во время перенесения мощей произошли первые чудеса и исцеления. В 1652 году во время царствования Алексея Михайловича Тишайшего состоялось перенесение мощей митрополита Филиппа в Москву, где они и поныне почивают в Успенском соборе Кремля.

[1] Пс. 81, 6, Мф. 24, 28; 8, 11.
[2] Рим. 8, 30.
[3] Мф. 5, 14.
[4] «... голову проклятого техглавого змея» — речь идет о сатане.

[5] Пс. 1, 3.

[6] Пс. 18, 11.

[7] Великие князья Древней Руси перед смертью согласно обычаю принимали схиму и, соответственно, — новое имя. Великий князь Василий Иванович принял в монашестве имя Варлаама.

[8] Пс. 36, 29.

[9] Пс. 111, 2.

[10] Мф. 11, 8.

[11] Мф. 6, 24.

[12] Исстари христианского священника, согласно библейским обычаям, называли пастырем, т. е. пастухом. Феодор, пася овец, учился управлять монашескою братиею, готовясь стать пастырем-игуменом Соловецкого монастыря.

[13] Преподобный Александр Свирский — о жизни этого святого известно очень мало. Его мощи были обретены в 1641 году. Он был постриженником Валаамского монастыря, ушел из него и основал свою обитель близ реки Свирь. Он находился в близких духовных отношениях с преподобным Корнилием Комельским и даже послал к нему одного из своих учеников. Память святого празднуется в тот же день, что и преподобного Зосимы Соловецкого — 30 апреля.

[14] Пс. 24, 18. В русском переводе он звучит так: «Призри на страдание мое и на изнеможение мое и прости все грехи мои».

[15] Пс. 54, 8–9.

[16] 2 Фес. 3, 8.

[17] Лк. 14, 28.

[18] История сохранила имена этих мастеров. Среди строителей соловецких соборов называют новгородских зодчих Салку и Столыпу. Среди иконописцев, украсивших соловецкие соборы, — «доброписцы иконные» из Новгорода: «Гаврило Старой, да Илья, да Крас».

[19] Сохранилось устойчивое предание, что в разработке проектов соловецких соборов принимал участие и сам игумен Филипп. «...Некоторые индивидуальные особенности памятников (имеются в виду соборы. — *С.Б.*), и прежде всего внушительность их размеров, сложились не без активного влияния заказчика — Филиппа Колычева. Косвенным свидетельством этого может служить утверждение приезжавшего на Соловки в начале XX столетия знатока русского Севера Бориса Шергина. По его словам, он видел и даже копировал архитектурные чертежи, подписанные автором — игуменом Филиппом (см.: *Скопин В. В.* Соловки. М., 1994, с. 81).

[20] «Многопрестольность — а в соборе (Преображенском. — *С.Б.*) помимо основного находятся еще шесть приделов — не только усложняла внешний облик храма, но и содержала в себе последовательную идеологическую программу: желание представить соловецкий собор как своеобразный пантеон избранных святых, призванных прославлять удаленный северный монастырь. Нижние приделы находятся в правой и левой частях трехдольного алтаря. Северный из них был посвящен высокочтимым «основателям» соловецким Зосиме и Савватию, в южном находился придел архангела Михаила — популярного на Севере защитника Церкви. Если

нижние приделы имели как бы местное значение, то верхние отражали заслуги монастыря перед государством. Так, два из них названы в честь двенадцати и семидесяти апостолов, что ассоциировалось с деятельностью миссионеров монастыря в проповеди христианства. Два других — Иоанна Лествичника и Феодора Стратилата — посвящены небесным покровителям царских сыновей — Иоанна и Феодора» (*Скопин В. В.* Соловки. М., 1994, с. 81–82).

[21] Имеются в виду завоевание Казанского и Астраханского ханств, а также покорение Сибири.

[22] Митрополит Макарий (1482–1563) — с 1542 года митрополит Московский и всея Руси, глава Русской Православной Церкви и кружка книжников, которые трудились над составлением Великих Четьи-Миней — полного сборника житий святых. Митрополит Макарий был также одним из редакторов «Степенной книги». На поместном Соборе РПЦ 1988 года был причислен к лику святых. После смерти митрополита Макария в 1563 году митрополитом Московским и всея Руси был избран в 1564 году инок Чудова монастыря Афанасий. Он был духовником царя Иоанна Васильевича Грозного, пытался бороться против опричнины, но его воля была сломлена отъездом царя в Александровскую слободу. Оставил митрополию в 1566 году «за немощию велиею» и вернулся в Чудов монастырь. После его добровольного отречения царь призвал из Соловецкого монастыря игумена Филиппа.

[23] Притч. 21, 1.

[24] В житии упоминается гнев царя Иоанна Васильевича Грозного на свободолюбивый и мятежный Новгород. Новгородцам было известно, что царь намеревается расправиться с городом, поэтому просили заступления у будущего митрополита Филиппа, когда он достиг его по пути в Москву.

[25] Данный абзац, по-видимому, является позднейшей вставкой, поскольку этот текст находится в противоречии со словами царя: «И ныне, по нашему совету, более же всего — Священного Собора — благодатию Божией — избран ты!»

[26] Явный анахронизм, свидетельствующий, что автор жития создавал его спустя полстолетия после гибели митрополита Филиппа, когда Русской Церковью управлял патриарх.

[27] Речь идет о библейском праведнике Иове, страданиям которого посвящена в Библии книга, названная его именем.

[28] «...семь тысяч лет всегоршей муки» — отголоски средневековых представлений, основанных на том, что мир просуществует лишь семь тысяч лет. По истечении этого срока последует Страшный суд и второе пришествие Иисуса Христа.

[29] Скорее всего, «Житие митрополита Филиппа» создавалось в начале XVII столетия, после Смутного времени. В этот период происходит переоценка взглядов на природу царского служения. От Византии Русь унаследовала взгляд на царя как на Божьего избранника, которому следует беспрекословно подчиняться, не рассуждая. Автор Жития вкладывает в уста митрополита Филиппа слова, которые могли казаться кощунственными не только самому царю, но и его окружению.

[30] Мф. 22, 37–40.

[31] 1 Кор. 13, 4–13.

[32] Речь идет об апостолах Петре и Иоанне, возлюбленном ученике Христа, который на Тайной вечери лежал у груди Учителя.

[33] Синкелл – пресвитер или монах, живущий при патриархе, как сотрудник ему в управлении и как свидетель непорочной его жизни. Синкелл Евстафий был настоятелем Кремлевского Благовещенского собора.

[34] Пс. 13, 5.

[35] Иер. 12, 10. В русском переводе этот стих звучит следующим образом: «Множество пастухов испортили Мой виноградник, истоптали ногами участок Мой, любимый участок Мой сделали пустою степью».

[36] Имеется в виду Александровская слобода, которую Иоанн Грозный сделал своей новой столицей.

[37] Автор «Жития» сравнивает те беды, которые обрушились на Русь в царствование Иоанна Грозного, с бедами, обрушившимися на египтян в XII веке до нашей эры, когда фараон не желал отпускать еврейский народ из Египта. Тогда на Египет обрушились египетские казни, завершившиеся гибелью первенцев мужского пола.

[38] Имеется в виду Успенский Кремлевский собор.

[39] Автор «Жития» обыгрывает сходство – митрополит Филипп был сыном Стефана Колычева. Первым мучеником христианства был архидиакон Стефан, побитый камнями за исповедание веры в воскресшего Иисуса Христа.

[40] Еще одно свидетельство переоценки взгляда на царское достоинство и служение – автор Жития вкладывает в уста митрополита Филиппа напоминание, что царь смертен, т. е. подобен простым людям.

[41] Ис. 8, 18.

[42] Ин. 15, 12–13.

[43] Мф. 7, 12.

[44] Ин. 15, 10.

[45] Пс. 37, 12–13.

[46] Мф. 18, 7.

[47] Евр. 11, 16.

[48] Пс. 118, 46.

[49] Упоминаются ветхозаветные первосвященники Захария и Аарон. Митрополит Филипп совершал Божественную литургию как предстоятель за весь народ, именно поэтому он сравнивается с ветхозаветными духовными вождями.

[50] Халдеи – в данном контексте мусульманские мудрецы.

[51] Адамант – алмаз (*церк.-слав.*).

[52] Пс. 11, 3.

[53] Парафраз Пс. 96, 2 – «Правда и суд – основание престола Его».

[54] Ин. 15, 12–13.

[55] Ин. 3, 10–11.

[56] Пс. 23, 1.

[57] Пс. 7, 15: «Вот, нечестивый зачал неправду, был чреват злобою и родил себе ложь».

[58] Анагност – чтец. В данном контексте скорее всего – иподиакон митрополита Филиппа. Согласно традиции иподиаконами были юноши 12–13 лет. Их посвящали в анагносты, что было первой ступенькой в церковном служении.

[59] Речь идет об испытании чтеца митрополита Филиппа, которого подучили лжесвидетельствовать против него.

[60] Флп. 1, 21.

[61] Память этих апостолов из числа 70 отмечается церковью 4 января по старому стилю.

[62] Скорее всего, речь идет о Новодевичьем монастыре.

[63] Тафья – шапочка, которую носили обычно татары. На Русь этот головной убор проник во время монголо-татарского ига. Во время царствования Иоанна Грозного на Стоглавом соборе было принято решение о запрете ношения тафий, однако даже царевичи продолжали носить их. Опричники Иоанна Грозного специально надели их во время богослужения, чтобы подразнить митрополита Филиппа и выставить его перед царем на посмешище.

[64] Пс. 26, 3.

[65] Архон – буквальный перевод с греческого: «начальствующий». Быть может, речь идет о регенте, который управлял монастырским хором.

[66] Пс. 139, 3–4.

[67] Пс. 7, 16–17.

[68] Митрополит Филипп предрекает эпоху междоусобных войн и Смуту, которая вскоре обрушится на Русь.

[69] Лк. 21, 19.

[70] Ин. 10, 14.

[71] Лк. 6, 28.

[72] Мф. 5, 22.

[73] Гал. 6, 7.

[74] Пс. 36, 15.

[75] Повествуется о событиях, рассказанных в книге пророка Даниила.

[76] Пс. 33, 16, 20.

[77] Пс. 64, 5, Пс. 101, 13.

[78] Рим. 8, 35–36.

[79] Речь идет о походе Иоанна Грозного на Новгород, который окончился жесточайшей резней и окончательной гибелью республиканского правления в городе.

[80] Притч. 10, 6.

[81] Мф. 5, 9.

[82] Игумен Филипп приготовил себе место для погребения под храмом преподобных Зосимы и Савватия.

[83] Пс. 72, 1.

Содержание

Георгий Петрович Федотов

Собрание сочинений в 12 томах.
Том 3:
Святой Филипп, митрополит Московский.
Приложение: Житие и подвиги Филиппа,
митрополита Московского и всея России

Редактор издательства *В. Лега*
Художник *И. Бурый*

Издательство «Мартис»
117334, Москва, Андреевская наб., 2

Формат 60x88 1/16. Гарнитура Нью-баскервиль.
Бумага офсетная №1. Печать офсетная.
Тираж 1 000 экз. Заказ № 1384

Отпечатано в ППП «Типография „Наука“».
121099, Москва, Шубинский пер., 6